

ФРЕДРИК БРАУН

САМОЕ
ОБЫКНОВЕННОЕ
УБИЙСТВО

ГДЕ ТЕБЯ
НАСТИГНЕТ
СМЕРТЬ?

чай, кофе
и убийства

ФРЕДРИК БРАУН

чай, кофе
и убийства

ФРЕДРИК БРАУН

САМОЕ ОБЫКНОВЕННОЕ УБИЙСТВО

ГДЕ ТЕБЯ НАСТИГНЕТ СМЕРТЬ?

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44
Б87

Серия «Чай, кофе и убийства»

Fredric Brown
THE FABULOUS CLIPJOINT
DEATH HAS MANY DOORS

Перевод с английского Н. Виленской

Серийное оформление В. Воронина

Оформление обложки В. Лебедевой и В. Воронина

Печатается с разрешения наследников автора
и литературного агентства Scott Meredith Literary Agency.

Браун, Фредрик.

Б87 Самое обыкновенное убийство; Где тебя настигнет смерть? : [романы] / Фредрик Браун ; [пер. с англ. Н. И. Виленской]. — Москва : Издательство АСТ, 2017. — 352 с. — (Чай, кофе и убийства).

ISBN 978-5-17-102038-5

«Самое обыкновенное убийство».

Первый роман из серии о семейном детективном агентстве Хантеров.

Отец юного Эда Хантера, простой наборщик из типографии, отправился обмыкать получку, а утром был найден убитым в переулке. Полиция считает расследование бесперспективным, и тогда Эд вместе с дядей, «карнавальщиком» Эмброузом Хантером, начинают самостоятельные поиски убийцы. Из рассказов дяди Эд с изумлением узнает о бурной молодости отца...

«Где тебя настигнет смерть?».

Однажды в жаркий августовский полдень в детективное агентство «Хантер и Хантер» обращается за помощью очаровательная рыжеволосая красотка Салли Доуэр. Эд Хантер и его дядя Эм решительно отказывают девушке, когда она объясняет, что ее хотят убить... марсиане. Однако девушка так мила и так сильно расстроена, что Эд Хантер соглашается провести с ней один вечер, чтобы она хоть ненадолго почувствовала себя в безопасности...

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-102038-5

© Fredric Brown, 1947, 1951
© Перевод, Н. Виленская, 2017
© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

Фредрик Браун

Где тебя настигнет смерть?

*У смерти много дверей, в которые уходит жизнь.
Бомонт и Флетчер*

Глава 1

День выдался жарким даже для чикагского августа. Я сидел в приемной за столом несуществующей секретарши и тыкал пальцем в клавиши, пытаюсь напечатать на бланке детективного агентства «Хантер и Хантер» письмо в финансовую компанию. Мы хотели заключить с ней договор по отслеживанию неплательщиков, удирающих из города на взятых в кредит автомобилях, и компания требовала изложить наши условия в письменном виде. Дело продвигалось медленно. Если в ближайшее время мы не сможем нанять секретаршу, придется мне освоить технику печатания двумя пальцами.

Входная дверь приоткрылась и сразу закрылась. Шагов я не слышал: кто-то стоял там, не решаясь войти. Наверное, клиент – хорошо бы решился и вошел. Мне очень хотелось окликнуть его, но если у вас приличное детективное агентство – а мы пытались сделать свое таковым, – нельзя вести себя как торговец подержанной одеждой с Саут-Стейт-стрит и втаскивать покупателя за рукав в свою лавку. Поэтому я продолжал печатать, и получалось у меня еще хуже: стеснялся долгих перерывов между тычками, понимая, что стоящий за дверью человек слышит это.

Дверь опять приоткрылась дюйма на три. Я перестал стучать и стал ждать, что будет. Секунд через семь дверь распахнулась, и вошла высокая девушка, примерно пять футов восемь дюймов. Рыжие волосы и все, что к ним прилагается. Не сказал бы, что красotka, но до появления настоящей красотики вполне сгодится. Задорный вздернутый носик и намек на веснушки – все, что положено при рыжей масти. Фигура, учитывая ее рост, вполне ничего: многие высокие девушки либо слишком худые, либо сложены как амазонки. И вся в нейлоне, от чулок до смешной малюсенькой шляпки на верхушке рыжей копны. Возраст – от восемнадцати до двадцати пяти.

Удручало лишь одно: недостаточно хорошо одета для нашей клиентки. Нет, не безвкусно или неряшливо, просто не очень дорого. Я вообще-то не знаток женских туалетов, мне лично все равно, что на них надето, но дешевые вещи от дорогих могу отличить. Эта девушка зарабатывала в неделю тридцать-сорок долларов максимум. Услуги агентства она могла бы оплачивать разве что пару дней даже при наших скромных расценках.

Я молча вышел из-за стола.

– Мистер Хантер у себя? – спросила она. Я отметил, что голос у нее тоже приятный.

– Мы оба на месте. Я Эд Хантер, а другого, дядю моего, зовут Эмброс.

Дядюшка находился в кабинете, это верно, но скорее всего отсыпался, задрал ноги на стол: прошлой ночью он резался в покер и домой появился только в четыре часа утра.

– Думаю, мне любой подойдет, – сказала девушка. – У меня к вам дело.

– Детективного плана? – уточнил я.

Если так, то пусть с ней лучше говорит дядя Эм. Но прежде чем беспокоить его, надо удостовериться, что речь идет не о подписке на глянцевого журнал и не о пожертвованиях на приют для неимущих мышей. Она кивнула. Постучавшись, чтобы дать дяде шанс проснуться и снять ноги со стола, я распахнул дверь в кабинет.

– Прошу вас, мисс...

– Доуэр. Салли Доуэр.

Я вошел вместе с ней и представил их с дядей друг другу.

– Не возражаете, мисс Доуэр, если мы выслушаем вас оба? Взявшись за ваше дело, мы будем работать над ним вдвоем. Если сразу ознакомимся с фактами, это сэкономит нам время.

Она села на стул, предложенный ей дядей Эмом. Скорчив гримасу из-за ее плеча и подмигнув мне – я не понял тогда, к чему это он, – дядя вернулся на место. Свой стул я поставил так, чтобы наблюдать за клиенткой. А понаблюдать за ней следовало, почему я и напросился присутствовать.

Салли Доуэр достала из сумочки сигарету, и я с готовностью дал ей прикурить.

– Итак, мисс Доуэр? – откашлявшись, молвил дядя. Улыбка придавала ему сходство с жизнерадостным херувимом, если вы способны представить на круглой рожице херувима щетку жестких усов.

– Мне нужна защита, мистер Хантер, – произнесла девушка. – Меня хотят убить.

– Вам известно, кто и по какой причине пытается это сделать?

– В общем, да. Проблема скорее в деньгах, мистер Хантер. С собой у меня сто долларов, могу принести еще сто, если надо, но, боюсь, этого мало.

Признаться, я ожидал, что будет еще меньше, но если она имеет в виду круглосуточную охрану, то надолго, конечно, не хватит.

– О финансах поговорим, когда будем знать немного больше, мисс Доуэр, – заметил дядя. – Прежде всего скажите, обращались ли вы в полицию.

– Да, но там заявили, что ничего сделать не могут. По-моему, они мне не поверили. Даже не дослушали.

Ничего хорошего это нам не сулило. Разве что ей попался коп, у которого выдался трудный день, и ее рассказ не вдохновил его.

– Кто же, по-вашему, хочет вас убить, мисс Доуэр? – спросил, посмотрев на меня, дядя Эм.

– Марсиане.

– С планеты Марс?

Она кивнула. Даром ухлопали десять минут на психованную. Дядя вздохнул, крутящийся стул под ним скрипнул.

– Боюсь, мисс Доуэр, что и мы вам не сумеем помочь.

Девушка подалась вперед. В ее глазах я увидел страх, но голос звучал спокойно.

– Вы думаете, я сумасшедшая?

На такой вопрос ответить не просто, но дядя Эм справился:

– Это не в моей компетенции, мисс Доуэр. Возможно, вы правы, но мы не хотим брать у вас деньги обманным путем. – Херувимская улыбка несколько покривилась. – Видите ли, мы простые частные детективы и не оснащены для борьбы... с инопланетной угрозой, если подобная существует.

– Вы можете попытаться. Мне все равно, верите вы или нет, просто попробуйте.

– Боюсь, это не в наших силах, мисс Доуэр.

– Но ведь это ненадолго. Сто долларов у меня все-таки есть...

Дядя покачал головой:

– Дело не в деньгах, мисс Доуэр. Могу я спросить, почему вы пришли к нам, а не в более крупное агентство?

Я не сразу смекнул, для чего он об этом спрашивает. Ну да, конечно: это не мог быть случайный выбор. Мы в бизнесе всего несколько недель. Телефон у нас, правда, есть, но в соответствующий раздел справочника его номер пока не внесли. Нам давали работу только компании, в основном, финансовые, которым мы сами предлагали свои услуги.

– Вас рекомендовал мистер Старлок из крупного агентства. Я нашла его в телефонной книге, но он объяснил, что занят сейчас, дал мне ваш адрес и очень хорошо о вас отзывался. Сказал, что вы работали у него, пока не открыли собственный бизнес.

Теперь ясно. Бен Старлок, подкидывающий нам порой пару баксов, знал, что деньги за охрану от марсиан мы с девушки не возьмем в отличие от многих других чикагских агентств.

– Мисс Доуэр, извините, но мы...

– По-вашему, это честно, мистер Хантер? Почему бы вам не допустить хоть на минуту, что я нормальная?

Дядя и с этим каверзным вопросом справился:

– Я ни на минуту не усомнился в вашей нормальности, мисс Доуэр. Думаю, вы ошибаетесь, как ошибаются вполне нормальные люди, которые верят в привидения. Возможно, это я неправ, привидения действительно существуют, и марсиане живут на Земле. Но если мы не верим в то, что утверждает клиент, нечестно было бы брать с него деньги и вообще заниматься его делом. Понимаете, о чем я?

– Не все ли вам равно, если я готова платить?

– Увы, мисс. Сожалею, но вынужден отказать.

Салли Доуэр расплакалась. Без всхлипов и рыданий, только слезы по щекам покатились. Она промокнула их малюсеньким платочком и выбежала, прикрыв за собой дверь – опять-таки тихо, без грохота.

Я посмотрел на дядю, он на меня.

– Бедное дитя, – сказал он. – Жаль, что мы...

Не дослушав его, я направился к двери.

– Догоню-ка я ее. Попробую уговорить, чтобы отнесла свои двести баксов психиатру.

– Осторожней, Эд, с психами опасно связываться!

Опасно, спору нет, но я и не собирался связываться с Салли Доуэр, просто хотел ей помочь. Нехорошо как-то, что она выскочила от нас вся в слезах. Ненавижу, когда женщины плачут, психованные они или нет.

Лифт, судя по цифрам на панели, находился четырьмя этажами выше, и Салли, судя по цоканью каблучков на лестнице, не села в него. Правильно, с пятого и пешком недолго спуститься. Услышав, что я иду следом, она замедлила шаг, и я догнал ее перед первым этажом.

– Простите, если обидели, мисс Доуэр. Могу я для вас что-нибудь сделать? Лично, не как детектив – профессиональную помощь без согласия дяди оказать не получится.

Она не плакала больше, только одна щека еще не просохла.

– Не знаю, чем бы вы могли помочь, мистер Хантер.

Честно говоря, я тоже не знал – разве что посоветовать ей сходить к психиатру, а такой совет с бухты-барахты не выпалишь.

– Давайте просто выпьем и побеседуем? – Я пустил в ход свою воскресную улыбку, рот до ушей. – Вреда от этого не будет, во всяком случае.

– Хорошо, мистер Хантер, – кивнула она.

– Зовите меня Эдом.

Она так и сделала, а я стал называть ее Салли. Мы заняли столик в баре неподалеку и взяли пару холодных коллинзов¹.

Для начала я решил выяснить, сильно ли у нее мозги набекрень.

– Расскажите что-нибудь о себе, Салли. Где родились, чем на жизнь зарабатываете, кто родители, что едите на завтрак. Марсиан побережем на потом.

– Вы в них не верите, правда?

– Нет. Забудьте о них и рассказывайте.

– Мне двадцать два года. Родилась я в штате Колорадо, в городке, про который вы наверняка не слышали. Секо – «сухой» по-испански. Сейчас там население всего две-три тысячи человек, но в то время, когда шахты работали, было около десяти. Я жила там до двенадцати лет, до смерти родителей.

– Они оба умерли?

– В одну ночь. Маме стало плохо – острый аппендицит, как мы узнали позднее. Жили мы в десяти милях от города, а вечером началась буря, и телефонные провода оборвало. Папа сел в машину и помчался за доктором. Проехал всего две мили, сорвался с обрыва на горной дороге и разбился насмерть. Наверное, вел автомобиль слишком быстро. Его нашли только утром, когда мама уже умерла от перитонита.

Рассказывала она довольно спокойно, но для девочки двенадцати лет это, конечно, было ужасом. Я спросил, находилась ли она одна с матерью.

– Нет-нет. Доктор приехал все-таки, но спасти ее не сумел. И сестра со мной была, и соседи. Папа уехал часов в восемь вечера – когда к полуночи он не вернулся, мы поняли, что случилось несчастье. Мама сильно мучилась, и Дороти – сестра моя, на два года моложе – побежала к ближайшей соседке. Гроза закончилась, телефон починили. Соседка вызвала доктора и пришла к нам.

Да, это несколько светлее картины, которую я себе мысленно рисовал – девочка одна в доме рядом с умирающей матерью. С доктором и соседкой уже не так страшно.

– Значит, у вас есть сестра? А братья?

– Нет, больше никого. Дороти, полагаю, ближайшая моя родственница.

¹ Коктейль из джина, лимонного сока и сахара. – Здесь и далее примечание переводчика

– Полагаете? Не уверены?

– По крови, бесспорно, самая близкая, – с легким смешком уточнила Салли. – Есть еще приемные родители, наши опекуны, какие-то четвероюродные или пятиюродные сестры по маминой линии.

– Вы все еще живете вместе с ними?

– Только сестра. Пока она зависит от них, потому что учится в Чикагском университете. Я проучилась в колледже год, потом ушла, начала работать и сняла себе жилье.

– Где же вы трудитесь?

– Я стенографистка в большой страховой компании «Хэлстед мьючиал». У меня недельный отпуск, но поехать куда-то финансы не позволяют, вот и парюсь в Чикаго. Кроме того... – Ее глаза округлились.

Чувя приближение марсиан, я подкинул очередной вопрос:

– У вас хорошие отношения с сестрой и опекунами, Салли?

– Да, вполне, только жить там я не хочу. Мне не нравится их сын Дикки, и дядя Рей, и...

– Кто такой дядя Рей?

– Брат приемной матери, Рей Вернеке. Он пьяница и вообще... не люблю я его. Говорят, блестящий был ум, пока пить не начал. А Дикки... – Салли передернулась.

– Пристает к вам? – предположил я.

– Нет, что вы! – расхохоталась она. – Ему всего одиннадцать лет. Просто он всезнайка и задавака – вундеркинд, в общем. Ай-кью будто бы высоченный, но у меня от него мурашки.

– Встречал я таких.

– Как Дикки – вряд ли, очень надеюсь.

– Еще по коктейлю?

– Почему бы и нет?

Я заказал два коктейля. В баре кондиционер, а на улице, на солнце, можно тосты поджаривать.

– Ну, а сестре вашей нравится жить у... Как их фамилия?

– Стэнтоны, Джеральд и Ева. Нет, Дороти с ними нормально ладит. Она бы охотно жила отдельно, как я, но непременно хочет окончить колледж. Родители у нас хорошие, все дело в Дикки и дяде Рее.

– Стэнтоны оплачивают ей учебу в колледже?

– Да. И за меня бы платили, я сама не захотела. Они к нам прекрасно относятся.

– Вы у них часто бываете? – Интересно, почему она не поделилась своей бредовой идеей с ними, прежде чем обращаться в полицию и к частным сыщикам?

– Да, конечно. Каждую неделю. А Дороти еще чаще вижу, мы с ней обедаем в городе и ходим куда-нибудь. Летом – на пляж, мы любим плавать.

– Этот Рей Вернеке тоже живет у Стэнтонов?

– Да, но он платит за пансион. Имеет постоянный доход со своих патентов.

– Работать, значит, нет надобности?

– Вся его работа – играть на скачках и пить.

– А родители ваши не пьют?

– Умеренно, как все. Не до бесчувствия. Джеральд – мы с Дороти зовем их по именам – работает в закупочном отделе универмага, носит очки и каждое утро ест яичницу с беконом на завтрак – что вам еще нужно знать?

– Не хотите ли повторить?

– Три еще куда ни шло, но не больше. Который теперь час?

– Начало четвертого. Не возражаете, если я позвоню? Заказ сделаю по дороге.

Я позвонил из телефонной будки в наш офис.

– Я тебе не нужен пока, дядя Эм?

– Нет, но смотри осторожнее там со своей психичкой.

– Нас разделяет стол, и она мне вообще-то нравится.

– Несмотря на марсиан?

– До марсиан мы пока не добрались. Все больше насчет секса, – сказал я, зная, что Эм разозлится.

- Я передумал, Эд. Ты мне нужен. У нас три срочных дела, давай-ка быстро сюда.
- Шучу. Никакого секса. Обещаю вести себя хорошо, но вряд ли вернусь до вечера.

Возвращаясь к столику, я повторил заказ. После двух коктейлей Салли Доуэр сильно похорошела в моих глазах, и я почти жалел, что пообещал быть хорошим парнем. Почти, но не совсем: флиртовать с ненормальной все равно что играть в бейсбол ручной гранатой вместо мяча.

О сексе я даже не заговаривал, но о марсианах и убийстве у нас за третьим коктейлем тоже речи не заходило. Неожиданно я тоже стал рассказывать о себе: как после смерти отца поехал с дядей на карнавал и как мы, вернувшись в Чикаго, начали работать в агентстве Бена Старлока. До того, как стал обслуживать карнавалы, дядя был частным сыщиком. Как основали собственное сыскное агентство – не разбогатели пока, но и не прогорели.

В детали я не вдавался, и вскоре наши стаканы опустели. Больше мне пить не хотелось, но я предложил Салли еще коктейль.

- Спасибо, Эд, мне уже хватит. Пора воздухом подышать.

Воздух на улице был далеко не так свеж, как в баре, но мы все же прошли пару кварталов до кино, где показывали музыкальную комедию «Энни бьет в яблочко» с Бетти Хаттон, и афиша сулила температуру на тридцать градусов ниже уличной.

Выйдя оттуда в семь часов, мы съели китайское рагу чоу-мейн. В восемь зашли в другой бар, выпили, потанцевали, послушали музыку. В половине двенадцатого марсиане так и не всплыли, и я стал о них забывать.

Я проводил Салли домой. У нее была недорогая, но приличная двухкомнатная квартирка на Ист-Уолтон-плейс. Третий этаж четырехэтажного дома, гостиная с маленькой кухней и спальня.

От ужина я отказался, но полбутылки виски в кухонном шкафу мы на пару прикончили. В квартире было душно даже с открытыми окнами. Салли смешала виски с содой и льдом. Я пил из холодного стакана и радовался хорошо проведенному вечеру, но вскоре заметил, что Салли опять плачет – беззвучно, как и у нас в офисе. Марсиане снова настигли нас. Я мысленно обругал себя за то, что не распрощался с ней у двери в квартиру. Смыться теперь будет не так-то просто – нет бы марсианам вторгнуться немного пораньше. Ладно, делать нечего. Нельзя же просто сидеть и притворяться, будто я ничего не вижу.

- Что с тобой, Салли?

– Эд, я боюсь. Пока ты со мной, все нормально. Ты был так мил, и я выбросила все это из головы, но теперь...

– Бояться нечего, Салли. Нет никаких марсиан – на Земле, во всяком случае, точно. На Марсе, может, и есть, но он далеко, и ничего они тебе сделать не смогут – да и зачем им это?

– Самой хотелось бы знать, что они имеют против меня – тогда все было бы не так страшно. Но они хотят убить меня.

- Ошибаешься, Салли. Ты все это выдумала. На самом деле тебе ничего не угрожает.

– Легко тебе говорить! Слушай, останься хотя бы на одну ночь? Я тебе постелю здесь, а сама лягу в спальне. И сто долларов тебе заплачу.

Сотня у нее действительно была – пачка, во всяком случае, выглядела на сотню. Салли достала ее из сумочки и попыталась всучить мне.

- Убери это, Салли. Я не могу. Честно. Даже и не проси.

Поняв, что я говорю серьезно, она спрятала деньги, но плакать не перестала. Бедняжка, подумал я. Эта марсианская угроза для нее так реальна, что за одну безопасную ночь она готова отдать мне все свои сбережения. Когда я уйду, Салли будет сама не своя от страха – и какая разница, в своем она уме или нет.

– А к психиатру ты не ходила? Вот куда тебе деньги надо вложить – все, сколько сможешь достать. Марсиане существуют лишь в твоей голове.

- Салли вытерла глаза и произнесла:

– Ты ведешь себя так же нечестно, как твой дядя, Эд. Вы даже возможности не допускаете, что я права?

- Один-ноль в ее пользу. Я вздохнул:

- Допустим, я поступаю нечестно – а ты? Не допускаешь возможности посещения психиатра?

- Я знаю, что он мне не нужен. Ну хорошо. Допускаю.

– Вот и умница. Давай так. Я подежурю ночью в твоей гостиной – повторяю, в гостиной, – но завтра ты пойдешь к доктору. Денег я с тебя не возьму, оплатишь ими свой курс лечения.

– Хорошо, Эд.

Я надеялся, что Салли станет возражать, но она согласилась без колебаний, сразу перестала бояться, улыбнулась дрожащими губами и прошептала:

– Ты просто чудо, Эд Хантер.

Чудо-дуралей, мысленно добавил я, снимая телефонную трубку и называя номер мебелирашек, где жили мы с дядей. Он ответил на шестом звонке, успев спуститься с нашего второго этажа в холл к общему телефону.

– Это я, дядя Эм. Извини, что раньше не позвонил.

– Господи, парень! Я уж думал, тебя утащили марсиане. Ты еще со своей сумасшедшей?

– Да, но ты не волнуйся, все хорошо. Объясню утром.

– Ты, я чувствую, сам тронулся. Пойди лучше в Брукфилдский зоопарк, там тебя пустят переночевать с гремучими змеями – это безопаснее. Надеюсь, ты знаешь, что делаешь.

Я тоже надеялся, но при Салли никак не мог объяснить, что спать буду не с ней.

– Будь уверен. Завтра все тебе расскажу. – Я продиктовал ему адрес и телефонный номер, чтобы он не беспокоился.

– Ну что ж, Эд, пьяниц и дураков, как известно, Бог бережет, – сказал дядя Эм. – Может, ты и трезв, судя по голосу, но все равно находишься в этой категории. Спокойной ночи!

– Спокойной ночи, дядя Эм. Не тревожься.

Я повесил трубку и повернулся к Салли. Она как раз выходила из спальни – с пистолетом в руке.

Глава 2

Я напрягся, но она в меня не целилась и даже палец не держала на спусковом крючке.

– Возьми, Эд, на всякий случай. Я купила его вчера, но пользоваться им не умею – пусть лучше у тебя будет.

Вспотев, я вытер лоб платком и взял у нее черный автоматический пистолет тридцать второго калибра. С предохранителя Салли его не сняла.

– Осторожно, он заряжен!

Я вынул магазин и отвел затвор, посмотреть, нет ли патрона в стволе. Его не было: без досылки пистолет бы не выстрелил. Знала она об этом или думала, будто оружие готово к употреблению?

– Допустим, ты хочешь выстрелить, Салли. Как бы ты это сделала?

– Ну, нажала бы на курок, как же еще?

О предохранителе она не имела никакого понятия, и я благоразумно не стал просвещать ее.

– Да, правильно. Хорошо, пусть останется у меня.

Я вернул магазин на место, но патрон в ствол так и не дослал, чтобы Салли в случае чего не смогла пальнуть сразу – так оно спокойнее. Положив пистолет у телефона, я встал, зевнул – фальшивый зевок тут же сменился настоящим – и повесил пиджак на спинку стула.

– Уже поздно, Салли, а мне завтра рано вставать. Но ты не волнуйся, сплю я чутко и сразу проснусь, если что. Входная дверь закрыта?

– Сейчас закрою. Она единственная, черного хода у меня нет. В спальне окно, но оно выходит в вентиляционную шахту. Ты ложись, а я еще почитаю – утром заспалась допоздна. Спокойной тебе ночи и спасибо большое.

– Спокойной ночи, Салли!

Она задержалась в дверях. Мне хотелось поцеловать ее, и ситуация подсказывала, что ей тоже этого хочется, но я боялся, что потом не сумею остановиться.

– Можно я приоткрою дверь, Эд? С одним вентиляционным окошком я задохнусь, а так хоть сквознячок будет.

– Да, конечно.

Дверь осталась открытой дюймов на шесть, и я слышал, как Салли ходит по спальне. Я не раздевался, снял только туфли, галстук и расстегнул воротник рубашки. Кресло, где я сидел, было мягкое, ноги я положил на стул, лампу выключил, но заснуть не мог долго: в голове теснились мысли.

Вскоре я все-таки задремал, потому что чуть не выпал из кресла, когда рядом зазвонил телефон.

– Да? – сказал я в трубку и сообразил, что этого делать не следовало. Друзья и родные Салли наверняка удивятся, что по ее телефону среди ночи отвечает мужчина – не пришлось бы ей оправдываться потом. Да, зря я это.

На том конце провода повесили трубку. Я сделал то же самое, ругая себя за глупость. Странно все-таки... могли хотя бы спросить, куда ли попали.

Светящиеся стрелки моих наручных часов приближались к двум. Свет в спальне горел, но никаких звуков не слышалось. Либо Салли уснула, пока читала, либо нарочно не погасила лампу. Если бы она слышала телефон, то обязательно спросила бы, кто звонил.

Я решил, что надо сказать ей об этом звонке. Пусть знает, что я снял трубку – вдруг неизвестный подумает, будто ошибся номером, и перезвонит.

Я окликнул Салли, потом приблизился к ее двери и позвал громче. Ответа не было. Открыв дверь чуть пошире, я заглянул в спальню. Салли Доуэр лежала на кровати в чем мать родила. Я испытал шок, увидев, что глаза у нее открыты и неподвижно глядят в потолок. Вошел и потрогал ее. Холодная. Прекрасная, но холодная. Дивная грудь больше не вздымается от дыхания. И никаких следов насильственной смерти.

Я вышел из комнаты, подумал немного, снял трубку и назвал телефонистке домашний номер капитана Бассета из отдела по расследованию убийств, нашего с Эмом близкого друга. Мы помогли ему раскрыть пару дел.

– Это Эд Хантер, Фрэнк, – произнес я, услышав его сонный голос. – Для начала запиши адрес и номер квартиры.

– Записал. Что стряслось?

– У меня тут мертвая девушка. Похоже на естественные причины, однако обстоятельства несколько необычные. Не нужно официально звонить в отдел, но тебе бы не мешало приехать и доктора с собой взять.

– Ладно, Эд, буду через полчаса. И доктору Грэму звякну, чтобы одевался и тоже ехал.

– Спасибо, Фрэнк. – Я подумал, не позвонить ли и дяде, но решил, что не надо. Сейчас он уже спит, а будить звонком нашу хозяйку, миссис Брейди, не следует.

Я вернулся в спальню и еще раз взглянул на Салли Доуэр. Поза естественная, только правая рука закинута на изголовье кровати, будто Салли хотела дернуть за цепочку торшера и погасить свет, но не дотянулась. Под головой две подушки, рядом книга карманного формата. Я прочитал название: «Жизнь в других мирах», некоего Х. Спенсера Джонса. Странно, что девушка, так боявшаяся марсиан, на сон грядущий читала про них же.

Открытое окно действительно выходило в узкую вентиляционную шахту. Я высунулся: соседские окна только наверху и внизу, на этом этаже ни единого. Теоретически кто-то мог влезть в комнату сверху или вскарабкаться снизу, но никаких признаков проникновения я не заметил. На подоконнике лежал тонкий слой нетронутой пыли, накапливающийся за летний день на всех чикагских подоконниках.

Может, яд? Я осмотрел все, надеясь найти пустой флакон или коробочку из-под пилюль, даже под кровать заглянул. Проверил комод и аптечку в крохотной ванной, но обнаружил лишь пузырек с йодом, наполовину пустой. Салли умерла не от этого – отравление йодом ни с чем не спутаешь.

Электрошок? Торшер, похоже, исправен. Тронул его металлическую ножку – током меня не стукнуло. Дернул за цепочку, выключил его и снова зажег, восстановив первоначальную картину.

Может, Салли хотела поправить абажур, чтобы удобнее было читать? Я снял его и осмотрел. Красивый, не из дешевых, снаружи медный, внутри алюминиевый – но очень легкий. Да это целлюлоид, покрытый металлической фольгой с двух сторон! Я вернул его на место и обошел комнату, ища хоть что-нибудь, не укладывающееся в привычные рамки. Нет, ничего такого, кроме мертвой обнаженной девушки на кровати, которая боялась, что ее убьют. Я вернулся в гостиную, включил лампу, обулся, повязал галстук, надел пиджак и оставалось только ждать Бассета с доктором.

Бассет явился первым. Я подвел его к двери в спальню. Он тихо свистнул.

– Я ее знаю. Психованная. Приходила вчера в участок, просила защиты от марсиан – одетая, правда.

– Ты сам с ней говорил, Фрэнк?

– Нет, Макклейн. Но я ее видел у него в кабинете. – Усталый взгляд Бассета скользил по комнате, замечая каждую мелочь. – Макклейн вышел и попросил меня побеседовать с ее родней – они живут около Роджерс-парка, он знал, что я все равно туда собираюсь. Я поговорил с опекуном, спросил, не опасно ли девушка одну отпускать – может, нам ее в психушку направить?

– А он что?

– Сказал, она не чокнутая, но внушаемая, и в голову ей иногда взбредает разная чушь. Согласился, что эта идея будет покруче других, и обещал поговорить с девушкой, может, и к психиатру ее сводить. Нас это устраивало. Подумаешь, марсиане, мало ли в Чикаго людей с бредятиной! Я знаю одного парня, так он...

– И вы ее отпустили?

– Да. Я позвонил Макклейну, он говорит: зачем же ее задерживать, если опекун все берет на себя. Безобидная, и ладно. На улице больше психов, чем в дурдомах, и пока они держатся в рамках...

– Не позвонить ли, кстати, опекуну? Фамилия его Стэнтон – ну, ты и сам знаешь. Есть у него телефон?

– Конечно, я с него и звонил Макклейну. Давай сначала послушаем, что доктор Грэм скажет, а потом позвоним. Несколько минут роли не играют. Ты находился с ней, когда это произошло?

Я покачал головой:

– В кресле сидел. В гостиной.

– Спал, что ли? – скептически спросил Фрэнк.

– Сначала нет, потом да. Не знаю, в какой момент она умерла. Я здесь был примерно с полуночи до двух часов, когда тебе позвонил. Около часу бодрствовал, затем задремал. Могу лишь сказать, что смерть наступила между двенадцатью и двумя часами. Когда я в два часа вошел в спальню, девушка уже остыла.

– С чего тебе вздумалось пойти туда? Одиноко стало?

Когда я стал рассказывать о разбудившем меня телефонном звонке, в квартиру постучались: явился доктор Грэм. Выслушав Бассета, он прошел в спальню и закрыл дверь. Мы с Бассетом остались в гостиной.

– Давай я расскажу все сначала, Фрэнк. Мы с ней познакомились только вчера, так что история будет недолгая.

Рассказ я начал с того момента, как Салли явилась в наш офис. Мое согласие остаться у нее ночевать бесплатно – с какой стороны ни взгляни – прозвучало глупо, однако Бассет, верил он в это или нет, меня не остановил. Когда я сообщил, как нашел ее и сразу позвонил ему, он спросил, трогал ли я что-нибудь до или после звонка.

– Тело трогал – удостовериться, что она мертва. Выключил и включил торшер, проверяя, не ударило ли девушку током. Там все в порядке. Осмотрел спальню и ванную, но ничего не переставлял.

– Что еще?

– Я снял на ночь туфли, пиджак и галстук и снова надел их, пока ждал тебя.

Грэм вышел из спальни.

– Никаких следов. Подумал бы, что это сердечный приступ, но сначала историю болезни не мешало бы посмотреть. Не знаете, кто был ее врач?

– Сейчас выясним, – произнес Бассет. – Сможете задержаться на пару минут? – Доктор кивнул, Бассет заглянул в записную книжку и набрал номер. – Время смерти примерно определите?

– Не менее двух часов назад.

Значит, Салли умерла, как только легла. Когда я еще не заснул. Все это время я сторожил мертвое тело.

Бассет, кратко пообщавшись со Стэнтоном, записал что-то в книжку и сообщил:

– Сейчас он подъедет. Говорит, у Салли действительно было больное сердце. Назвал мне фамилию и телефон ее кардиолога – я и ему позвоню.

– Да, хорошо бы и он приехал, – промолвил доктор Грэм. – Если она являлась его пациенткой, то свидетельство о смерти должен выписать он.

Когда Бассет закончил разговор с кардиологом, Грэм сказал:

– Вы назвали его доктором Керри. Уолтер Керри?

– Он самый. Знаете его, доктор?

– Понаслышке. Известный кардиолог, один из лучших.

– Это хорошо. Он тоже обещал приехать и подтвердил, что несколько лет Салли лечилась у него. Расширение сердца, весьма опасная штука. Внезапная смерть его не удивила.

– Если он не найдет ничего подозрительного, то вскрытия не понадобится. При отсутствии прочих подозрительных обстоятельств, разумеется.

Доктор Грэм взглянул на меня. Я хотел сказать, что Салли опасалась за свою жизнь, но промолчал, принимая во внимание ее потенциальных убийц.

– Тебе лучше уйти, Эд, – заявил Бассет. – Неудобно получится, особенно если Стэнтон и жену приведет. Даже мне нелегко поверить, что ты спал в гостиной – неизвестно, как другие к этому отнесутся.

– Пожалуй, ты прав.

– Домой пойдешь? Ладно, будем на связи. Если этот специалист откажется подписать свидетельство, придется заводить дело, ждать результатов вскрытия и брать с тебя официальные показания – ну, а в случае естественной смерти все проще. Не будет от меня звонка – приходи утром в участок, если тебе интересно, и я все расскажу.

Еще бы не интересно!

– Ладно, Фрэнк, спасибо. Пойду прямо домой и стану ждать вестей от тебя.

Был четвертый час ночи. Я старался не разбудить дядю Эма, но он сразу открыл один глаз и спросил, какого черта – пришлось поведать ему все как есть. Мы обсудили случившееся. Я лег в половине пятого, заснул не раньше шести, будильник зазвонил в семь. Выключив его, я подумал сначала, что мне приснился плохой сон, но через минуту вспомнил, что это было на самом деле. Салли Доуэр была милой девушкой, хотя и не в себе малость, а теперь она умерла.

Бассет, которого я дожидался в отделе, явился в девять часов и позвал меня к себе в кабинет.

– Все нормально, Эд. Доктор Керри подписал свидетельство – ни у него, ни у Грэма не возникло ни малейших сомнений, что девушка умерла от сердечного приступа. Керри говорит, это могло случиться в любое время и без особых причин.

– Все выглядело бы правдоподобнее, если бы причина все же имелась.

– Керри того же мнения. Испуг, шок, слишком большое усилие. Но ты ведь там находился, Эд – она не могла испытать ничего такого без твоего ведома.

– Полагаю, что нет.

Бассет откусил край сигары и закурил:

– Стэнтоны, кстати, поняли все правильно. Я им сказал, почему ты там оказался – как иначе объяснить, что тело нашли еще ночью, – и они приняли все за чистую монету. Он просил даже поблагодарить тебя за то, что ты пытался помочь ей.

Лучше бы не благодарил, подумал я.

– Могу я еще что-нибудь сделать?

– Что, например? И зачем?

– Мне нравилась эта девушка.

– Показаний твоих мне не требуется, поскольку смерть естественная. Миссис Стэнтон, между прочим, объяснила то, что меня слегка озадачило: Салли всегда спала нагишом. Терпеть не могла пижам, даже в холод.

– Я тоже. Трусы, правда, могу оставить.

– Теперь понятно, почему она читала перед сном в таком виде, но дверь-то приоткрыта была. Либо она доверяла тебе, либо все-таки надеялась, что ты к ней заглянешь.

Я поблагодарил Фрэнка за помощь и отправился в наш с дядей офис.

Эм дремал в кабинете, задрав ноги на стол. Я снова занялся письмом в финансовую компанию, которое так и осталось в машинке.

– Господи, парень, – пробудившись, проворчал дядя. – Я думал, тут из пулемета строчат, с такой скоростью ты печатаешь.

– Можно подумать, ты лучше умеешь.

– Да уж не хуже. Ты ночью спал меньше, чем я – пойді придави, а я допечатаю.

Так мы и поступили. Мысли о Салли Доуэр долго не давали мне покоя, но часок я все же поспал.

После обеда у нас появился клиент. Ничего особенного – один адвокат просил найти человека, чтобы тот подписал отказ, без которого сделка не могла состояться. Координаты, которые он мне дал, были старые, и я никого не отыскал, зато скоротал полдня и немного подзаработал.

В вечерней газете сообщалось о завтрашних похоронах Салли Доуэр. Я нашел еще открытую лавку флориста и попросил отправить цветы в морг, который упоминался в заметке.

Следующий день, суббота, прошел без всяких событий.

В воскресенье мы спали допоздна, почитали воскресные газеты и выбрались на ленч.

– Что дальше будем делать, Эд, сходим посмотрим что-нибудь? – спросил дядя.

– Я хочу зайти к Джеральду Стэнтону.

– Кто он? Знакомая вроде фамилия.

- Опекун Салли Доуэр.
- Господи, зачем тебе это?
- Сам не знаю. Просто хочу с ним поговорить.
- Спятил ты, вот что. Дело-то закрыто. Знаю, ты до сих пор о нем думаешь, но нужно ли?

Девушка умерла от сердечной болезни.

- Может, и так.
- Не может, а точно. Ну, как хочешь. Пойти с тобой?

Мне не хотелось впутывать дядю, да и впутывать, собственно, пока было не во что.

Располагая большим запасом свободного времени, я не стал предварительно звонить Стэнтону. Доехал до станции «Роджерс-парк» и направился по адресу из телефонной книги. Стэнтоны жили в третьей квартире, на втором этаже трехэтажного шестиквартирного дома. Домофона не было, поэтому я просто вошел и постучался к ним в дверь. Открыл мне высокий худощавый мужчина с белокурыми волнистыми волосами.

- Чем могу помочь?

Говорил он не слишком внятно и с трудом фокусировал на мне взгляд. Прилично выпил, похоже, но богатая практика позволяла это скрывать. Ему было лет сорок.

- Дома ли мистер Стэнтон? Я хотел бы поговорить с ним.

– Он скоро придет. Входите, если не прочь подождать. Будьте как дома и все такое. Присаживайтесь. Выпьем что-нибудь? Само собой.

Рей Вернеке, не иначе. Дядя Рей, выпивоха. Если я хочу что-то узнать от него, лучше принять предложение. С пьяницами всегда так: мелют без остановки, когда с ними пьешь, и обижаются, если отказываешься.

Я ломаться не стал. На кофейном столике уже стояла бутылка виски, не слишком дешевого и не самого дорогого. Вернеке лил виски в стакан, как воду – я начал его останавливать еще на середине, но он налил восьмиунцевую емкость почти до краев. Такое количество чистого виски без намека на закуску меня не устраивало, но я взял стакан, поблагодарил и сделал глоток.

Я сидел на диване, Вернеке – на стуле передо мной.

– В одиночку неохота, а дома только непьющий Дикки. Я в одиннадцать вообще-то тоже не пил, разве что горячий тодди², когда простывал. Как же я любил эти тодди, до сих пор иногда готовлю себе. Знаете, что это такое? Я и вам сделаю.

- Спасибо, мне бы с этим управиться. – Я выпил еще глоток, доказывая свое прилежание.

– Ну так вот. Дикки, значит, всего одиннадцать, и прочие тоже неважные собутыльники. Думают, что до вечера пить нельзя, глупо же. Джеральд с Евой поехали прокатиться, воздухом подышать. Не понимаю, откуда у людей эти предрассудки насчет свежего воздуха? С Дороти не хотите увидеться?

- А она разве дома?

Он с мрачным видом потряс головой:

– В кино пошла. Это я ей велел, чтоб не сидела и не задумывалась – потенциальной психопатичке задумываться не следует. Дороти как раз такая, хотя мозги у нее хорошие. Я помогаю ей выправиться. Салли мою помощь не принимала, не любила меня. Не доверяла, наверное. А с Дороти у нас все нормально, и я могу ей помочь.

- Как именно?

– Я с ней провожу курс лечения. Смыслю в этом побольше, чем психиатры. Выступал когда-то на эстраде с чтением мыслей. Сказать, о чем вы думаете сейчас?

- Валяйте.

– Что для начала мне самому нужно вылечить от пьянства.

Я посмеялся и признал, что он прав. Этот Вернеке начинал мне нравиться.

² Напиток с добавлением виски или рома и меда.

Глава 3

– Я всегда прав, – заявил он, – и знаете, как отвечу на ваши мысли? Я мог бы запросто бросить пить. Просто не хочу. Люблю это дело, с чего же бросать? Я не алкоголик, не запойный – пью потому, что мне нравится быть пьяным. Что в этом плохого, скажите, пожалуйста?

– Ничего, – промолвил я.

– Да, это может сократить мне жизнь, ну и что? Пока живешь, надо жить так, как тебе нравится, разве нет?

– Конечно.

– И потом, я ж не всегда пьян. Когда трезвый, голова у меня работает будь здоров. За это время я успеваю больше, чем трезвенники. Дикки Стэнтон тоже голова, вундеркинд, но ему всего одиннадцать лет, он непьющий. Вы знали Салли?

Я молча кивнул, не желая прерывать его излияний.

– Чудесная девочка, вот только меня не любила. Я мог бы полечить ее, помочь ей. Вы с ней дружили?

– Да.

– С соболезнаваниями, значит, пришли. Дурацкий обычай, но я рад, что вы здесь. Я обещал побыть дома, пока Джеральд с Евой не вернутся, а выпить тут не с кем. Пейте же, не отставайте – я вижу, вы еще ни в одном глазу.

Я объяснил, что не люблю пить быстро.

– Тоже правильно. Главное, не останавливаться, когда начали. Идти по краю. Мне на краю лучше всего работается.

– А что у вас за работа?

– Я изобретатель. В области электроники. Запатентовал пару приборчиков, которые приносят мне регулярный доход. Отчисления. Не так много, но мне ведь много не надо. На выпивку хватает, и ладно. К сексу я равнодушен, а вы?

– Нет.

– Ну, вы еще молодой. Пить лучше, скажу я вам. О чем это я? Да, на жизнь мне хватает. Покупаю себе выпивку, даю сестре на хозяйство. Лишние деньги помогают Джеральду платить за колледж для Дороти. Салли не захотела учиться, предпочла работать и жить отдельно. Меня зовут Рей Вернеке – она вам обо мне что-нибудь говорила?

– Да. Называла вас дядя Рей.

– И добавляла, небось, что я пьяница. Не любила меня, а я бы мог ей помочь. Я им не настоящий дядя, седьмая вода на киселе. Джеральд с Евой удочерили девочек десять лет назад, когда их родители умерли в Колорадо. Салли было двенадцать, Дороти десять. Ты меня дядей не зови, просто Реем. Как тебя зовут?

– Эд Хантер.

– Я это имя уже где-то слышал. – Вернеке выпрямился и будто чуток протрезвел. – Ты с ней находился в четверг ночью? Когда она умерла? Частный детектив, от марсиан ее охранял? Не твоя вина, что не получилось.

– Вы думаете, что Салли все же убили? Она умерла не от сердца?

– Все умирают от сердца, Хантер. Остановится оно, и кранты.

– То есть вы полагаете, что смерть Салли естественной не была?

– Нет-нет. – Он потряс головой. – Не слушай меня, когда я поддавши. Марсиане, конечно, существуют, но с какой стати им убивать Салли?

– Почему вы думаете, что существуют?

– Общался с ними. Телепатически. В глаза, правда, ни одного не видал, но они тут, на Земле. Среди нас. Маскируются. Ты тоже марсианин?

– Нет, к сожалению.

– Ты бы все равно не признался – ну, может, и нет. Знаешь, это я рассказал Салли про марсиан. Не надо было, у нее от этого сдвиг случился. Не пойму, с чего ей взбрело, будто они хотят ее смерти, я ей ничего такого не говорил. Мания преследования... Я бы мог ее вылечить.

– Мистер Вернеке, если вы меня не разыгрываете и действительно верите, что марсиане живут на Земле, откуда вам знать, что у них не было причин убить Салли?

– Это дружественная раса. Я их мысли читал. Единственный из людей. Если они и хотели убить кого-то, так это меня. А вот и Джеральд с Евой явились.

Я поставил стакан и встал. Первой вошла миссис Стэнтон, пухлая, лет сорока. Милая, похоже, женщина, но ума небольшого – из тех, кто целый день слушает по радио мыльные оперы. Мистер Стэнтон, лет пятидесяти, небольшого роста, худой, желтовато-бледный, выглядел нездоровым.

Рей Вернеке представил нас, не вставая с места. Ева взглянула на меня задумчивыми коровьими глазами, Стэнтон протянул руку.

– Рад познакомиться с вами, молодой человек. Пойдемте в мой кабинет?

Мы вошли, и он закрыл дверь.

– Выпьете что-нибудь?

– Спасибо. Я еще не допил то, что мне уже предложили.

Он усмехнулся:

– Гостеприимство моего шурина не отличается тонкостью. Количество Рей предпочитает качеству и думает, что все такие же. Наверное, он совсем вас заговорил?

– Нет, все в порядке.

– Думаю, он произвел на вас не совсем приятное впечатление – а ведь душа-человек, когда трезвый. Да и пьяный, в общем, не особенно раздражает. Только не совсем связно выражает свои мысли, когда пьет несколько дней подряд, вот как теперь. На сей раз причиной послужила смерть Салли – Рей очень любил ее.

– А она ему не отвечала взаимностью?

– Это он вам сказал или Салли?

– Оба.

– Да, верно. Никогда не понимал, почему Салли так настроена против Рея? И ее сестра, и мы с женой очень к нему привязаны.

– Слушая его, я сообразил, откуда у Салли взялась навязчивая идея относительно марсиан. Мистер Вернеке действительно верит в них или просто шутит?

– Вам это покажется странным, мистер Хантер, но ответа у меня нет. Он все отрицает и смеется, будучи трезвым, а в подпитии опять начинает. Не считая легкой алкогольной зависимости, Рей совершенно нормален и очень умен – когда он в таком состоянии, это трудно понять. И обладает обширными знаниями в психиатрии и психологии.

– Он говорил, что выступал на эстраде с чтением мыслей.

– Боюсь, Рей подшутил над вами. У него степень бакалавра – лет до тридцати он преподавал в средней школе, потом занялся самостоятельными исследованиями в области электроники и получил несколько патентов, которые до сих пор приносят ему доход. Изобретательство и подпортило ему карьеру – с общей точки зрения, если не с его собственной. Рей ушел с работы и стал пить. Ну, довольно о нем – я вам это рассказываю лишь потому, что вы видели Рея в наихудшем свете. Могу ли я вам чем-нибудь помочь, мистер Хантер?

Он уже помогал тем, что говорил откровенно.

– Я хотел только спросить, мистер Стэнтон: вы убеждены в том, что Салли умерла своей смертью? Я знаю, что медики подтверждают это, и марсиане, в которых она верила, – существа вымышленные, но мне трудно считать совпадением то, что Салли реально опасалась за свою жизнь.

– А как еще она могла умереть, мистер Хантер? По словам капитана Бассета, в этом нет никаких сомнений, а мнения полицейского врача и лечившего ее кардиолога полностью совпадают. Сами вы дежурили в соседней комнате и, вероятно, еще не спали?

Я кивнул. Мысль, что девушка с тяжелым сердечным заболеванием могла умереть от одного лишь испуга, начинала казаться глупой мне самому. Оставалось, правда, еще окно над воздушной шахтой.

– Я не хотел сказать, мистер Стэнтон, что не считаю смерть Салли естественной – но если есть хоть отдаленная возможность обратного, не мешало бы это расследовать...

Стэнтон нахмурился:

– Я не согласен с тем, что подобная возможность есть, и не могу себе позволить поручить вам такое расследование. Магазиновый снабженец, как вы понимаете, в золоте не купается, а мне еще приходится платить за обучение сестры Салли.

– Я не это имел в виду, мистер Стэнтон. Расследование – мое личное дело. Я должен был защитить Салли и не сумел.

– Боюсь, вы заблуждаетесь, мистер Хантер, вернее, надеюсь, что это так. Не вижу оснований думать, будто со смертью Салли что-то не так, но если у вас возникли подозрения, мешать вам я не стану и окажу посильную помощь.

– Тогда скажите мне вот что: была ли смерть Салли кому-нибудь выгодна? В любом отношении?

– Ничего такого в голову не приходит. Доуэры оставили дочерям всего несколько сотен долларов, давно истраченные, и маленький земельный участок на северо-западе Колорадо.

– А кто унаследовал долю Салли?

– Не знаю. Насколько мне известно, Салли не оставила завещания – зачем ей было его писать? До настоящего момента я вообще об этом не думал. Если завещания нет, то наследую, видимо, я как ее опекун или Дороти. Мне ничего не надо, пусть все достается Дороти – но следует, вероятно, предпринять юридические шаги, чтобы передать права Салли кому-то еще.

– Вы уверены, что эта земля ничего не стоит?

– Да. Год назад нам предложили за нее триста долларов. Салли и Дороти тут же вообразили, что в действительности участок стоит каких-то бешеных денег, что там, например, есть нефть. Мы поручили геологической фирме из Эль-Пасо провести соответствующие исследования, и мой шурин поехал туда вместе с их сотрудником. Прошлым летом он собирался на Запад, вот и вызвался все проверить на месте. Я читал отчет геолога: земля пригодна только под пастбище, да и то не вся. Ни нефти, ни прочих полезных ископаемых. Он даже со счетчиком Гейгера там прошелся на случай, что найдется уран.

– Мистер Вернеке выяснил, от кого поступило предложение?

– Да, землю хотел купить владелец соседнего ранчо. Его скот все равно пасется на ней, вот он и решил приобрести участок за номинальную стоимость. Поднял сумму до четырехсот долларов, но на этом и все.

– И вы полагаете, что это честная цена?

– Вероятно, однако девочки решили не продавать – по сентиментальным соображениям. Налог там ничтожный, несколько долларов в год, да и лестно им было владеть землей, пусть даже ни на что не пригодной.

– Это все их имущество?

– Да. Страховки – той нет. Устроившись на работу, Салли поговаривала, что надо бы оформить небольшой полис, но, кажется, так и не собралась: в ее бумагах полиса нет, даже похороны оплатить было нечем. На счету у нее, согласно чековой книжке, лежало сто восемнадцать долларов, но сотню она в прошлую среду сняла. Эта сумма, наличными, нашлась у нее в кошельке.

Я кивнул. Та самая сотня, которую Салли предлагала сначала нашему агентству, потом мне лично, чтобы я покараулил ее в ту ночь. Я сообщил об этом Стэнтону и добавил, что в случае надобности Салли бралась достать еще сотню.

– Как вы думаете, откуда? У вас заняла бы?

– Меня она вряд ли бы стала просить – Салли знала, что с финансами у нас туго. Может, обратилась бы к Рею, несмотря на свою неприязнь к нему, и он наверняка дал бы ей. Или кредит бы взяла, чтобы выплачивать потом из своего жалованья.

Это, впрочем, уже не имело значения. Я вернулся к вопросу о колорадской недвижимости: какой-никакой, а мотив.

– У геологов, к которым вы обращались для оценки земли, хорошая репутация?

– Да. Владельцы компании – Уэйд и Макнелли, а с Джорджем Макнелли мы знакомы со школьной скамьи. Сначала он жил в Чикаго, потом переехал на Запад и стал известным геологом. Я знаю из независимых источников, что его фирма считается одной из самых крупных и надежных в той части страны. Именно поэтому, когда девочкам поступило предложение, я

сразу написал Джорджу, а не куда-нибудь в Денвер, хотя денверские специалисты ближе и обошлись бы дешевле.

– Мистер Макнелли сам ездил туда?

– Нет, но в приложенной к отчету записке упомянул, что послал одного из лучших своих сотрудников. Я запомнил фамилию, потому что она хорошо подходит геологу: эксперта звали Джек Сильвер³.

– Новых предложений о покупке не возникало?

– Нет, и не поступит скорее всего. Надо было продавать, пока шанс имелся.

– У Салли были враги, мистер Стэнтон?

– Ни одного, насколько я знаю.

– Жених? Поклонники?

– Она встречалась со многими молодыми людьми, но ничего серьезного там, по-моему, не было. Месяц назад, правда, наметился один молодой человек – думаю, Салли вышла бы за него, если бы он предложил, но у них что-то разладилось. Я спрашивал о нем, когда Салли была здесь в последний раз, на прошлой неделе, и она сообщила, что больше с ним не видится. Кто из них первым решил расстаться, я не стал уточнять.

– Как его зовут?

– Уильям Хаберман. Я с ним знаком, и он мне, в общем, понравился. Его отец торгует поддержанными автомобилями в Эванстоне, и Уильям работает у него продавцом.

– Значит, Салли последний раз была у вас в прошлое воскресенье? Одна приходила?

– Да. Пообедала с нами, а затем пошла в кино с Дороти.

– Никто из вас с тех пор не видел ее? Не общался с ней?

– Кажется, нет. Может, она говорила по телефону с сестрой, надо спросить у Дороти, но, по-моему, они не встречались. Дороти проходит летний курс по предмету, который завалила в прошлом семестре. У нее скоро экзамен, вечерами она дома зубрит. Ходила вроде бы куда-то в четверг, но не с Салли.

– Вы знаете, что Салли верила в марсиан?

– Да, с недавнего времени. Пытался разубедить ее, потом сдался. – Стэнтон пожал плечами.

– Если человеку что втемяшится, уговаривать его бесполезно.

– Вас не беспокоило, что она может лишиться рассудка?

– Салли не ума палата, конечно, но во всем остальном вела себя вполне здраво. Это Рей задурил ей голову марсианами. Когда знаешь, откуда это взялось, уже легче. Никакой особой опасности я в этом не находил. Да и что я мог сделать, кроме как попытаться урезонить ее?

– А к психиатру посылать не пробовали?

– Пробовал и заплатил, обещал. Но Салли отказалась, и что я опять-таки мог сделать? Сумасшедшей она не была – не в желтый же дом ее отправлять, в самом деле. Это было бы жестоко и нелепо. Я думал – ошибочно, вероятно, – что у нее со временем это пройдет, и вреда никому не было. Хотите выпить, мистер Хантер? У меня тут хороший херес в шкафу, и сам я охотно пропустил бы стаканчик.

– Тогда и я составлю компанию – хочется запить чем-то чистый виски. Не подумайте, что я вас критикую, мистер Стэнтон, но почему вы считали, что ее бред никому не вредит? Любой бред указывает на психическое расстройство, что само по себе... – Я не знал, как лучше выразить свою мысль.

– Я вас понимаю, но ведь бред – не обязательно сумасшествие, – промолвил Стэнтон, вручая мне рюмку хереса. – У всех есть свой пунтик, разве не так? Вот вам хороший пример: жена моя верит в реального Бога, окруженного херувимами и серафимами, и в Святого Духа, и в то, что праведники отправятся в рай. Более того, она верит в дьявола, окруженного чертями и душами грешников. Чем это лучше марсиан, скажите, пожалуйста? Астрономы утверждают, что на Марсе есть каналы – значит, он населен разумными существами. И если вы следите за достижениями ракетостроения, то знаете, что скоро мы туда полетим – при вашей жизни уж точно. Почему же марсиане не могли прилететь сюда первыми, если наука у них развита лучше нашей? И

³ От *англ.* silver – серебро.

оставаться здесь без нашего ведома? Мне легче поверить в это, чем в тот же рай. Марс я видел, даже в телескоп на него смотрел, а рай – нет. Так что жена, сдаётся мне, сбрендила хуже бедняжки Салли, только вы ей об этом не говорите.

Я пригубил херес, действительно хороший. Если в рассуждениях мистера Стэнтона и был какой-то изъян, я не мог уловить его.

– Разве вас не беспокоило, что Салли обратилась в полицию для защиты от марсиан, которые будто бы хотели убить ее? Вера в марсиан, вероятно, безобидна, но в сочетании с манией преследования и страхом перестает быть такой. Страх всегда вреден.

– Верно, но я все же не хотел, чтобы Салли задерживали для медицинского обследования. Решил побеседовать с ней снова при первой возможности и уговорить ее обратиться к психиатру. Капитан Бассет приходил сюда в среду утром и застал меня дома, потому что мне нездоровилось. Днем и вечером я пробовал ей дозвониться, но Салли не приходила домой как минимум до одиннадцати часов, когда я попытался в последний раз. Днем и вечером четверга опять звонил, уже с работы, но тогда она, как теперь стало ясно, находилась с вами.

– Не ваш ли это звонок разбудил меня около двух часов ночи? – спросил я.

– Нет. Последний звонок я сделал в половину двенадцатого и сразу же лег. Доктор рекомендует мне спать подольше. Сердце у меня хуже, чем у Салли. У нее было расширение, у меня – стенокардия. Я продолжаю работать, пропуская иногда день-другой, однако режим приходится соблюдать. Херес, к слову, мне пить не следует, но я все же позволяю себе глоточек.

Я допил свою рюмку и поблагодарил Стэнтона – других вопросов у меня к нему не возникло. В гостиной, когда он провожал меня, не было никого, чему я порадовался. Я не знал, что сказать миссис Стэнтон, а Рей Вернеке наверняка заставил бы меня допить оставленный на столике виски.

– Спасибо, что прислали цветы, – произнес Стэнтон в прихожей. – Это очень любезно, учитывая, что с Салли вы были знакомы всего один день.

– Она мне нравилась, – промолвил я и подумал, что Стэнтон мне нравится тоже. Насчет Рея я пока не определился: то, что Стэнтон рассказал мне о нем, многое объясняло, но он все еще казался мне странным.

Дядя Эм сидел в нашей комнате и читал.

– Ну, как оно там? – спросил он.

– Дядюшка еще с большей придурью, чем Салли, идею про марсиан она у него почерпнула. Вопрос: верит ли в них он сам? Выпивши, говорит, что верит, трезвый – отказывается.

– Это он внушил девушке, что они хотят ее кокнуть?

– Говорит, что нет – по-моему, это правда. В прошлое воскресенье, когда Салли приходила к ним, все было в порядке, а в среду, накануне визита к нам, она уже отправилась в полицию. Марсиане превратились в угрозу за эти несколько дней. Раньше они считались дружелюбными или, по крайней мере, безопасными существами.

– Еще что-нибудь? Выяснил, почему опекун так и не сводил ее к психиатру? Даже после того, как она обратилась в полицию?

Я объяснил, почему так получилось.

– Ну что ж, все логично вроде бы. Доволен ты теперь или никак не уймешься?

– Звонок этот мне покоя не дает. Стэнтон говорит, что он не звонил.

– Если Стэнтон врет, то по очень простой причине. Например, он лег спать, а потом проснулся, позвонил еще раз, и ему ответил мужской голос. Естественно, Стэнтон решил, что Салли не одна, и повесил трубку, чтобы не смущать ее. А теперь ему неловко признаться, что он подумал так о приемной дочери и бросил трубку, ничего не сказав. Вот Стэнтон и утверждает, будто не звонил ночью.

– Не исключено, – признал я, хотя сам так не думал. – Никаких мотивов, финансовых или прочих, в любом случае нет. Да хотя бы и были, все равно непонятно, как Салли могли убить.

– Забудь, а не то сам в марсиан уверуешь. Пойдем-ка лучше в кино.

Мы отправились в кино, а потом рано легли спать.

Я старался не думать о Салли, но она мне приснилась. Будто я сижу у нее в гостиной и караулю, а она, нагая, открывает дверь спальни и говорит: «Мне страшно, Эд, давай вместе

спать». И тут позади нее вырастает какая-то высокая тень. Салли пропадает, тень движется ко мне через комнату, а я ни одним мускулом шевельнуть не могу. Проснулся я потный, как лошадь.

Комнату ярко освещала луна. Не желая будить дядю, я взял детективный журнал в ванную комнату и почитал там, чтобы прогнать страшный сон. В рассказе описывалось славное простенькое убийство: гангстеры ухлопали свою жертву из автомата. Я полюбил этих ребят, как родных.

Пора признать, что Салли Доуэр умерла своей смертью, и не изображать умника, подозревая злой умысел. Приняв это решение, я вернулся в постель. Не помню, снилось ли мне в ту ночь что-либо еще.

В понедельник, в десять часов утра у нас в офисе зазвонил телефон. Дядя вышел в приемную, попить из кулера. Аппаратов у нас два, и трубку мог взять любой, но мы с самого начала договорились, что отвечать будем из кабинета.

– Хантер и Хантер, – произнес я.

– Вы – один из них?

– Да, Эд Хантер.

– Вы меня не знаете, мистер Хантер. Мое имя Ят-Дун.

Так мне, крайней мере, послышалось – уточнить можно было позднее.

– Чем могу служить, мистер Ят-Дун?

Дядя возник на пороге, как бы спрашивая взглядом, не снять ли ему трубку телефона в приемной.

– Просто Ят-Дун. У нас, марсиан, обращение «мистер» не принято.

Глава 4

Я дал дяде знак снять трубку и послушать, а сам произнес:

– И что же мы... – В трубке раздался щелчок, и мой собеседник сказал:

– Не пытайтесь отследить мой звонок, иначе я прерву разговор.

– Мы и не пытаемся... у нас даже техники такой нет. Это просто другой мистер Хантер, Эмброз, слушает нас по параллельному аппарату. Вы не возражаете, надеюсь?

– Нисколько, меня вполне устраивает разговор с вами обоими. Я хотел попросить вас расследовать смерть мисс Салли Доуэр, в чем вы, как я понимаю, сами заинтересованы.

– Кто вам сказал, что мы заинтересованы?

– Не имеет значения. Вы ведь не уверены в том, что мисс Доуэр умерла естественной смертью, верно?

– Да, – признал я, – но если ее смерть естественной не являлась, я не знаю, что послужило ее причиной. А вы?

– Я тоже, потому и прошу вас заняться этим. За приличный гонорар, разумеется. Тысяча долларов и еще тысяча при наличии удовлетворяющего меня результата.

– Но в чем ваш интерес?

– Это важно?

– К сожалению, да. Мы не можем работать вслепую, не зная клиента и не понимая, почему его интересует то или иное дело. Нам необходимо знать, кто вы и куда мы должны будем представить отчет.

– Я уже назвался и объяснил, кто я. В адресе, как и в вашем отчете, необходимости нет. Если найдете убийцу, просто сообщите в полицию. Они арестуют его, и я узнаю об этом из общедоступных средств информации.

– Я все же не понимаю, зачем вам это?

– Затем, что мы, марсиане, не имеем никакого отношения к смерти мисс Доуэр. Мы никого не убиваем, и если у землян существует хоть малейшее подозрение на наш счет, то мы хотим развеять его. Отсюда предложение, которое мы вам делаем.

– Вы тоже сомневаетесь в ее естественной смерти?

– По тем же причинам, что и вы. Никакой помощи, помимо финансовой, я вам оказать не смогу. Итак, вы согласны?

– Только если сообщите, кто вы.

– Значит, согласны, потому что я это уже сказал. Гонорар найдете под промокатальной бумагой на письменном столе в кабинете. Благодарю вас.

Щелчок, опять щелчок – марсианин и дядя повесили трубки. Я сделал то же самое, продолжая таращиться на телефон, и приподнял уголок бювара. Никаких денег там, конечно, не оказалось. Я посмотрел на дядю, он на меня.

– Что скажешь, парень? Еще один чокнутый?

– Не знаю... В газетах про Салли ничего не было. Мало кто знает, что я находился с ней в момент ее смерти и что у меня возникли сомнения. Семья, Фрэнк Бассет, пара докторов – вот и все. Я подумал бы, что это Фрэнк нас разыгрывает, но голос вроде не его.

– Не его, – подтвердил дядя. – Он мог попросить кого-то, но это не в его стиле. Бассет вообще не любит шутить, да и с какой целью он стал бы это делать? Скорее уж...

– Кто?

– Бен Старлок. Он направил к нам Салли Доуэр – понятно, что ему хочется продолжения.

– Похоже, ты прав, дядя Эм. Говорил со мной не Бен, но у него на то оперативники есть. Фрэнка он знает не хуже нас – тот мог все ему рассказать. Вот только стиль опять-таки не его. Чувство юмора у него имеется – может, оно и побудило Бена послать Салли к нам, – но в этом звонке я ничего смешного не нахожу. Чего он хотел этим добиться? Не рассчитывал же он, что мы примем его всерьез.

– Особенно когда обещанной тысячи не нашлось. Под бювар ты уже заглядывал – посмотри под промокашкой, как он сказал.

Терять мне было нечего. Я обнаружил тысяchedолларовую бумажку с прекраснейшим портретом Гровера Кливленда.

– Будь я проклят!

Дядя взял у меня ассигнацию и пощупал ее:

– Если она не настоящая, то кто-то чертовски хорошо поработал, Эд.

Оба мы думали о том же, не произнося этого вслух. Настоящая это купюра или поддельная, подsunул нам ее не Бен Старлок. С тысячей долларов шутить нельзя, и наш абонент не шутил. Кем бы он себя ни назвал, он действительно хочет, чтобы мы расследовали смерть Салли. За тысячу долларов.

– Ты беседовал и со Стэнтоном, и с Вернеке, – сказал дядя, присев на угол стола. – Не мог это быть кто-либо из них?

– По телефону я с ними не говорил, – ответил я, – а в трубке голос звучит по-другому. Если это один из них, то он нарочно маскировался, говорил на октаву выше или через платок. Я выбрал бы Вернеке: когда мы общались, он уже сильно набрался – может, трезвый он звучит по-иному.

– И в марсиан верит, так ведь?

– Но если он хотел поручить нам расследование, почему не сделать это открыто?

– То же самое относится к Стэнтону, но это точно кто-то из них, Эд. Кто же еще? И у него есть какая-то причина держаться в тени.

– Ладно, так и будем пока считать.

– Вот-вот. Тут у нас штука баксов, парень – в американской валюте, не в марсианской. Сигару прикурим от нее или как?

– Этично ли брать дело и гонорар за него, не зная, кто наш клиент?

– А почему нет, если дело честное? Что честнее расследования подозрительной смерти, которая может оказаться убийством? В общем нет, в банк деньги пока класть не будем, – добавил он. – Если возьмемся за данное дело – а мы, полагаю, уже взялись, – то, вероятно, выясним, чья это тысяча и почему ее обладатель предпочел вручить нам деньги анонимно. И не захотим оставить деньги у себя, когда выясним. Спрячем в сейф, и пусть себе полежит. Это не означает, что мы приняли тысячу, и не означает, что отказались.

Сейф достался нам вместе с офисом. Получив его бесплатно, мы потратили пару баксов, чтобы поменять комбинацию цифр. Хранилась в нем мелочь на повседневные расходы и те немногие бумаги, которые в картотеке лучше не оставлять. Картотечный шкаф у нас запирается, но его и ребенок может открыть.

Дядя Эм положил купюру в конверт и убрал в сейф.

– Работы у нас все равно нет, Эд. Для начала разберемся, как деньги попали сюда. В субботу я как раз сменил промокашку, значит, их положили уже позднее, но до того, как сегодня утром я открыл кабинет. Ты выходил за сигаретами часов в девять, а я постоянно находился здесь.

– Их положили в субботу вечером или вчера, в воскресенье, – подхватил я. – Скорее всего вчера, после моего визита к Стэнтонам.

– Не исключено. Стэнтон, что бы он там ни говорил, оценил твое отношение к смерти Салли. Когда ты ушел, он проник сюда и...

– Минутку. Вряд ли под рукой у Стэнтона была тысячная банкнота, учитывая его образ жизни, а банки в воскресенье закрыты.

– Давай по порядку, Эд. Сейчас главное, как деньги тут оказались – посмотрим, не ковырялся ли кто в замке.

Мы тщательно исследовали дверной замок, но царапин и других следов взлома не обнаружили. Он американский, и вскрыть его так аккуратно мог разве что слесарь или опытный взломщик.

– Конечно, он мог взять ключ у нашей уборщицы, но я сомневаюсь, – заметил дядя. – Скорее в окно с пожарной лестницы влез. Это просто, поскольку в такую жару мы оставляем его открытым.

– Наверное, уборщица тоже марсианка и соучастница того, кто звонил, – предположил я. – Она-то и подsunула деньги.

– Да, я поговорю с ней и менеджера спрошу, где он держит ключи, но окно мы все же проверим.

На окне кабинета тоже никаких следов не нашлось, но это ничего не значило: на подоконник наш посетитель мог и не наступать.

Я вылез на пожарную лестницу, собираясь осмотреться в переулке, куда выходило окно, и подняться обратно в лифте. Затем я спустился на площадку второго этажа. Нижний пролет лестницы надо было освободить от противовеса, а потом уж спустить. Осмотрев всю конструкцию, я пришел к выводу, что не спускали его давненько – похоже, со дня покраски. Я перелез через перила, повис на руках и спрыгнул в переулок примерно с четырехфутовой высоты.

Хороший спортсмен с разбегу мог, пожалуй, ухватиться за нижнюю перекладину и залезть наверх, но ни Вернеке, ни Стэнтон атлетами не являлись, особенно Стэнтон. На противоположной стороне переулка находилась разгрузочная платформа со штабелями коробок и ящиков. Рабочий в комбинезоне переносил их на склад. Я поднялся туда, дождался, когда он придет за новой партией, и спросил:

– Скажите, ночью тут тоже что-то лежало?

– А зачем тебе знать? – подозрительно осведомился он.

Я показал ему удостоверение частного сыщика.

– В здании напротив произошел взлом. Мы полагаем, что преступник залез по пожарной лестнице. Но как он на нее-то взобрался? Если на платформе были какие-то ящики, он мог подставить их.

– А, вон оно что. – Он сплюнул. – Вон те деревянные ящики в дальнем углу – порожняк. Один парень забирает их по понедельникам как утиль, платит за них какую-то мелочь. Ночью все они находились тут, новые я пока не подбавлял.

– Они стоят, как раньше? В том же порядке?

– Похоже, нет. Поклясться не могу, но крайний штабель косоват что-то, обычно я аккуратнее работаю.

Я посмотрел. Там было четыре штабеля, каждый примерно шесть футов высоты, и крайний действительно отличался от своих ровных соседей.

– Не знаете, случайно, горит ли тут ночью свет? Фонарик с собой брать надо?

– Нет. Свет не то чтобы яркий, но видно, что делаешь. Я иногда работаю допоздна, знаю. Много он спер-то?

– На тысячу примерно. Большое спасибо.

Я вошел через парадную дверь, поднялся в лифте и рассказал дяде Эму про ящики. Он кивнул:

– Так он все и проделал, а лезть тем же манером назад было не обязательно. Замок у нас автоматический, захлопнул за собой, и порядок.

– Тогда ему пришлось бы вернуться в переулок и поставить на место ящики. Зачем так утруждаться?

– А за марсианина зачем себя выдавать? Для чего нести по телефону всю эту чушь? Думал, что мы сдуру поверим, будто марсиане могут проходить сквозь закрытую дверь, потому и замел следы. Но с уборщицами я все же поговорю.

– Зачем, если мы уверены, что он залез по пожарной лестнице?

– Они могли видеть, как он уходит. Пока ты ошивался внизу, я позвонил менеджеру и расспросил его на предмет ключей, расписания уборщиц и прочее. Их две: одна убирает четыре верхних этажа, другая – со второго по пятый. В магазинах на первом свой персонал. Приходят они каждый день в одиннадцать вечера, кроме субботы, работают до семи утра. Все ключи от офисов разные, универсального нет. Обе женщины держат их на кольцах в подсобке. Там тоже автоматический замок, и у каждой есть ключ от него. Открывает чулан, берет свою связку и идет убирать помещения. Наш злодей скорее всего влез через окно, но я тем не менее хочу с ними побеседовать – хотя бы с той, что убирает нижние этажи. Может, она видела, как он спускался по лестнице: на воскресенье лифт отключают.

– Мы все-таки не уверены, что он не подбросил деньги в субботу вечером, – заметил я.

– Почти уверены, парень. Именно твой воскресный визит побудил Вернеке или Стэнтона поручить нам это расследование. Может, у Стэнтона – будем для простоты считать, что это он – имелись свои сомнения. Твои вопросы усилили их, вот он и решил предпринять что-то.

– Ты прав, пожалуй. В противном случае он бы нас нанял сразу, в пятницу или субботу, по горячим следам. Ну ладно – ты с уборщицами беседуешь, а я?

– Напиши мне отчет про ночь четверга и про свои беседы со Стэнтоном и Вернеке. Конечно, ты уже рассказывал, но не во всех подробностях – как знать, что важно, что нет. К счастью, память у тебя хорошая, так что изложи все, о чем вы говорили с Салли – личное, если было, опусти – и с ее родичами. Вспомни, что можешь, пока свежо, включая и разговор с марсианином.

– Весь день придется строчить, но что поделывать, – вздохнул я. – Боюсь, рука отнимется, как это случается у писателей.

– Какого черта, парень, мы с тобой богачи! Вызови стенографистку из какого-нибудь агентства и надиктуй. Если быстро придет, к полудню управитесь, а во второй половине дня она это напечатает. Сэкономил время, и здоровью никакого вреда.

– Это мысль! В соседнем квартале есть такое агентство. Сбегаю, посмотрю, что они там предлагают.

– Зачем бегать? Позвони. Не важно, как она выглядит, тебе же стенографистка нужна, а не танцовщица в кордебалет. Даже лучше, если она окажется кривоногая и с плохими зубами – не будешь отвлекаться, пока диктуешь.

– Ладно. – Я открыл телефонную книгу.

– Но сначала сделай другой звонок. Я хотел бы взглянуть на квартиру Салли: если ключ все еще у Стэнтона, понадобится его разрешение. Ты с ним уже знаком, тебе проще – спроси его, а?

Я позвонил к ним домой. Миссис Стэнтон сообщила, что муж на работе, и продиктовала другой номер, который я и вызвал.

– Мы там еще не были с той ночи, как умерла Салли, – сказал мне Стэнтон. – Домохозяин по телефону объяснил, что за квартиру уплачено до конца месяца, поэтому спешить некуда.

– Никто из вашей семьи туда не ходил?

– Пока нет. На неделе жена и Дороти заберут вещи Салли. Дороти из ее одежды многое подойдет.

– Квартира меблированная?

– Да, но там многое и Салли принадлежало: занавески, подушки, лампы. Дороти знает, что именно.

– Не возражаете, если сегодня мы туда зайдем?

– Нисколько, но у меня нет ключа. Дверь в ту ночь запирали капитан Бассет, и мне он ключ не вернул. У домовладельца должен быть дубликат – он живет внизу, в квартире номер один.

Я поблагодарил Стэнтона. Дядя Эм слушал нас по параллельному аппарату, так что повторять не пришлось.

– Ладно, Эд, вызывай свою девушку, только скажи сначала: голос похож?

Поняв, о чем он, я мысленно сравнил голос Стэнтона, с которым впервые говорил по телефону, и нашего таинственного клиента.

– Похож, если бы он говорил немного повыше. Не поручусь, что голос один и тот же, но в целом возможно.

– Вот и я так думаю. Позвони еще Рею Вернеке и послушай его голосок. Мне кажется, что нанял нас Стэнтон, но и другую возможность рассмотреть надо. А я, значит, сначала к уборщицам, а потом на квартиру к Салли.

Я позвонил в агентство и объяснил, что стенографистка мне нужна всего на полдня, но я гарантирую хорошую почасовую оплату.

– Да, у нас есть подходящая девушка, мистер Хантер. Я как раз беседовала с ней, когда вы позвонили. Опыт у нее имеется. Спросить, согласна ли она прийти к вам?

– Пожалуйста. Чем скорее, тем лучше.

– Минуточку... Все в порядке, мистер Хантер, минут через десять она придет. Зовут ее Моника Райт.

Решив пока позвонить Рею Вернеке, я снова набрал номер телефона Стэнтонов, и хозяйка дома передала ему трубку.

– Рей Вернеке слушает.

Трезвый, похоже, во всяком случае, намного трезвее вчерашнего.

Я назвал его и сообщил, что мне нужно.

– Вечером буду дома – сможете подойти часов в восемь?

Я сказал, что смогу.

Похож ли его голос? Да, если немного изменить его.

Дверь в офис открылась. Я вышел посмотреть, кто это, зная, что для стенографистки еще рановато.

Фрэнк Бассет снял шляпу, вытер лоб и усмехнулся:

– Привет, Эд! Как там на Марсе, всё спокойно?

Глава 5

– Не всё, – ответил я. – Слушай, Фрэнк, я только что звонил Стэнтону, он говорит, что квартиру Салли запирает ты, а ключ ему не отдал. Он у тебя?

– Господи, Эд, ты еще не выкинул это дело из головы? Ключ я по рассеянности сунул в карман и обнаружил лишь утром, сразу после нашего с тобой разговора. И вернул домовладельцу, поскольку все равно ехал в ту сторону. Он живет в том же доме.

– Ты говорил с ним?

– О чем? Я сообщил, конечно, что его жиличка умерла от сердечного приступа, но тело уже увезли, и можно не беспокоиться.

– А он что?

– Ну, что... сказал, что плохо знал Салли Доуэр, но сожалеет о ее смерти. Спрашивал также, как быть с ее имуществом. Я ответил, что опекун Салли скорее всего свяжется с ним.

– Да, Стэнтон уже звонил ему. Квартира оплачена до конца месяца – миссис Стэнтон и сестра Салли заберут вещи на этой неделе.

– Насчет Марса – это шутка. Я зашел узнать, не хотите ли вы с Эмом перекинуться в покер – вечером, у меня. Наши ребята тоже придут.

– Я спрошу его и скажу, чтобы отзвонился тебе. Сам не смогу, у меня встреча в Роджерс-парке.

– В Роджерс-парке? Вы что, расследование ведете? Стэнтон вам платит?

– Мы предполагаем, что да, однако...

Дверь снова открылась, и вошла девушка, приятная блондинка среднего роста. Могла оказаться хорошенькой, сняв темные черепаховые очки.

– Мисс Райт? Когда я звонил, забыл кое-что. У вас есть с собой стенографический блокнот?

– Нет, мистер Хантер... Ведь вы мистер Хантер?

– Один из них. Блокнот нам необходим. Тут неподалеку есть магазин канцтоваров... вы не могли бы...

– Разумеется. – Девушка вышла, а Бассет заметил:

– Так развернулись, что секретаршу взяли? Вкус у тебя, надо сказать, неплохой.

– Только временно. У меня писанины на весь день, а со стенографисткой могу часа за два управиться.

– Ясно. Но почему вы только предполагаете, что вас нанял Стэнтон? Гонорар он вам заплатил или нет?

Решив не делать из этого тайны, я рассказал Бассету об утреннем телефонном звонке. Сначала он смеялся, но посерьезнел, когда я открыл сейф и предъявил ему тысяchedолларовую купюру.

Фрэнк пощупал ее, посмотрел на свет и произнес:

– Деньги настоящие, Эд, подделки я обычно сразу определяю. Но за каким чертом Стэнтону передавать ее анонимно?

– Непонятно пока, и Вернеке исключать тоже рано. Я слышал их голоса по телефону, но точно ничего сказать не могу. А хотелось бы – это может иметь прямое отношение к делу.

Фрэнк записал в свою книжку серийный номер нашей банкноты.

– Попробую выяснить, откуда она взялась. Банки записывают номера всех тысяchedолларовых билетов, которые выдают клиентам. Это наверняка Стэнтон, только зачем ему...

– А если он не хочет, чтобы его семья – или кто-то из семьи – знала, что он оплачивает расследование? Честно говоря, я вообще не предполагал, что Стэнтон может позволить себе подобные расходы.

– Наверное, не такой бедный, каким представляется. Так многие поступают: говорят, что ничего у них нет, а сами забирают деньжонки на черный день.

– Уж очень он щедрый. Мы могли бы начать расследование с гораздо меньшим задатком. С денежной стороны я бы скорее поставил на Вернеке. Интересно, так ли уж мал его небольшой доход?

Фрэнк сдвинул шляпу на затылок:

– Это я тоже попытаюсь выяснить, Эд: мне самому теперь интересно. Штука баксов сильно меняет взгляд на проблему. Если кто-либо из семьи считает смерть Салли подозрительной, у него наверняка имеется причина. Посмотрим, что у нас есть на Вернеке и на Стэнтона. Если купюра приведет к кому-то из них, я возьму его в оборот: он должен что-то знать, раз тратит такие деньги. Не помешает также пообщаться с докторами, осматривавшими Салли.

– Большое спасибо за помощь, Фрэнк. Спроси их, нельзя ли дать сердечнику что-то такое, чтобы сердце остановилось, а другие симптомы отсутствовали.

– Непременно. Держи меня в курсе, ладно?

Бассет ушел. Пока я набирал шифр, чтобы снова запереть сейф, вернулась Моника Райт. Я усадил ее за стол в кабинете и стал диктовать, расхаживая по комнате – так мне легче думалось. Начал я с того, о чем говорила Салли в четверг нам с дядей Эмом. Рассказал, как догнал ее на лестнице и что мы делали после. Старался припомнить каждую мелочь. Поведав, как заснул в кресле, я заметил, что наступил полдень.

– Не хотите пойти перекусить, Моника?

– Прямо сейчас? Я хочу знать, что произошло дальше!

Я усмехнулся, видя такую заинтересованность, и помрачнел, вспомнив, что дальнейшее совсем не смешно.

– С этого момента все будет хуже и хуже – рекомендую сначала поесть.

– Хотите сказать, что...

– Ладно, продолжим, – вздохнул я. – Это легче, чем объяснять.

Завершив рассказ о ночных событиях, я произнес:

– Работы у нас примерно на полчаса. Будем продолжать или сделаем перерыв?

– Да, пожалуйста! Давайте закончим!

Я продиктовал все, что запомнил из разговоров с Вернеке, Стэнтоном и нашим марсианским клиентом.

– Ну все, пойдем поедим.

Я запер офис, и мы съели ленч.

– Мистер Хантер... – сказала Моника за кофе.

– Эд, – поправил я. – Я же вас Моникой называю.

– Эд, вы ничего не выдумывали, когда диктовали? Все так...

– Да, все так и было.

Она поежилась:

– Ужас какой. Может, если бы вы спали не в кресле...

– Мисс Райт, есть услуги, которые детектив клиенту оказывать не обязан.

Она покраснела, но сдаваться не стала:

– Но ведь она не являлась вашей клиенткой! Денег с нее вы не взяли.

– Послушайте, Моника. Девушка страдала психическим расстройством. Ее пугала предстоящая одинокая ночь, и я рад, что остался с ней, но рад и тому, что...

Я замолчал, не зная, чему тут, собственно, радоваться. Не заночуй я в этом чертовом кресле, хуже уж точно не было бы. Если Салли действительно умерла от сердца, а я в тот момент находился бы рядом в буквальном смысле, хуже было бы только мне, но не ей. Если же Салли все-таки убили, я, возможно, спас бы ее...

Но Салли не могли убить. Почему же тогда некто готов выложить за расследование тысячу долларов?

– Черт! – воскликнул я. – Пойдемте лучше обратно.

В офисе я выдал Монике бумагу, и она села перепечатывать свои записи. Я не понимал, почему ее слова вызвали у меня такое раздражение, заставив оправдываться даже перед самим собой. А то, что с тех пор Моника ни слова не упомянула о Салли, злило еще больше.

– Мне надо кое с кем повидаться, – сказал я. – Если кто-нибудь позвонит...

Телефон зазвонил в этот самый момент.

– Ну что, вызвал свою стенографистку? – спросил дядя Эм. – Как у тебя дела?

– Закончил диктовать и собираюсь к Бену Старлоку.

– Хорошо. Возможно, он Салли направил к нам без задней мысли, но о деталях расспросить не мешает.

– И удостовериться, что он действительно направил ее.

– Об этом я не подумал. С уборщицами я пообщался – ни одна из них никого не видела в здании в ночь воскресенья. С этой стороны нам к клиенту не подобраться. Либо он приходил до того, как они явились на работу, либо воспользовался пожарной лестницей и на обратном пути. Теперь поеду к Салли домой.

– Давай. Прочеши там все частым гребнем. Я провел лишь поверхностный осмотр – Фрэнк уже направлялся туда, и я мог с чистой совестью сказать ему, что ничего не трогал. Кстати, он заходил сюда, Фрэнк. Приглашает тебя на покер сегодня вечером.

– Не знаю... Может, еще поработать придется. Позвоню ему в любом случае. Как твоя стенографисточка?

– Прелесть.

– Слышу урчащие нотки, – засмеялся дядя, – но говорить откровенно ты не можешь. Рассказал Фрэнку о нашем клиенте?

– Да.

– Ну и хорошо. Я рад, что он знает про деньги – вопросов к нам в случае чего не возникнет. Не забывай: мы просто храним их, пока не выясним, чьи они.

– Не будем перегибать с этикой – особенно теперь, когда Бассет про них узнал. Он, между прочим, серийный номер записал и хочет разнюхать насчет финансовых дел Стэнтон и Вернеке.

– Ясно. Когда закончу с квартирой Салли, вернусь сюда, но это будет часа через два-три, не раньше. С домовладельцем тоже поговорю, все равно надо зайти к нему за ключом. Развлекайся, пока меня нет, только дверь запири.

Я буркнул что-то в ответ и повесил трубку.

На улице было жарко, но мне захотелось пройтись. Бен еще не вернулся с ленча.

– Приветик, Эд! – воскликнул он, входя в дверь. – Что, опять работа понадобилась? Уже?

– Пока нет, но кто знает?

– Пошли в мою берлогу. Нет, серьезно, как у вас с Эмом дела? Надеюсь, хорошо?

– Ну, в золоте не купаемся, так ведь рано еще. Не обанкротились пока, и то ладно.

– Да. – Бен заложил руки за голову и потянулся. Крутящийся стул скрипнул под его тяжестью.

– Сейчас просто время такое, мертвый сезон. У меня вон тоже два сотрудника плюют в потолок. В жару, бог весть почему, никто детективов не нанимает. А похолодает, и я начну лишние дела вам сплавлять.

– Об этом я и хотел спросить. В четверг ты послал к нам одну девушку, Салли Доуэр – она, во всяком случае, так сказала. Разыграть нас хотел?

– В основном, – усмехнулся Бен, – а что?

– В основном, но не полностью?

– Девушка мне приглянулась. Уговаривал ее обратиться к психологу-психиатру, чем тратить деньги на частных сыщиков, но она ни в какую. Я и подумал: если просто так девушку выставить, она ведь в другое агентство пойдет, и обдерут ее там как липку. Вот и отправил ее к вам с Эмом. Для смеху в том числе, но и с расчетом, что вы ей тоже предложите к доктору обратиться, и чем больше людей ей это посоветует, тем скорее она послушает. На тебя, в частности, рассчитывал, Эд: ты девушку на что угодно уговоришь, если захочешь.

– Спасибо за комплимент, Бен. Правильно рассчитывал: я ее действительно уговорил, и на следующий день она собиралась к доктору. Беда в том, что ночью девушка умерла.

Бен опять скрипнул стулом.

– Вот черт! От чего?

– Вроде от сердечного приступа, но не все в это верят. Мы получили гонорар, чтобы провести расследования.

– Чем могу помочь, Эд?

– Расскажи подробно, о чем вы с ней беседовали. Разговор, как я понимаю, был не очень долгий, но мало ли. Вдруг она упомянула о чем-то, чего нам не сообщила.

Бен поджал губы, припоминая:

– Было это в четверг, примерно в это же время, то есть в два часа дня. Она спросила Джейн, можно ли поговорить со мной.

– Фамилию твою назвала?

– Нет, просто хотела побеседовать с директором. Обычно Джейн старается как-то сортировать посетителей, но в тот раз я сидел без дела, дверь у меня была открыта, а девушка пришлась мне по вкусу – люблю рыженьких. Я кивнул Джейн, и она пропустила Салли. Мне защита нужна, заявляет та. Я предлагаю ей сесть, и она с ходу начинает про марсиан.

– Что именно?

– Мол, они собираются убить ее... или пытаются убить, точно не помню.

– Не объяснила, зачем им это надо и с чего она это взяла?

– Не успела, – краем рта улыбнулся Бен. – Я сразу потерял интерес – у нас, говорю, все сотрудники заняты, почему бы вам в полицию не пойти. Пусть, думаю, отправят ее куда следует, если она действительно сумасшедшая. А она отвечает, что уже была там и ей не пожелаю помочь – не могу ли я рекомендовать ей другое агентство, не столь загруженное? Я хотел сказать «нет», но тут вспомнил про вас с Эмом – я уже говорил тебе, что шуткой это было только наполовину. Вдруг, думаю, вы сумеете урезонить ее и заставите пойти к доктору. Я тоже предложил, до того как девушка спросила про другое агентство, но ее эта идея не вдохновила.

– Не интересовался, почему она выбрала вас?

– Спрашивал – думал, что и меня кто-то хотел разыграть. Но девушка объяснила, что нашла нас в телефонной книге. Это понятно, реклама у нас хорошая. Вот, пожалуй, и все, Эд. Черт, жаль девушку. Ты считаешь, что тут не все чисто, или просто гонорар отработываешь?

– Сам не знаю. Не люблю совпадений, и Салли мне нравились, мы провели вместе приятный вечер. Никаких вывихов, кроме того единственного, я в ней не заметил. Ладно, спасибо, Бен.

– Жаль, что больше ничем тебе не помог.

На улице была такая жара, что я зашел выпить холодного пива. Я выяснил лишь, что Салли говорила правду относительно того, как попала к нам, и Старлок тоже, конечно, не врал, сообщив, почему рекомендовал именно нас.

Вскоре я направился в страховую компанию «Хэлстед мьючиал», где, по словам Салли, она работала. Провел там около часа, но опять-таки ничего полезного не узнал. Салли была одной из дюжины стенографисток, работающих за дюжиной столов в общей комнате. Работу между ними распределяла офис-менеджер, тощая старая дева по фамилии Уилкинс – имени у нее возможно, не было вовсе. Салли в основном печатала – в основном циркуляры, иногда полисы. Порой страховые агенты диктовали ей письма для своих потенциальных клиентов. Получала она тридцать семь долларов в неделю, через несколько месяцев ей обещали прибавить до сорока. С начальницей и другими девушками вроде бы ладила, но близких подруг не имела.

Мисс Уилкинс я разговорил легко, поскольку никто не потрудился сообщить о смерти Салли ей на работу. Менеджер полагала, что она сегодня выйдет из отпуска. Два раза звонила ей домой, ответа не получила и подумала, что Салли уезжала куда-то и не успела вернуться к сроку. Сердилась, что Салли не позвонила или не прислала телеграмму. Известие о смерти привело ее в такой шок, что она даже не поинтересовалась, почему я задаю столько вопросов о бывшей сотруднице. Я заметил, что опекунам Салли следовало уведомить ее.

– Значит, похороны уже состоялись? Компания прислала бы цветы, разумеется. Не понимаю, мистер Хантер, почему нам не сообщили?

– Вы знакомы с опекунами? – спросил я.

– Нет. В личном деле сказано, что Салли жила отдельно, в своей квартире, но у нас есть их адрес и номер телефона. Назвать вам?

– Я уже знаю, спасибо, – сказал я – и тут меня осенило. Вероятно, это ни к чему и не приведет, но узнать-то можно. Я поинтересовался, есть ли у них список кандидатов на открывающиеся вакансии.

– Списка нет, я просто звоню в агентство по найму.

– Дело в том, что я знаю одну хорошую стенографистку, которая ищет работу. Зовут ее Моника Райт. Могу ли я прислать ее к вам?

– Охотно поговорю с ней, если она придет незамедлительно.

– Да, сегодня же явится.

– Присылайте. Если она подойдет, начнет работать завтра утром. Но пусть приходит как можно скорее, чтобы я в случае чего успела еще позвонить в агентство.

– Если через час ее не будет, мисс Уилкинс, я позвоню вам и предупрежу.

Вернулся я обратно на такси. Моника печатала в приемной, дядя выглянул из кабинета, услышав, что я пришел. Я пригласил ее в кабинет. Мы втроем разместились вокруг стола, и я спросил:

– Долго вам еще печатать, Моника?

– Часа три. Может, чуть меньше.

– А дома у вас есть машинка? Могли бы закончить вечером?

– Да, а что?

– Вы записывали мой отчет, Моника, и теперь знаете почти столько же, сколько мы. Можете помочь нам в этом деле. Хотите?

– Как?

– Место Салли пока свободно, Стэнтонам не пришло в голову уведомить ее нанимателей. Хотите его занять? Я говорил с ее начальницей и обещал прислать свою знакомую, хорошую стенографистку. Почему бы ей вас не взять?

– Какое место и сколько там платят?

– Стенографистка-машинистка в «Хэлстед мьючиал». Салли получала тридцать семь, в скором будущем ей обещали сорок. Вам, вероятно, придется начать с тридцати пяти.

– Маловато, Эд. Я способна на большее. На прошлой работе получала пятьдесят, и меня, заметьте, не уволили. Компания просто сменила адрес, а я не захотела уезжать из Чикаго.

– Зарплата не имеет значения, – заявил я. – Поработаете недельку, познакомитесь с девушками, поспрашиваете о Салли. Ничего, возможно, из этого не выйдет, но и нам терять нечего. Ее работа скорее всего ни при чем, однако и эту сторону не мешает проверить, раз нам представился такой шанс. Да, дядя Эм? – Я должен был посоветоваться с ним предварительно.

Он понял меня и произнес:

– В убытке не останетесь, Моника. Если продержитесь там неделю, получите, скажем... семьдесят пять. Соглашайтесь на любую ставку, которую вам предложат, разницу мы возместим. Начнете с тридцати пяти – добавим вам сорок. Так честно будет?

– Более чем, мистер Хантер. С кем я должна встретиться?

Я объяснил и велел ей взять такси за наш счет.

– Если вас примут, возвращайтесь сюда, – добавил дядя, – я подскажу, какие вопросы следует задавать и как себя вести. Договорились?

Моника кивнула и ушла, чтобы успеть к назначенному мисс Уилкинс сроку.

– И как ты только умудряешься? – усмехнулся Эм. – Вызываешь девушку с блокнотом – получаешь беженку из кино. Или ты каждый раз оговариваешь, чтобы тебе прислали зигфелдовскую⁴ блондинку? Не отрицай, будто ничего не заметил.

– Стенографирует Моника хорошо, соображает вроде бы тоже, для задания, на какое мы ее послали, подходит. Что тут еще замечать?

– Она что, на мозоль тебе наступила?

– Намекнула прозрачно, что я мог бы спать не в кресле, а вместе с Салли.

– А говоришь, хорошо соображает!

– Ты сам, между прочим, мне посоветовал... Ладно, замнем. Это и не дает мне покоя в данном деле. Пока мы его не раскроем, меня будет мучить вопрос, правильно ли я поступил, оставшись в гостинной.

Дядя Эм положил руку мне на плечо:

– Прости, Эд. Если здесь и виноват кто-то, так это я. Хотя какого черта, не ясновидящие же мы. Откуда нам было знать, что с ней случится?

– Нашел в квартире Салли что-нибудь интересное?

⁴ Фло Зигфилд – бродвейский импресарио, известный своей серией театральных шоу «Безумства Зигфилда». Эм ссылается на фильм Р. З. Леонарда «Девушки Зигфилда».

– Нет, Эд. Домовладелец, Корбитски, горазд языком молоть, но и он ничего не знает.

– В том-то и проблема, дядя. Все готовы болтать до одури, и никто ничего не знает.

– Может, тут и знать нечего. Потолковали мы, и я прочесал жилье Салли дюйм за дюймом. В общем, с ночи четверга там никого не было. Трехдневная чикагская пыль на всех поверхностях, следов нет, никаких там хитрых ловушек ни в прошлом, ни в настоящем. Но я забрал стаканы, из которых вы с Салли пили на сон грядущий. Стояли в раковине, отсюда я и понял, что это они – остальная посуда вымыта. Отнес их в лабораторию Кендалла на анализ.

– Салли смешивала напитки у меня на глазах. В ее стакане не могло быть того, чего в моем не было.

– У тебя сердце здоровое, а у нее больное. На нее могло подействовать то, что у тебя никаких ощущений не вызвало бы. Нечто вроде никотина, но это я так. Такое количество никотина должно было изменить вкус напитка – значит, что-то другое, безвкусное. Кто-то, например, влил смертельную дозу в бутылку с виски – сколько его там было-то?

– Как раз на две порции.

– Ну вот, ты бы половину этой дозы и не почувствовал, а Салли хватило, особенно если это что-то сердечное. Бутылки из-под виски и с содовой я не стал брать: если в стаканах что-то было, анализ и так покажет.

– Еще бы лучше вскрытие провести.

– Мы не в том положении, чтобы требовать его, парень. Официального статуса нет, клиент и тот неизвестен. Потребовать мог бы Стэнтон, но если он скрывает, что нанял нас, то не станет этого делать. А вот если лаборатория подтвердит, что в стаканах находилось нечто помимо виски, лимона и соды, мы пойдем с этим в полицию, и вскрытие назначат как пить дать.

– Не понимаю, в чем еще ей могли дать яд, – заметил я. – Мы провели вместе полдня и всюду заходили непреднамеренно. Ты спрашивал в лаборатории, могут ли лекарства действовать только на людей с болезнями сердца?

– Разумеется, спросил. Их несколько – например, эфедрин, но его бы ты, наверное, почувствовал. Не помнишь, сердце у тебя билось чаще обычного?

– Нет, пока я не заглянул к Салли в спальню – тут оно забилось как миленькое, но длилось это недолго. Бумаги ты тоже смотрел?

– Да. Все, какие там есть. Ничего необычного, кроме пылких любовных писем. Все от одного и того же парня с подписью «Билл».

– Да, Уильям Хаберман, Стэнтон говорил мне о нем. Они с Салли встречались какое-то время, а недели две назад расстались. Живет в Эванстоне, работает вместе с отцом – продают подержанные автомобили. Занесен в список тех, с кем я собираюсь поговорить.

– Да, точно он. Много пишет об Эванстоне и о своей работе. Письма в конвертах. Самые ранние написаны месяца три назад, последним – около трех недель. Они виделись раз в неделю, а в промежутках переписывались. Роман, похоже, был бурный, и никакой причины для разрыва даже в последних письмах не называется. Может, выяснится, когда ты поговоришь с парнем лично. Ты еще где-нибудь был, кроме бывшей работы Салли?

Пересказывая Эму разговор с Беном Старлоком, я случайно взглянул на окно и пожарную лестницу, по которой влез наш клиент, чтобы оставить под промокашкой тысячу долларов.

– Не поставить ли нам замок на окно?

– Чтобы он деньги назад не забрал? – усмехнулся дядя. – Если уж он сумеет вскрыть сейф, то окно вскроет запросто, разве что решетку туда приспособить. Ты, случайно, не...

Мы услышали, как открылась и снова закрылась входная дверь офиса. Моника Райт не могла вернуться так скоро, и я вышел посмотреть, кто пришел.

В приемной стояла девушка довольно высокого роста. Красивая фигура, рыжие волосы и все, что к ним прилагается. Похолодев, я ухватился за стол.

Глава 6

В следующее мгновение я сообразил, что это не иначе как сестра Салли, но эти полсекунды мне дались тяжело.

Когда шок миновал, я стал замечать различия, хотя сестры, не будучи двойняшками, были поразительно похожи. Волосы подпадают под категорию рыжих, но ближе к каштановым, веснушки не так заметны, талия чуть-чуть тоньше. От простого белого платья веет прохладой даже в такую жару.

– Мисс Дороти Доуэр? Я Эд Хантер.

– Могу я с вами поговорить, мистер Хантер?

– Разумеется. Дядя тоже здесь – вы не возражаете побеседовать с нами обоими?

Она ответила, что не против, и я пригласил ее пройти в кабинет.

Дядя, все слышавший, потрясения не испытал и спокойно предложил Дороти стул, так же, как Салли на прошлой неделе. Она нервно достала из сумочки сигарету. Я поднес к сигарете зажигалку и сел на тот же стул, что и при разговоре с Салли.

– Итак, мисс Доуэр? – откашлявшись, произнес дядя. Слова, и те одинаковые.

– Вы не думаете, что мою сестру могли убить, мистер Хантер?

– На это... ничто не указывает, мисс Доуэр.

– Зачем же тогда ваш партнер приходил вчера к мистеру Стэнтону?

– Объясни сам, Эд. Тебе слово.

Дороти перевела взгляд на меня.

– Не хочу сказать, мисс Доуэр, – начал я, старательно подбирая слова, – что смерть вашей сестры не была естественной, но иную возможность, пусть незначительную, я тоже допускаю. Она боялась умереть и умерла в ту же ночь – может ли это быть простым совпадением?

Дороти подалась вперед:

– Вы, конечно, знаете, что у нее было слабое сердце. Не кажется ли вам, что страх ее и убил? А опасность, существовавшая только в ее воображении, привела Салли к сердечному приступу?

Я медленно, но решительно покачал головой:

– Это могло бы случиться, будь она одна дома, но с ней находился я. Как только я согласился остаться у Салли и подежурить, ее страх исчез: она выглядела довольной и спокойной, желая мне доброй ночи.

– Ее могло испугать что-нибудь позднее.

– Это я и имел в виду, но мы тщательно осмотрели квартиру Салли – дядя только что оттуда – и не нашли никаких поводов для испуга. Может, у вас, мисс Доуэр, есть какие-нибудь догадки на сей счет?

– Нет.

– Коль скоро вы пришли, хочу спросить вас: были ли у Салли враги? Питал ли к ней кто-нибудь сильную неприязнь, была ли ее смерть кому-нибудь выгодна?

– Нет, мистер Хантер. Вреда Салли не причиняла никому, и денег у нее не было. Никаких причин я не вижу, но хочу... – она нервно загасила сигарету в пепельнице, – чтобы вы расследовали ее смерть. Это дорого будет стоить? У меня денег тоже нет, но я могла бы занять сколько нужно у дяди Рея.

Я посмотрел на своего дядю. С двумя клиентами по одному делу работать, конечно, нельзя. Пусть он сам решает, сообщать Дороти, что нас уже наняли, или нет.

– Нам уже заплатили за это, мисс Доуэр, – произнес дядя Эм.

Глаза у нее округлились:

– Кто?

– Этого, боюсь, я не могу вам сказать.

Чистая правда – но не по мотивам профессиональной этики, как она наверняка думает, а потому что он сам не знает.

– Только не Джеральд, – рассудила вслух Дороти. – Он весь в долгах. Мог бы, конечно, тоже занять у Рея, но вряд ли. Полагаю, Рей вам заплатил, однако непонятно, зачем ему это нужно. Все утро он пытался объяснить мне, что убийство попросту невозможно.

– Он не был так уверен, когда мы беседовали вчера, – заметил я.

– Выпивши Рей может наговорить что угодно – например, будто в марсиан верит, – но утром был трезв. Надеюсь, он не в пьяном виде вас нанимал?

– Как я уже говорил, мисс Доуэр, мы не можем открыть вам, кто наш клиент, но заверяю вас, что пьян он не был, – вывернулся дядя Эм.

– Но если это дядя Рей – больше некому, – почему он так меня убеждал? О... кажется, поняла.

Мы молчали, ожидая продолжения.

– Я... поделилась с Реем своим предчувствием. Из-за него я, собственно, к вам и пришла: мне требуется не только расследование, но и защита, как Салли. А дядя Рей хотел меня успокоить, вот и...

Дороти снова стала искать сигарету. Я предложил ей свою и дал прикурить.

– Какое предчувствие, мисс Доуэр? – нахмурился я.

– Вы в них не верите?

– Нет, – твердо ответил я, но, помня о Салли, не стал добавлять, что при этом очень их не люблю. Особенно когда они сбываются, эти предчувствия.

– Конечно же, нет, мисс Доуэр, – поддержал меня дядя. – Это обыкновенное суеверие.

– Уверены, мистер Хантер? – К Дороти вернулось самообладание. – Наверное, вы не читали об экспериментах доктора Рейна в университете Дьюка, а я вот читала. Дядя Рей интересуется парапсихологией, и меня заинтересовал. Мы вместе провели те же опыты с картами, и мои показатели оказались необычайно высокими.

С суевериями еще можно поспорить, но что касается науки...

– И вы, значит, предчувствуете, что с вами случится нечто плохое? – уточнил дядя.

Она кивнула медленно, почти нехотя.

– Да. И не далее как этой ночью, мистер Хантер.

Дядя Эм повернулся на стуле и выразительно посмотрел на меня.

Черта с два, говорил мой ответный взгляд: я надеялся, что у Эма хватит парапсихологических способностей, чтобы понять это.

Он понял, подмигнул мне – Салли тоже заметила – и сказал:

– В наших рядах, мисс Доуэр, намечилось некое несогласие. Позвольте нам переговорить с глазу на глаз?

– Естественно. Мне подождать в приемной?

Я проводил ее туда, дал ей забытый кем-то журнал «Лайф» – сами мы могли предложить клиентам лишь стопку «Полис газетт», вернулся в кабинет и закрыл дверь за собой. Звуконепроницаемость у перегородки была нормальная – мы сразу убедились в этом, как только въехали. Если не орать друг на друга, Дороти ничего не услышит, даже прижав ухо к двери. Для пущей предосторожности я поманил дядю в дальний угол и тихо произнес:

– Нет, дядя Эм. И ты знаешь, почему я так говорю.

– Ну что ж. Позовем ее обратно, поговорим еще чуток и отпустим. Умрет к утру – не наша вина.

Подразумевалось, что виноват буду я.

– Ты хочешь, чтобы я провел с ней ночь? Хорошо, давай обсудим, почему это не годится. С разных точек зрения: сначала предположим, что Салли умерла своей смертью.

– Ты споришь не столько со мной, сколько с самим собой. Продолжай – послушаем, как ты станешь себя убеждать.

– Итак, смерть Салли была естественной и это ее предчувствие – если можно назвать психотический бред насчет убийц-марсиан предчувствием – было простым совпадением.

– Допустим. Что дальше?

– То, что предчувствие Дороти ничего не значит и ни в какой защите она не нуждается. Так?

– Да, но разве ты ухлестываешь только за теми девочками, которым защита нужна? Что-то не припомню такого.

– Теперь предположим, – сказал я, пропустив его слова мимо ушей, – что Салли убили и ее предчувствие как бы сбылось. Много я ей помог? Конечно, я считал, что у нее не все дома и особо не беспокоился, но что бы я мог поделаться, если б даже и волновался? На момент ее смерти я сидел в соседней комнате с приоткрытой дверью, держа под рукой пистолет.

– Вот именно, что в соседней.

– Дядя Эм, это была твоя идея, черт побери. Вероятно, в этом случае я решил бы так же, но ты...

– Не повышай децибелы. Ладно, принято. Никто из нас не предполагал, что Салли действительно грозит опасность.

– А Дороти, по-твоему, грозит? Вот и защищай ее сам.

– Погляди на меня, Эд, а после посмотришь в зеркало. Очень ей нужен такой защитник, как я? Давай, доказывай свою правоту. Когда окончательно уткнешься в угол, я тебе скажу, что придумал.

– Догадываюсь, что ты придумал. Салли я не уберегу и даже не знаю, как ее убили, если убили. Почему с Дороти должно быть иначе?

– Вот ты и загнал себя в угол. Проанализируй, почему не хочешь защищать Дороти?

Раздумывал я недолго:

– Да! Я боюсь! Если с ней что-нибудь случится, несмотря на мое присутствие, застрелюсь к чертовой матери!

– А если ты даже не попытаешься? Если мы отправим ее домой? Как ты будешь чувствовать себя завтра, узнав, что Дороти мертва? Так же, как и я. Не захочешь ты – пойду я. Просто ты лучше подходишь для этой задачи, потому я тебя и уламываю. Она будет больше доверять тебе и охотнее содействовать. Я ж не предлагаю тебе соблазнять Дороти, разве что вы оба этого захотите. Ты еще не слышал, в чем моя мысль – сказать?

– Валяй, говори.

– Согласившись охранять Дороти, мы тем самым допускаем, что кто-то хочет убить ее. Но если этот кто-то не найдет Дороти, то и не убьет, верно? И если никто не будет знать, где вы, опасности не возникнет.

Я хотел перебить его, но Эм продолжил:

– Стэнтоны, конечно, забеспокоятся, если их не предупредить, но ведь их можно уведомить, не сообщив, где Дороти будет находиться. План такой: сначала ты ведешь ее выпить и пообедать, только не туда, где был с Салли. Потом предлагаешь взять напрокат автомобиль и поехать куда-нибудь за город, где прохладнее. Как тебе пока, ничего?

– Выкладывай уж все до конца.

– В машине ты знакомишь ее с идеей насчет безопасной ночевки в месте, известном только ей и тебе. Вы останавливаетесь, Дороти звонит Стэнтонам и говорит что-нибудь, не обязательно правду. Только не ночуйте там, откуда звонили, звонок можно отследить. И позаботься, чтобы после этого она уже к телефону не подходила. Мотель, думаю, подойдет вам лучше всего по этой причине: телефонов в номерах там, как правило, не бывает. Выбери такой, где их точно нет, и не спи. Мне безразлично, где ты будешь – у нее в номере или останешься в машине и последуешь за дверью. Главное, не спи и не допускай никаких случайностей.

– Ты, я смотрю, обо всем подумал.

– Если уж делать что-нибудь, то как следует. Гонорар мы получили хороший, о расходах вроде проката и номеров в мотеле можно не беспокоиться. А тот, кто нанял нас расследовать смерть Салли, определенно посчитал бы, что сохранить жизнь Дороти намного важнее. Я и сам так считаю.

– Правильно, дядя Эм. Извини, что долго выламывался, но если с Дороти все же что-то случится...

– Ты будешь не виноват, Эд, поскольку примешь все меры предосторожности, которые придут в голову нам с тобой. Я просто побью тебя, если начнешь терзаться по этому поводу. Главное, не упускай ничего. Проверь, нет ли за вами «хвоста» и не может ли кто-либо выследить вас. Когда Дороти будет звонить опекунам, она не должна знать, куда едет, и не должна позднее никому звонить. Если Салли убили, то преступник чертовски умен, – серьезно добавил дядя. – Удачи тебе!

По его лицу я видел, что предчувствие посетило не одну Дороти. Я взял из сейфа деньги на расходы и сказал:

– Обедать пойдем в «Ирландию». Найдешь меня там, если что.

– Ладно, но потом даже мне не сообщай, где вы.

Похоже, Дороти не рассердилась, что ее заставили долго ждать, и охотно согласилась выпить со мной коктейль, а потом и пообедать. Сказала, что сама хотела поесть где-нибудь в городе, а после заката поплавать в озере.

Мы не спеша выпили и отправились на такси в «Ирландию». Я удостоверился – насколько это возможно, когда едешь в потоке транспорта по Луп⁵, – что слежки за нами нет. Я завел разговор об их с Салли земельном участке. Рассказ Дороти ни в чем не расходился с историей Стэнтона. Сестры ознакомились с отчетом геолога, но решили не продавать свою землю по столь низкой цене. За салатом я расспросил ее о той ночи, когда умерли их родители, и она сообщила то же самое, что и Салли.

– Дороти, вы с Салли были близки?

– Для сестер, наверное, не очень. Да, мы дружили и часто виделись, но в детстве два года разницы помещают вас в разные возрастные группы. Потом Салли стала работать и жить отдельно, а я поступила в колледж, и это разделило нас еще больше.

– Насколько же часто вы виделись?

– Раз в неделю примерно, иногда чаще. Салли приходила обедать к нам, порой мы с ней встречались в городе и ходили куда-нибудь.

– А к Салли домой вы не заходили поесть?

– Нет, она только завтраки себе там готовила. Кухонька маленькая, а Салли терпеть не могла стряпать и вообще делать что-то по дому. Соорудит сэндвич, и все.

– Вы когда-нибудь ночевали у нее?

– Только один раз – нет, два. Прошлой зимой, тогда метель разыгралась, и весь транспорт встал. Вышли мы из кино и поняли, что до Роджерс-парка я уже не доеду. И еще раньше, осенью, – улыбнулась Дороти. – Мы сидели у нее, распили бутылочку, и я таки хорошо набралась. Салли позвонила нашим, сказать, что я ногу подвернула и остаюсь у нее – дома я пару дней хромала, чтобы обман не раскрылся.

– Когда вы видели ее в последний раз, Дороти?

– В воскресенье вечером. Меня не было, когда она пришла к Стэнтонам, но к обеду я подтянулась, а потом мы отправились в театр Стейт-лейк. Спектакль закончился после одиннадцати, и у театра мы распрощались. Салли хотела еще зайти куда-нибудь выпить и перекусить, потому что со следующего дня уходила в отпуск, а мне надо было рано вставать, к экзамену готовиться, ну я и ушла.

– Салли вела себя как обычно?

– Да. Злилась немного, что никуда не сможет уехать и всю неделю проторчит в городе. Говорила, что у нее сто долларов на счету, но их она не может потратить на отпуск, поскольку ей нужна одежда на осень и зиму.

– Она чего-нибудь боялась?

– Нет. И настроение у нее было хорошее, несмотря на перспективу провести отпуск в Чикаго.

– О марсианах упоминала?

– Ни словечка.

– Это был ваш последний разговор? По телефону на неделе не перезванивались?

– Нет. С того воскресенья я ее не видела и не слышала.

Мы уже ели десерт – пора было осуществлять замысел дяди Эма. Я спросил Дороти, какие у нее планы на вечер.

– Мне вообще-то зубрить надо, но...

– Чем бы вам хотелось заняться?

– Поплавать – в такую духоту тянет искупаться. Вы хорошо плаваете?

⁵ Исторический и деловой центр Чикаго.

– Не очень, – признался я. – Мысль, конечно, здравая, но ведь на городских пляжах народу полно. А если нам взять машину и поехать куда-нибудь по берегу озера?

– Было бы замечательно.

– Мистер Хантер? – спросил подошедший официант. – Вас к телефону, сэр.

Я извинился и прошел в будку. Звонил, разумеется, дядя Эм.

– Ну как, протолкнул уже идейку насчет мотеля?

– Пока договорились поехать за город.

– Отлично. Я тут кое-что надумал. Съезжу к Стэнтонам и...

– Кстати! Я ведь назначил Вернеке встречу на восемь часов. Извинись за меня, ладно?

– Сделаем. Со Стэнтоном тоже пообщаюсь, если он дома. Ты встречался с ними обоими, а я нет. Но я не договорил: дело в том, что я хочу рассказать им о предчувствии Дороти. Скажу, что мы посоветовали ей провести ночь вне дома, и даже нам неизвестно, где она собирается ночевать. Звонить домой ей больше не надо, я все объясню за нее.

– Но если я не сумею уговорить ее, то мы будем выглядеть круглыми дураками.

– Сумеешь. И вот еще что – это важно. Если смерть Дороти запланирована на эту ночь, проверь, не везет ли она эту смерть с собой. Осмотри ее сумочку – потихоньку или открыто, как сочтешь нужным. И конфискуй любые таблетки, какие найдешь там – аспирин, снотворное, что угодно. Замену ей купи, если надо.

– Да, хорошая мысль. Еще что-нибудь?

– Моника Райт получила работу. Она была здесь, и я ей дал указания, какие вопросы задавать. Девочка умная – думаю, справится.

– Вряд ли мы узнаем что-либо полезное – мотива, связанного с бывшей работой Салли, я хоть убей не придумаю, – но попытаться следует.

– Заступает Моника завтра утром. Я велел ей притвориться, будто она была знакома с Салли – так проще расспрашивать. Из твоего отчета она знает о ней достаточно, чтобы сыграть роль.

– Откуда ты звонишь?

– Из офиса, а что?

– Я тут подумал: дай мне поговорить с Дороти до того, как предупреждать Стэнтонов, ладно? Пятнадцать минут для пущей уверенности.

– Я и так уверен, да и есть хочу зверски. Надо успеть подзаправиться. Задержался из-за того, что Моника допечатывала отчет, за едой как раз его и прочитаю – пригодится для разговора с Вернеке и со Стэнтоном.

– Ладно, но предупреждаю: выглядеть будешь глупо, если я сяду в лужу с этой ночевкой.

– Не сядешь. Я в тебя верю.

И я не сел – Дороти даже уговаривать не пришлось.

– Мне нужно позвонить, Эд, – сказала она, когда я вернулся к столику. – Вы позволите?

– Конечно. Могу ли я как ваш телохранитель спросить, кому?

– Стэнтонам. Вам это покажется глупым, но я боюсь и домой ночевать не поеду. Выберу место, о котором никто не знает, на всякий случай.

Я засмеялся и посвятил ее в план дяди Эма.

Глава 7

Дороти накрыла мою руку своей ладонью.

– Замечательно, Эд. Хорошо, что не нужно звонить домой и ничего объяснять: они решили бы, что я им не доверяю, а это неправда. В голове такая путаница, что ужас.

– Ну и не думайте ни о чем, – посоветовал я.

– Куда же вы меня повезете?

– Остановимся где-нибудь наугад.

– Вы позволите мне заплатить за прокат машины?

Я покачал головой:

– Все расходы, от обеда и далее, оплачивает клиент, о котором я вам говорил.

– Кто он, Эд? Джеральд или все-таки дядя Рей?

– Не могу вам сказать, Дороти. Сожалею. – Я действительно сожалел, только не в том смысле, как она думала.

– Это определенно кто-то из них, и не так уж важно, кто именно. Никого больше это не может интересовать.

– Кто из них вам ближе?

– Я к обоим привязана. Дядя Рей, правда, интереснее и хорошо мне помогает с учебой. Я изучаю психологию, а он отлично в ней разбирается. Идеи у него неортодоксальные, это в них и притягивает. Парапсихология, например. Эксперименты доктора Рейна.

– Это где надо угадать, что на карточке – квадрат, круг или треугольник?

– Да, и мой процент правильных ответов вдвое выше среднего. А в состоянии легкого транса получается еще лучше.

– В семье кто-нибудь интересуется подобными опытами?

– Джеральд пробовал, но никаких суперспособностей не проявил и бросил. Ева даже не пыталась.

– А чудо-ребенок Дикки?

– Тоже нет, – усмехнулась Дороти. – Он считает, что мы с Реем тронутые, и признает только точные науки. Химией и электричеством увлекается.

– Дикки действительно вундеркинд?

– Я бы так не сказала – просто способный мальчик. Опережает свой возраст на два-три года. В следующем семестре я буду проходить тесты ай-кью, и если Дикки захочет, мы проверим, насколько он умный.

– Салли его недолюбливала.

– Я тоже от него не в восторге, очень уж задается – но, думаю, он это преодолееет. Психология помогает мне налаживать с ним отношения.

Мы допили кофе, я попросил счет – но прежде чем уйти, рассказал Дороти об опасениях дяди Эма и попросил показать мне сумочку. Округлив глаза, она молча вручила мне ее. Я конфисковал полпачки леденцов «лайф-сэйверс» и пузырек с кофеиновыми таблетками. Дороти объяснила, что они помогают бороться с сонливостью и в университете, и дома, когда приходится зубрить допоздна. Губную помаду на всякий случай я тоже забрал, пообещав заменить все изъятое.

Мы доехали на такси до конторы по прокату автомобилей в Луп – слезки я и тут не заметил, но перед выездом из города решил обезопаситься окончательно. Выбрал почти новый двухдверный «шеви» и направился на юг вдоль озера.

– Наметили какое-то определенное место, Эд?

– Нет, а если бы и наметил, вам не сообщил бы. Вам ведь безразлично, куда ехать?

– Да, только осторожнее, Эд, прошу вас. Авария ничуть не лучше чего-то другого.

Дороти заметно нервничала. Я сбросил скорость, хотя и так ехал не слишком быстро.

На магистральных Чикаго слежку засечь трудно, поэтому у Джексон-парка я свернул со Стоун-Айленд-авеню и стал кружить по менее оживленным улицам. Здесь любой «хвост» был как на ладони, но я его не увидел. Осторожничая уже излишне, я держался в стороне от озера, пока мы

не миновали Хэммонд – а вернувшись к нему, понял, что заблудился. Только гений мог теперь вычислить, где нас искать. Я расслабился.

– Выпить хотите, Дороти?

– Да, только не забывайте, что мы собирались купаться. Может, проедем еще немного? Чем дальше от Чикаго, тем мне спокойнее. Давайте...

– Что?

– Купим бутылочку, пока магазины открыты, и выпьем позднее. На сон грядущий, когда определимся с ночлегом.

– Отлично. – Я не знал, правильно ли понял ее, но не спешил выяснять: в сомнении была своя прелесть.

В следующем городке я купил в аптеке бутылку бурбона. Было слишком жарко, чтобы пить виски теплым, и я, не считаясь с расходами, потратил еще пятерку на термос и два стакана. По моей просьбе продавец наполнил термос водой и ледяной крошкой.

Дороти удивилась, когда я вручил ей свои покупки.

– Барменом будете вы, – объяснил я.

– Вы всегда так швыряетесь деньгами?

– Почему бы и нет, на марсианские барыши, – усмехнулся я, заводя мотор.

– На марсианские?

– Шутка. Давно собирался купить себе термос, вот случай и представился. Не хочется пить теплое в жару, а вы мне начинаете нравиться – чем не повод?

– Тем более что и вы мне начинаете нравиться.

– Тогда приготовьте нам по стаканчику. Я буду ехать медленно.

– Остановитесь совсем. Нам понадобятся три руки: мне некуда поставить стакан, пока я открываю и наливаю.

Я притормозил у обочины и включил свет в салоне, чтобы ничего не пролить. Я держал стаканы, остальное делала Дороти.

Мы чокнулись и отведали того, что получилось. Вкус был восхитительный. Я выключил свет, взял стакан в левую руку, обнял Дороти правой и легонько поцеловал в губы. Вкус был еще лучше, чем у виски. Намного. Такой, что я подумал, не предложить ли ей остановиться где-нибудь на ночь прямо сейчас. Посмотрел на свой светящийся циферблат – начало одиннадцатого. Дороти заметила это и спросила:

– Который час, Эд?

– Пять минут одиннадцатого. Может, поищем себе пристанище, когда допьем? Или проедем чуть дальше?

– Я все-таки хочу искупаться, Эд. Просто окунуться, и все. Не знаешь, где мы находимся? Есть тут пляж, где можно взять напрокат купальник?

– Я смутно представляю, где мы, но дорога тянется вдоль озера – оно должно быть где-то за дюнами. Скоро, возможно, и до пляжа доберемся.

– Ночь лунная, давай пройдемся по дюнам? Если поблизости нет домов и людей...

– Ладно, вот только допьем. Может, и пешком идти не придется – тут наверняка есть боковая дорога, ведущая прямо к берегу.

– Хорошо, Эд. Это даже лучше, что не надо искать платный пляж. Можно не торопиться.

Я снова обнял ее одной рукой. Она прильнула ко мне. Чикаго отодвинулся далеко, опасность и вовсе растаяла. Осталась приятно теплая ночь и теплое тело Дороти рядом со мной. Мы молча допили виски – говорить нужды не было.

Я отдал Дороти свой стакан, завел «шеви». Моя догадка подтвердилась: дорога к озеру обнаружилась через пару сот ярдов. Не совсем дорога, просто две колеи в песке. Я испугался, что мы завязнем, но «шеви» не подвел. Мы обогнули дюну, и перед нами открылось озеро Мичиган, лениво набегающее на заманчивый гладкий песок. Над ним висела полная луна, такая красивая и яркая, что казалась ненастоящей. Я припарковался так, чтобы видеть ее через ветровое стекло. Вокруг до самого горизонта не было ни людей, ни лодок.

– Уединенное местечко, – произнес я. – Давай еще выпьем, и если никто не появится...

Налили мы понемножку и пили медленно.

– Знаешь, Дороти, пловец из меня так себе. Мой предел – дорожка бассейна, туда и обратно. Ты ведь не собираешься далеко заплывать?

– Нет-нет. На длинные дистанции я тоже не плаваю. Просто окунусь, чтобы освежиться, и все.

– Вот и хорошо. Рисковать, особенно теперь, не хотелось бы.

– Почему именно теперь? А, ну да, – засмеялась она.

Я повернул ее к себе и снова поцеловал.

– После купания, Эд, – промолвила она, отстранившись. – Сейчас я вся липкая. – Дороти расстегнула верхнюю пуговку платья. – Ничего, если ты разденешься снаружи, а я внутри? Вдвоем тут тесно, да и неловко как-то.

– Конечно. – Я поцеловал ее, вылез из салона и стал раздеваться, складывая одежду на крылья автомобиля.

Дороти опередила меня. Она стояла, белая в лунном свете, и не смотрела на меня, как настоящая леди. Я, не будучи джентльменом, не сводил с нее глаз. Тело у нее было в точности... но нет, я не хотел думать о мертвом, распростертом на кровати теле ее сестры. Думать надо о живом, это нетрудно. Я привлек Дороти к себе. Мы поцеловались, она высвободилась из моих объятий и прошептала:

– После купания, Эд. Ты ведь можешь подождать?

Я не мог, но сказал, что подожду.

Мы спустились к озеру, вошли в воду по щиколотку, по колено, а ярдов через тридцать-сорок по грудь. Вода была холодная, но сейчас это устраивало меня как нельзя более. Оглянувшись на берег, я увидел то, что на пляже мне заслоняла дюна: домик с верандой, где сидели три человека. Я тихо выругался, поняв, что они могли заметить нас, как только мы зашли в воду. Но люди, по всему, ничего не имели против, и я промолчал, чтобы не смущать Дороти. Выходя из воды, она все равно увидит их. Зачем портить ей удовольствие?

Еще немного, и она поплыла, бросив со смехом:

– Давай до плота, Эд! – Шутка, конечно, какой тут плот.

Я поплыл за ней, но скоро отстал. Ярдов через тридцать, то есть на пределе моей безопасной дистанции, Дороти уплыла далеко вперед – я видел ее голову, только когда выскакивал из воды.

– Возвращайся! – крикнул я. – Дальше мне не под силу.

– Только до плота, Эд, – тихо отозвалась она. – Отдохну на нем, и назад.

Я хлебнул воды, выплюнул и заорал:

– Вернись!

Не услышав ответа, я повернулся к дому на пляже, радуясь теперь, что там кто-то есть.

– Помогите! Спустите лодку!

Лодка у них, к счастью, была. Двое мужчин вынесли из-за дома каноэ, третий человек – его я тоже принял за мужчину, но это была женщина в брюках – бежал по пляжу к воде. Успокоившись, что помощь близка, я опять позвал Дороти. Она больше не откликалась, и я поплыл туда, где заметил ее в последний раз. Руки-ноги были точно свинцовые, вода наполняла рот. Это продолжалось часами... неделями. Я ушел под воду и стал дышать ей вместо воздуха. Здесь луна не светила, и было темным-темно.

Потом я осознал, что лежу на песке. Рядом плескались волны, и слышались голоса. Надо мной склонялась женщина, мокрая и голая, не считая лифчика с трусиками, но не Дороти. Крупная, мускулистая, с сосульками черных волос. Я хотел приподняться на локте – не получилось. Грудь болела, живот бунтовал, голос пропал. Меня вырвало, я кое-как просипел:

– Дороти? Ее вытащили?

– Тихо, сынок, – произнесла крупная женщина. – Вытащили, да поздно.

Глава 8

Я опять сделал над собой усилие и сел. Впереди я видел озеро, каноэ на берегу, сброшенные женщиной рубашку, туфли и слаксы. Отменная пловчиха: сумела спасти меня, пока мужчины искали Дороти.

– Ты в порядке? – спросила она, не смущаясь тем, что надето на ней совсем мало, а на мне вообще ничего.

Я тоже пока не обращал на это внимания. Дороти лежала на песке ничком, и я видел ее лицо. Один мужчина сидел верхом у нее на спине и делал искусственное дыхание – похоже, умело.

Опустившись рядом со мной на колени, женщина положила руку мне на плечо:

– Не переживай, ничего не поделаешь. Билл, мой сын, поехал за дыхательным аппаратом – тут у нас в четырех милях станция береговой охраны, у них он есть. Вашу машину взял, чтоб скорее, наша заперта в гараже.

Я встал и побрел к двоим мужчинам, откачивавшим Дороти. Один продолжал свое дело, другой посмотрел на меня и покачал головой.

– Ее уже не спасти, но мы не остановимся, пока не привезут аппарат.

– Ты бы оделся, – произнесла, подходя, женщина. – У тебя шок, вон как колотит всего.

Зубы у меня лязгали. Видимо, действительно был шок. Она подвела меня к кучке одежды, скинутой на песок с автомобиля.

– Надевай живенько! – Женщина говорила со мной, как с ребенком, и уже протягивала мне брюки. – Только штаны и пиджак, с остальным не возись. И приходи в дом, я кофе сварю.

Когда я начал одеваться, она ушла, захватив свою одежду.

Машинально завершив процесс одевания, я вернулся к мужчинам и Дороти. Они поменялись: один откачивал, другой отдыхал. Оба промокли до нитки, но не обращали на это внимания. Каноэ опрокинулось, когда они пытались втащить в него Дороти, и мужчины добирались до берега вплавь, положив девушку на перевернутый корпус.

– Иди-ка ты в дом, – сказал один, обращаясь ко мне. – Ты тоже не в лучшем виде.

Я вообще был никакой: тело и ум ни на что больше не реагировали, не ощущал холода, не чувствовал, что дрожу. Из-за дюн слышался шум автомобильного двигателя. Машина замедлила ход и свернула в нашу сторону, но я не соображал, какое отношение это имеет ко мне. Понять бы для начала, что за девушка лежит, нагая и мертвая, на песке. Салли? Дороти? Или это одна и та же девушка, которую я дважды пытался спасти и дважды не уберег?

– Давай-ка я тебя отведу, – промолвил мужчина, взяв меня за руку. – Ты сам чуть не утонул и пережил сильный шок. Надо тебя кофе с бренди скорее напоить. Аппарат сейчас подвезут.

О чем он? Какой аппарат? Я побрел по песку, потом лег на него и закрыл глаза. Открыв их, увидел над собой потолок. Было светло, и лежал я в постели.

– Спокойно, парень, – произнес дядя Эм, сидевший около моей кровати. – Все хорошо.

– Дороти... умерла?

Он кивнул:

– Только себя не вини. Ты сделал все, что мог, и из кожи лез, чтобы погибнуть с ней вместе.

– Нет, я виноват. Нужно было...

– Молчи. Что пользы в твоём самоедстве? Ни в чем ты не виноват, и заруби это себе на носу. Не хочу, чтобы ты так говорил и думал.

Сидел дядя Эм в кресле-качалке, и оно поскрипывало под ним.

– Как твоя голова, работает?

– Вроде бы.

– Тогда слушай. Я обещал миссис Ауслендер, спасительнице твой, что сообщу ей, как только придешь в себя. Она за тебя волнуется, но сначала скажу тебе вот что: незачем здешним людям знать больше необходимого. Лгать не надо, просто лишнее опусти. У вас с Дороти было свидание, вы поехали за город, нашли тихое место, решили выкупаться. Все.

– Нет.

– Но так все и было, верно? Ауслендеры, правда, слышали, что девушка собиралась доплыть до несуществующего плота. Ну, это мы после обсудим – пусть продолжают думать, что ее обмануло зрение: увидела в воде бревно какое-нибудь и решила, что это плот.

– Ночью светила луна, и видно было больше чем на полмили. Оптический обман исключается.

– Я же сказал: после. Сейчас я пытаюсь внушить тебе, чтобы ты не говорил Ауслендерам лишнего. Не впутывай их в это. Они тебе жизнь спасли и вложили все свои силы в спасение Дороти.

– Ладно. Как скоро мы сможем уехать?

– Через четыре часа. Доктор велел лежать именно столько, когда очнешься – потом, если будешь чувствовать себя хорошо, можешь встать.

– Я хорошо себя чувствую.

– Не ной. Вздумаешь встать раньше, уложу тебя силой. Пойду приведу миссис Ауслендер.

Он вышел, а через минуту появилась она – в слаксах, футболке и сандалиях, с чашкой горячего черного кофе в руке.

– Ну, здравствуй, Эд!

Приподнявшись, я с благодарностью пригубил питье.

– Спасибо вам. И не только за кофе.

– Ты не первый, кого я вытаскиваю из озера Мичиган. Если точно, то пятый.

– Вы, наверное, чемпионка по плаванию?

– Была, призы получала. Да и теперь могу проплыть пять миль до завтрака. Ты пей кофе, это так и надо, чтоб в глотке пекло. Потом поесть тебе принесу.

Я мелкими глотками цедил обжигающую жидкость.

– Я серьезно, миссис Ауслендер. Не знаю, как отблагодарить вас.

– Не дури, парень. Мне нужно форму поддерживать. Жаль только, что... – Она прикусила губу. – Ты, наверное, не хочешь пока говорить об этом.

– Хочу, миссис Ауслендер. Вы можете счесть это странным, но я попрошу вас рассказать, что видели, с начала и до конца. Я не все ясно помню.

– Хорошо, Эд. – Она села в качалку рядом со мной. – Для начала скажу, что упрекнуть тебя не в чем – ты сам чуть не утонул. Сколько ты можешь проплыть?

– Примерно сто ярдов.

– Я тебя догнала ярдах в двухстах от берега, и ты еще пытался плыть, хотя уже под воду ушел. Мне пришлось тебя вырубить, чтобы ты не сопротивлялся. Как челюсть, болит?

Я потрогал ее – да, действительно. У меня болело в стольких местах, что на челюсть я раньше не обращал внимания.

– Ничего страшного. Пожалуйста, миссис Ауслендер, расскажите все по порядку.

– Ладно. Кстати, можешь называть меня Бекки. Твое имя я узнала из удостоверения, так мы и с дядей твоим связались. Сидели мы, значит, на веранде, уже спать собирались лечь – было около половины одиннадцатого. Втроем – муж, брат его, который у нас гостит, и я. А в доме еще Билл, наш сын, ему восемнадцать лет. Слышим, машина из-за дюн едет. Ничего особенного, сюда многие заворачивают. Тут красивый вид на озеро, и помиловаться можно, и выкупаться, вот как вы. Мы привыкли. И что вы голышом пошли, тоже нормально. Ребята вы красивые, а купальники нужны только на общественном пляже. Ну, зашли вы по плечи, а затем ты обернулся и вроде как нас увидел, потому что потом стал нас звать.

– Да, увидел, – подтвердил я.

– Вы поплыли, девушка впереди. Ночью голоса над водой далеко разносятся, и мы услышали, как она кричит тебе: давай, мол, до плота доберемся. Мы, конечно, знали, что никакого плота там нет, но подумали, что она так шутит. Видно было, что плавает девушка лучше, чем ты. Вскоре ты стал кричать ей «вернись». Она опять что-то насчет плота, мы толком не расслышали. Тут ты снова: «Вернись!», а затем повернулся и начал звать на помощь.

Я кивнул – это совпадало с тем, что я помнил.

– Джордж и Харви побежали за каноэ, а я к воде. На бегу сорвала с себя одежду и поплыла. Ты еще кое-как держался, но уже тонул. Я оглушила тебя и потащила к берегу, а наши на лодке поплыли за девушкой, которая уже ушла вглубь. Искали они ее минут десять, и когда довели,

ясно стало, что уже поздно. Но они все-таки откачивали ее, пока не приехала береговая охрана с аппаратом искусственного дыхания.

– Я слышал, как они едут, а потом уже ничего не помню. Я сам сюда дошел или... нет, упал, кажется.

– Точно, упал. Береговые ребята занялись девушкой, а Джордж с Харви принесли тебя в дом. Уложили мы тебя в постель, вызвали доктора. Посмотрели карманы, нашли удостоверение, позвонили твоему дяде в Чикаго.

– Сколько сейчас времени?

– Около восьми. Дядя твой приехал часа в четыре вместе со Стэнтонами.

– Со Стэнтонами? Так они здесь?

– Нет, уехали. Дяде мы позвонили до того, как нашли в машине сумочку с удостоверением Дороти, но он сказал, что знает, кто она, и сам ее опекунам сообщит. Вот они и приехали с ним – вернее, он с ними, на их автомобиле. Но девушку к тому времени уже забрали в городской морг, и Стэнтоны недолго тут задержались – направились туда же, чтобы договориться об отправке тела в Чикаго.

– Что они... думают по этому поводу?

– Это, конечно, большое горе для них: вторая их воспитанница, сестра Дороти, умерла от сердечного приступа всего неделю назад. Но если ты спрашиваешь, винят ли они хоть в чем-то тебя, то нет. Я им рассказала, как ты ее звал назад и плыл за ней из последних сил. И еще, Эд: смотри не выдай меня, я им кое в чем солгала.

– В чем, миссис Ауслендер?

– Просто Бекки. Понимаешь, я ведь не знала, что они за люди и как отнесутся к тому, что купались вы голышом, вот и пощадила их чувства. Взяла в машине бельишко девушки, намочила в озере да и надела на нее. А им сказала, что ты был в трусах, а она в трусиках и лифчике.

– Вы просто чудо, Бекки, – промолвил я. – Лишь одна женщина из миллиона додумалась бы до этого.

– Ладно тебе. Скажем, одна на тысячу. Допил кофе? Вот и умница. – Она забрала у меня пустую чашку. – Сейчас завтрак тебе принесу.

– Спасибо, не надо.

– Хочешь не хочешь, а поесть нужно.

Я понял, что мне не отвертеться.

– А дяде Эму вы что сказали насчет наших купальных костюмов?

– Я подумала, что его шокировать не так просто, – улыбнулась она. – Когда Стэнтоны уехали, мы с ним все прояснили. Ну, лежи смирно, пока я завтрак готовлю. Он будет сытный, учти, и съешь ты его целиком, даже если его в тебя веслом придется пропихивать. Глядишь, марсианская дурь и выйдет.

– Какая? – Я рывком сел.

– Да вот такая. Ночью ты бредил про марсиан: они, мол, людей убивают, а ты никак не сообразишь, как они это делают. Ложись-ка обратно.

Я лег и понял, что совсем не прочь полежать еще немного с закрытыми глазами, не думая ни о чем.

Вскоре миссис Ауслендер принесла завтрак, и с ней пришел дядя Эм. Он поддерживал разговор, пока я ел, но ни о Стэнтонах, ни о сестрах Доуэр речь не шла. Дядя старался занять меня чем-то другим, пока мне не станет лучше. Я прервал его на середине какой-то карнавальной истории и спросил: нужно ли мне выполнить какие-нибудь формальности перед отъездом в Чикаго?

– Ничего особенного, Эд. Они хотят только, чтобы ты подписал показания как один из свидетелей несчастного случая. Для проформы, поскольку тело уже отдали Стэнтонам.

Историю свою дядя Эм не стал досказывать – просто сидел и смотрел, как я ем. Покончив с завтраком, я попытался уговорить его уехать прямо сейчас, но мне это не удалось. Я пришел в себя около половины восьмого и должен был, согласно приказу доктора, пролежать в постели до половины двенадцатого. Миссис Ауслендер вычистила и выгладила мою одежду, но даже не думала отдавать ее мне. Забрав посуду, она увела с собой дядю и посоветовала мне немного поспать.

Я попробовал и, как ни странно, уснул. Мой внутренний будильник прозвонил за минуту до назначенного мне срока. Одежду мне выдали. Мы с трудом отговорили миссис Ауслендер от приготовления ленча и уехали за пару минут до полудня.

За руль сел дядя Эм. Мне хотелось вести самому, чтобы отвлечься от тягостных мыслей, но я еще недостаточно оправился, чтобы спорить. Мы сделали остановку в городке, где ночью я покупал виски и термос.

Шериф, чей офис располагался в здании суда, ушел на ленч, и мы в ожидании его тоже поели.

Держался он очень любезно. Я ответил на пару вопросов и подписал свои короткие показания.

– Ну как, Эд, готов поговорить? – спросил дядя Эм на пути в Чикаго.

– Да.

– Я знаю, что случилось после того, как вы зашли в воду. Теперь расскажи с того момента, как ты покинул офис вместе с Дороти. Все, что помнишь, все, о чем вы говорили.

Я вздохнул и начал свой долгий рассказ. Дядя Эм выслушал меня и произнес:

– Ну что ж, никаких упущений с твоей стороны я не вижу. Ты все делал правильно. Вот еще что: Дороти упомянула вчера, что утро провела с Реем Вернеке. Ты, случайно, не спрашивал, в какое время они разговаривали?

– Нет, а зачем?

– Это могло бы кое-что прояснить. Наш клиент позвонил нам в десять часов утра. Если бы Дороти подтвердила, что Рей в это время общался с ней и к телефону не подходил, мы были бы уверены, что звонил Стэнтон. Правда, мы и так считаем, что это был он, но исключить Вернеке тоже не помешало бы.

– Ты прав. Я дурак, что не подумал об этом.

– Значит, и я дурак, потому что подумал только теперь. Как твое самочувствие?

– Неплохо, – кивнул я, но потом решил проявить честность: – Физически все нормально, а морально – нет. Хочется залезть в щель и больше не вылезать.

– Давай остановимся и выпьем?

– Хорошо бы, но Луп уже близко – вернем сначала машину.

Так мы и сделали, а потом зашли в бар и выпили. Это помогло, но не очень.

– Одно совпадение я еще могу проглотить, а два нет, – заявил я. – Девушек убили. Наверное, я в этом не виноват, возможно, убийца слишком умен для меня – но если я его не поймаю, то завяжу с сыском и опять займусь карнавальным бизнесом.

– Как же, по-твоему, их убили?

– В одном случае у меня есть кое-какие догадки, а в другом – нет. Предпочитаю пока не оглашать свою туманную версию, если не возражаешь. – Я взглянул на часы. – Четверть четвертого – какие у нас планы?

– Я позвонил от Ауслендеров Фрэнку Бассету и договорился пообедать втроем. Встречаемся в половине седьмого в холле «Блэкстона», а потом я хотел бы повидаться с Моникой Райт. Вряд ли она уже что-то нарыла в первый рабочий день, но можно просто узнать, как у нее дела, и дать ей парочку указаний. Кроме того...

– Да?

– Я много почерпнул из отчета, который ты продиктовал, а Моника напечатала. Начал его анализировать, как только вернулся от Стэнтонов, и все еще сидел над ним, когда Ауслендеры позвонили. Может, сделаете вдобавок отчет о событиях прошлой ночи, если Моника не очень устала?

– Ладно, – без особого энтузиазма ответил я.

Писать и даже диктовать отчеты скучно, но польза от них большая, дядя Эм прав. Если составляешь отчет на свежую голову, то потом, перечитывая его, вспоминаешь разные мелочи, которые либо совпадают, либо расходятся с тем, что ты выяснил позднее. А если тебе приходится выступать в суде свидетелем, он весьма полезен для справок.

– Повторим? – спросил дядя Эм.

– Нет, спасибо. Значит, вечер у нас расписан, но до половины седьмого почти три часа – на что их употребим?

– Надо бы еще раз повидать Стэнтонов, однако на поездку в Роджерс-парк и обратно трех часов может и не хватить. А Эванстон, где живет бывший ухажер Салли, и того дальше. Что предлагаешь?

– Ключ от квартиры Салли у тебя, дядя Эм?

– Нет, но домовладелец, думаю, мне не откажет, если попрошу еще раз. Только я ведь там все прочесал уже, Эд.

– Вентиляционную шахту тоже смотрел?

– На подоконнике и внутри никаких следов – а если бы кто-то лазил по узкой шахте, куда ветер не задувает, без них бы не обошлось. Стену там давно не красили, она грязноватая. Я ее ногтем поцарапал, и на ней остались отметины.

– Салли могли убить при помощи этой шахты, не взбираясь по ней.

– Это как же?

– Давай туда съездим. Расскажу по пути.

Глава 9

– Салли в ее состоянии нужно было попросту испугать – и готово, – объяснял я в такси. – Показать, например, в окно страшный фонарик, вырезанный из тыквы. Только в нашем случае случае понадобилось нечто еще более страшное – как ты думаешь, что?

– Марсианин, – заявил дядя Эм. – Инопланетная башка из папье-маше. Может, и со свечкой внутри, как твой фонарик из тыквы. Как они хоть выглядят-то? Ты ведь читаешь фантастику.

– Разное пишут, но чаще всего марсиане зеленые. Глаза на стебельках и усики, как у муравьев.

На шуточный вопрос дяди Эма я ответил тоже с иронией, однако содрогнулся, представив то, что сейчас описал. Каково было Салли увидеть такое за окном, всего в нескольких футах? В ту самую ночь, когда она ждала убийц-марсиан?

Дядя Эм помолчал, размышляя, похоже, о том же, а потом произнес:

– Да, не исключено. Единственная правдоподобная версия, раз по шахте никто не лазил и в квартире с девушкой тоже сделать ничего не могли. Давай разберем все подробно. Дом четырехэтажный, в шахту выходят окна еще трех квартир.

– Про крышу тоже не забывай! Вот тебе четыре места, откуда Салли могли показать страшилку. Крыша, пожалуй, вероятнее всего.

– Почему, Эд?

– Три других квартиры наверняка заняты. Мы это скоро выясним, но давай пока предположим, что в них есть жильцы. Если один из них не преступник, то нам остается крыша.

– Наверное. Дома в том квартале примерно одинаковые, не больше пяти этажей и не ниже четырех. На крышу можно перебраться с соседнего дома.

– Если бы я хотел убить Салли, то не стал бы рисковать, снимая квартиру в одном доме с ней. Даже если бы у меня была такая возможность и эта квартира выходила бы в ту же вентиляционную шахту. Крыша – дело другое. Надо проверить всех новых жильцов в соседних домах, хотя ему не обязательно было снимать там жилье – стоило найти пустую комнату или квартиру, откуда имеется доступ на крышу. Все, приехали.

Дядя Эм расплатился с таксистом, а я, выйдя из машины, перешел через улицу и осмотрел здания. Почти все они, как и сказал дядя Эм, были четырехэтажные, не считая двух пятиэтажек в одном конце квартала и трехэтажного дома в противоположном. Перелезть на нужную крышу не составляло труда.

Когда мы вошли в подъезд, дядя произнес:

– Я вот что подумал, Эд: этот Корбитски не дурак выпить. Предлагал мне вчера, но обнаружил, что в закромах пусто. Давай принесем ему бутылку – он и так не откажется поболтать, но стаканчик-другой освежит ему память. На углу есть винная лавка.

Я согласился, и мы направились в магазин.

– Спросим заодно, не покупала ли там Салли чего-нибудь. Кстати, вчера я взял у Стэнтона ее фотографию, может, пригодится.

– Узнал у них что-нибудь новое?

– Нет, ничего, хотя обращался со всеми. Расспросил о детстве Салли и Дороти, о смерти их родителей – то же самое. В том и загвоздка: все говорят одно и то же, никаких расхождений.

– Вернеке был трезвый?

– Что твой судья. Пощупал я его на предмет марсиан – смеется, даже смущается. Говорит, мол, шутил, всегда почему-то шутит так, когда выпьет. Я, как и ты, не могу понять, в чем тут дело. То ли он действительно в них верит и не хочет признаваться в этом по-трезвому, то ли и впрямь веселится по пьяни. С головой у него в любом случае не все ладно – как, впрочем, и у любой нестандартной личности.

Взяв в магазине пинту хорошего виски, дядя Эм показал продавцу фотографию Салли и спросил, знает ли тот ее. Продавец посмотрел на снимок сквозь толстые очки:

– Лично не знаком, но она здесь бывает. Живет, наверное, поблизости.

– Жила, – уточнил дядя. – Умерла на прошлой неделе. Мы разыскиваем ее семью и будем вам благодарны за любые сведения о ней.

– Много не скажу, – поскреб голову лавочник. – Я полгода как открылся, и заходила она не часто. То пива купит, то виски и содовую.

– Одна?

– Как-то пришла с девушкой, вылитая она – очевидно, сестра. Давно уже, несколько месяцев назад. Я потому и вспомнил, что они были похожи.

– Может, еще с кем-нибудь?

– С парнем. Блондин, чуть поплотнее вас. – Он посмотрел на меня. – Без шляпы, подстрижен бобриком.

– Давно?

– Месяц-другой. Она называла его Биллом. Платил он, но ее имени, если он к ней и обращался, я не помню. Как ее звали-то?

– Салли Доуэр, – ответил я. – Еще кто-нибудь?

– Нет, не помню. Это все, что я могу вам о ней сообщить.

Мы поблагодарили его и ушли.

– Результат так себе, но попытаться следовало, – заметил дядя на пути к дому Салли. – Билл – не иначе Уильям Хаберман, ее жених или почти жених. Если описание подойдет, так и запишем. Не знаю, даст ли это нам что-нибудь, но рано или поздно кто-то из нас с ним увидится.

Я молча кивнул. Глупо, конечно, но мне не хотелось представлять, как стриженный бобриком блондинистый Билл поднимается с Салли и бутылкой виски в ее квартиру. Расквасить бы ему нос – а с чего, спрашивается? Кем мне была покойная Салли? Нелепо относиться так к человеку, которого ни разу не видел.

Квартира на первом этаже, в какую постучал дядя, находилась, как я заметил, как раз под квартирой Салли и, значит, выходила в ту же вентиляционную шахту. Сразу двух зайцев можно убить.

Открыв нам дверь, Корбитски не столько удивился, сколько обрадовался – похоже, при первой встрече они с дядей Эмом поладили. Было ему лет семьдесят, но живость и веселье остались при нем. Он то ли бороду отращивал, то ли не брился четыре-пять дней, однако во всем остальном соблюдал опрятность.

Корбитски пригласил нас войти и протянул мне руку, напоминающую птичью лапку, однако сильную.

– Это, значит, и есть ваш молодой компаньон? – обратился он к дяде Эму. – Выглядит лучше вас, да.

– Для того он мне и нужен – с дамочками работать. Они ему выкладывают больше, чем мне и полиции вместе взятым.

– Понятно, – усмехнулся Корбитски. – Предложил бы вам выпить, но со вчерашнего не успел еще...

– Не волнуйтесь, мы с собой принесли. – Дядя достал из кармана виски и подал хозяину. – На сей раз не отвертитесь: с вас вода и ледяные кубики. На худой конец, и без льда обойдемся.

– Он не настолько худой: лед есть. Присаживайтесь, джентльмены. – Хозяин устремился в кухню, такую же, как у Салли.

– Мы не джентльмены и садиться пока не станем, с вашего позволения, – остановил его дядя. – Нам бы на вашу крышу взглянуть, пока вы напитки готовите.

– На крышу, говорите?

– Да. Как нам туда добраться?

– На четвертом этаже есть люк, но без стремянки до него не дотянуть. Она у меня в подвале – если вы готовы к таким приключениям, я вам дам ключ.

Дядя сказал, что мы готовы на все.

Высокую стремянку мы тащили вверх вдвоем, маневрируя на углах и площадках. Один человек с ней так просто не справился бы. Я открыл люк, откинул его, вылез, подал руку дяде и стал осматриваться. Эм присел на крышку люка, отдуваясь после такой гимнастики.

– Один он точно не сумел бы, Эд, и обязательно оставил бы на крыше следы. Смотри, битум совсем свежий.

Ноги у меня слегка липли к покрытию, и от пальца на нем осталась вмятина. Крышу залили совсем недавно – корочка на битуме уже успела образоваться, но под ней он еще не затвердел.

– Он проделал это около полуночи, – заметил я. – Тогда крыша была потверже.

Сейчас битум плавился на солнце. Неподалеку виднелось квадратное отверстие, верх той самой шахты.

– Побудь тут, дядя Эм, – сказал я. – Посмотрю один, чтобы вдвоем не следить. Ночью, когда крыша остынет, опять приду и сравню дневные и ночные следы. То, что сейчас битум мягкий, ничего не доказывает.

Я обошел вокруг шахты, держась от нее на расстоянии около ярда. Мои следы отпечатывались не менее четко, чем на песке острова Робинзона Крузо, но других я не видел. Я был убежден, что по крыше после заливки никто не ходил, но решил не торопиться с выводами до ночного визита.

Мы снова спустились вниз, оставив стремянку в коридоре четвертого этажа. Я объяснил мистеру Корбитски, что ночью хочу прийти сюда еще раз.

– Хорошо, только занесите стремянку обратно в подвал, я его запирать не стану. Не знаю, зачем я вообще это делаю. Ключ от квартиры Салли Доуэр тоже нужен?

Я ответил, что да, если он не возражает.

Старичок уже смешал напитки и, судя по уровню виски в бутылке, хорошо приложился к ней предварительно. Мы промолчали, поскольку хотели остаться трезвыми и не собирались забирать остаток с собой.

– Как насчет почты? – поинтересовался я. – Пришло что-нибудь Салли уже после ее смерти?

– В субботу я как раз об этом подумал и заглянул в ее ящик. Рекламные листки, журнал «Тайм» и открытка от подружки из Йосемити – «я здесь чудесно провожу время», вроде того. В субботу же зашел на почту и сообщил новый адрес, чтобы всю почту на ее имя отправляли опекунам. Так ведь полагается поступать?

– Совершенно верно, – кивнул я. – Мистер Корбитски, а кто живет выше и ниже квартиры Салли?

– Наверху – коммивояжер, Джордж Эверетт. Постоянно в разъездах, две недели уже его нет, скоро должен вернуться. Продает какую-то тяжелую технику в четырех-пяти штатах.

– Вы уверены, что его не было в городе ночью прошлого четверга?

– Да. На прошлой неделе он прислал мне чек, деньги за квартиру. Чек поступил в пятницу, штемпель Сент-Пола.

Я посмотрел на дядю, он кивнул и проговорил:

– А ничего, если мы... заглянем и в квартиру мистера Эверетта?

– Зачем вам?

– Просто проверить, не заходили ли туда в последнее время и не пользовался ли кто-нибудь выходящим в шахту окном. Мы ненадолго, и ничего там не тронем – можете пойти с нами.

– Да уж, распалили вы мое любопытство. Ладно, но с одним условием: расскажите, что вы ищете на крыше и в этой квартире. Знаю, вы сомневаетесь, что смерть Салли была естественной, но что ей могли сделать с крыши или из квартиры этажом выше? Могу сказать одно: по шахте никто не поднимался и не спускался. Я проверял, и вы наверняка тоже.

Дядя признал, что да, и поделился с ним моей версией: Салли могли показать что-то сверху или снизу, чтобы напугать ее.

– Не исключено, – согласился Корбитски. – Значит, вы считаете, что кто-то залез на крышу или проник в квартиру Джорджа, пока его нет? Ладно, пошли.

Он взял в ящике ключ с ярлычком и поднялся с нами на четвертый этаж. Постучался, желая убедиться, что жилец еще не вернулся, и открыл дверь. Помещение опять-таки представляло собой копию квартиры Салли, только мебель в ней была расставлена по-другому.

– Ох и духота же тут, – пробормотал Корбитски. – Джордж все окна закрыл.

Мы с дядей направились в спальню. Выходящее в шахту окно действительно было закрыто, на подоконнике и карнизах, как и на прочих горизонтальных поверхностях, скопилось много пыли. Ясно было, что это окно в последнюю неделю не открывали и к подоконнику не прислонялись.

– Версия частично рухнула, Эд, – прокомментировал дядя. – Остается крыша или другие квартиры. Мистер Корбитски, кто живет на втором этаже?

– Скажу, когда ко мне спустимся. Вдруг мистер Эверетт вернется прямо в эту минуту – придется объясняться и все такое.

Внизу старик налил себе еще виски. Мы с дядей вежливо отказались.

– Ваше здоровье, джентльмены!

– Второй этаж, – деликатно напомнил я.

– Исключено, – потряс головой Корбитски. – Почтальон с женой, пожилая пара. Тихие, приличные, давние наши съемщики – шесть лет уже надо мной живут. Хотят переехать за город, когда муж на пенсию выйдет. Не такие люди, чтобы в шахту что-то совать.

– Может, ночью в четверг их не было дома?

– Сомневаюсь. Из города они не отлучались: отпуск он брал в апреле.

– А если просто ушли куда-нибудь вечером?

– Это возможно. Во сколько, говорите, несчастье случилось?

– В полночь или немного позднее.

– Нет. Встают они в шесть часов, ложатся спать в десять, иногда в одиннадцать.

– Как их фамилия?

– Уинслоу. Джеймс работает в Дирборнском отделении, это неподалеку. Потому, наверное, они и прожили здесь долго, хотя квартира для двоих маловата. Он говорит, почтальон и так весь день путешествует, не хватало еще ездить с работы и на работу.

– Но вы не знаете, находились ли они дома ночью в четверг?

– Нет, однако их отсутствие меня удивило бы. Спросите у миссис Уинслоу, она и теперь, вероятно, дома.

– Я схожу, Эд. – Дядя вышел, а я спросил:

– Уинслоу знали Салли?

– Только в лицо. В воскресенье я обедал у них – они приглашают меня раз в месяц. Когда я сообщил, что Салли Доуэр умерла, они не поняли, кто это – пришлось объяснять, мол, та девушка, рыженькая, которая над ними жила. Тогда они вспомнили, что встречали ее на лестнице, но из какой она квартиры, не знали. – Корбитски снова приложился к стакану, глядя на меня поверх его края. – А если вы хотите спросить, не совали ли что-то в шахту из моего окна, отвечу вам сразу: нет.

Я не стал развивать данную тему, решив подождать дядю Эма, и поинтересовался только, давно ли у них заливали крышу.

– Два месяца назад. Протекло в одном месте, ну я и собрался забитумировать все сразу, а не латать. Немалых денег стоило.

– Давно вы владеете домом?

– С дюжину лет. Владею лишь частично, иначе продал бы его и жил на ренту до конца своих дней. Почти вся квартплата уходит на ипотеку и содержание, но пока я здесь живу и сам за всем слежу, на жизнь мне хватает. Что-то ваш дядя задерживается – значит, застал миссис Уинслоу дома. Раньше я занимался недвижимостью, имел долю в разных предприятиях, но потерял все во время депрессии, когда цены на недвижимость и квартирная плата упали почти до нуля. Только и осталось, что эта вот собственность: я содержу в должном порядке ее, а она меня.

– Так вы дадите мне ключ от квартиры Салли, мистер Корбитски?

– Конечно. Хотите подняться прямо сейчас?

– Не успеем уже, у нас назначена встреча. Не возражаете, если я зайду туда вечером и крышу заодно посмотрю еще раз?

– Пожалуйста. Завтра я буду там убираться, уже объявление поместил в газеты – после полудня люди начнут приходить. Как закончите, посмотрите, есть ли под моей дверью свет – если нет, просто бросьте ключ в мой почтовый ящик.

Я положил ключ в карман.

– Имейте только в виду, что вещей Салли там больше нет: миссис Стэнтон все забрала вчера днем. Я помог ей вынести их и загрузить в машину. Небольшого ума женщина, но приятная. Сказала, что хотя за квартиру уплачено до конца месяца, я могу сдать ее сразу, если хочу. Будет мне бонус за половину месяца.

– Миссис Стэнтон одна приходила?

– Да, и напрасно: лучше бы взяла кого-нибудь с собой. Барахла оказалось больше, чем она ожидала. Три чемодана с одеждой, торшер, настольная лампа, подушки. Шторы на окнах гостиной она оставила мне.

Дядя Эм вернулся и подтвердил, что в ту ночь Уинслоу находились дома.

– Итак, нам осталась одна квартира. Сами вы, мистер Корбитски, были дома в ночь с четверга на пятницу?

– Да. У меня и алиби есть: пил пиво с тремя друзьями и играл в покер по маленькой. Один ушел около двенадцати, но двое засиделись почти до часу. За покером о времени забываешь. Назову имена, если хотите проверить.

– Мы поверим вам на слово, – усмехнулся дядя Эм. – Однако нам пора, а то опоздаем к обеду.

Корбитски хотел отдать нам оставшийся виски, мы отказались, и он долго спорить не стал.

Мы доехали до Луп на трамвае, благо время позволяло, и зашагали по Стейт-стрит. Я спросил дядю, почему он долго сидел в квартире Уинслоу.

– Да так просто. Потолковал с хозяйкой, а там и муж подошел. Весь вечер четверга они находились дома и легли спать в половине одиннадцатого.

– Есть хоть какая-нибудь возможность...

– Ни малейшей, Эд. Дверь они запирают на засов, и оба спят чутко. А если ты думаешь, что они могли показать что-то Салли, то тебе нужно посмотреть на них. Вылитые Дэвид Харум⁶ и мать Уистлера⁷^[14]. Легче вообразить Санта-Клауса в виде Синей Бороды, чем этих двоих, пугающих кого-то головой марсианина. Нет, парень: боюсь, что все квартиры, выходящие в шахту, отпадают. Страшный предмет могли опустить только с крыши.

– В Корбитски ты полностью уверен?

– Он разве что заговорить может до смерти.

Здесь наши мнения совпадали: будь даже у Корбитски какой-то мотив, я не представлял его убийцей. И не стал бы он выдумывать про покер с друзьями, если б они не могли этого подтвердить.

В «Блэкстон» мы явились заранее, но Фрэнк Бассет уже ждал нас там.

⁶ Персонаж одноименных кинокомедии и радиосериала.

⁷ Уистлер, Джеймс Эббот – американский художник. Эм ссылается на его «Портрет матери».

Глава 10

Он сказал, что умирает с голоду, поэтому мы сразу направились в ресторан. Сев за столик, Фрэнк тут же потребовал полного отчета о том, как утонула Дороти Доуэр. Я изложил все в общих чертах, не вдаваясь в детали.

– Выглядит как невероятное совпадение, Эд, – заметил он, когда я закончил. – Будь я проклят, если могу усмотреть здесь нечто иное – если она заранее не решила покончить с собой. Не стала бы она придумывать это с бухты-барахты и плыть, пока под воду не ушла.

– Это не самоубийство. – Я не мог объяснить, почему так уверен – это не имело отношения к смерти Дороти и Бассета не касалось, – но знал, что она в ту минуту помышляла о самоубийстве не больше, чем я.

– Итак, все-таки совпадение, – вздохнул Бассет. – Я их люблю ничуть не больше твоего, но они тем не менее случаются, черт их дери. Купил я однажды зятю галстук на Рождество – мы обмениваемся подарками, и оказывается, что он подарил мне такой же. И это еще не все: выяснилось, что мы оба купили галстуки в «Маршалл филдс» в тот самый день!

– Значит, это двойное совпадение, Фрэнк. Салли боялась умереть и умерла. Дороти опасалась того же и тоже погибла. И случилось это в обоих случаях в одни сутки.

– А вдруг внезапная смерть сестры так потрясла Дороти, что у нее тоже возникло дурное предчувствие? И надломленная психика побудила ее сделать так, чтобы оно сбылось?

– Психика Дороти была в полном порядке, и ей совсем не хотелось, чтобы оно сбылось. Поверь мне на слово, Фрэнк. Сестры любили друг друга, но не настолько, чтобы одна повредила умом после смерти другой.

– Я тебе верю, Эд, но что же тогда, по-твоему, привело к гибели Дороти?

– Есть версия, но пока не хочу озвучивать ее.

– Ты говорил, у тебя есть идея насчет смерти одной из девушек, – удивился дядя Эм, – но я думал, что ты Салли имеешь в виду.

– Нет, не ее, дядя Эм. Мысль о страшилке в вентиляционной шахте появилась у меня еще раньше.

О страшилке Фрэнк ничего не знал. Я рассказал ему о том, что мне пришло в голову и почему мы исключили все, кроме крыши.

– Могло быть и так, Эд, – пожал плечами Фрэнк, – но версия притянута за уши. Как и то, что обеих сестер убили. Не знаю, зачем я с вами вообще связался. Решил бы, что вы накурились травки, не будь этой тысячедолларовой купюры. Она меня убеждает в том, что кто-то третий думает так же, как вы.

– Ты проверил серийный номер, Фрэнк? – спросил дядя.

– Да, и банковскую запись нашел, но это нам ничего не дает. Ваша тысяча полгода назад отправилась в большое казино, и невозможно проследить, куда она делась дальше. Они там даже время дня не могут назвать, что уж говорить об отдельно взятой купюре. Когда начинается большая игра, деньги переходят из рук в руки – представьте, скольких владельцев сменила эта бумажка за полгода.

– Вернеке больше похож на игрока, чем Стэнтон, – заметил я.

– С каких это пор, Эд, ты научился определять, кто игрок, а кто нет? Каждый из них мог рискнуть и выиграть несколько таких ассигнаций. Я с Вернеке незнаком – с чего ты зачислил его в игроки? Он носит клетчатый костюм и бриллиантовую булавку для галстука или у него просто козырек над глазами?

– Стэнтон показался мне консерватором, а Вернеке нет. Ладно, ты прав: нельзя определить с виду, способен ли человек на риск. А какой доход получает Вернеке?

– Небольшой, но в его обстоятельствах и то хлеб. Каждый месяц ему приходит чек на четыреста тридцать пять долларов. Сто он отдает Стэнтону, остается на выпивку и прочие развлечения. Неплохо для холостяка.

– Особенно для такого, который не интересуется сексом, по его же словам. Фрэнк, не забывай о такой мелочи, как налоги, однако на выпивку безусловно хватает. А Стэнтон в своем универмаге сколько получает, как думаешь?

– Пять-семь тысяч в год. Зарплаты у них так себе. Примерно столько же, сколько Вернеке, или чуть больше, но ему ведь жену и ребенка содержать надо. А раньше он и Дороти помогал, колледж ей оплачивал. Да, если разобраться, на игру у него вряд ли что оставалось.

– По-твоему, наш клиент – Вернеке?

– Да, – кивнул Фрэнк, – у него скорее лишняя тыщонка отыщется. И марсианские заморочки на него же указывают. Наверное, он подозревает своего зятя и надеется, что следствие приведет к нему, но по этой самой причине не хочет открыто нанимать детективов. Он мог, конечно, прийти к вам и попросить, чтобы его имя не называлось, но, видимо, не настолько вам доверял.

– То же можно сказать и о Стэнтоне, если он заподозрил Вернеке.

– Выбирать тебе, Эд, просто Вернеке более вероятен с финансовой точки зрения. Ничем больше в свое рабочее время я вам помочь не могу. Если добудете доказательства, что Салли действительно убили, тогда я займусь этим официально.

– Большое тебе спасибо, Фрэнк, – произнес дядя.

– Да пожалуйста. Мне это проще, чем вам. Ага, вот еще: я попросил Макклея вспомнить, что говорила ему Салли, когда приходила в участок. Она могла объяснить, что внушило ей мысль насчет убийц-марсиан, пока он ее не заткнул.

– И как, объяснила? – В четверг вечером я намеренно старался не говорить с Салли о марсианах и с тех пор жалел об этом. Следовало бы выяснить, откуда взялась ее идея, какой бы безумной она ни была.

– Да. Они позвонили ей по телефону и сказали, что скоро убьют ее.

Меня охватило волнение. Теперь ясно, почему Салли боялась, и, что еще важнее, как ее подготовили к смерти от страха. Оставалось пока непонятным, чем именно ее напугали, но основа была заложена капитально. Это совпадало и с телефонным звонком, разбудившим меня в два часа ночи в гостиной Салли через пару часов после того, как она умерла. Звонил преступник, чтобы проверить, удался ли его план. Он явно не ожидал, что вместо Салли ответит мужчина, и повесил трубку.

Если у меня и оставались сомнения, что Салли Доуэр убили, Фрэнк Бассет рассеял их.

Я по-прежнему не представлял, как это сделали, и не мог пока доказать, что в вентиляционную шахту действительно что-то спустили, но обрел полную уверенность, что Салли убили. А значит, и Дороти – и в ее случае я знал как, хотя тоже не мог доказать.

– Марсианин ей только раз звонил? – спросил я у Фрэнка.

– Маккейн не спрашивал. Он вообще не вникал в подробности.

Я не мог винить Маккейна, поскольку и сам не интересовался.

После обеда Бассет сказал, что ему пора уходить.

– То, что и Дороти тоже погибла, делает ситуацию подозрительной, но я опять-таки не вижу, чем бы мог вам помочь. Гонорар, конечно, отрабатывать надо – или вы бы и без него работали?

Я признался, что, вероятно, работал бы – только не полный день, этого мы не могли себе позволить.

– Ну, сообщите, если накопаете что-нибудь. Может и получится открыть дело об убийстве, а до тех пор у меня руки связаны.

Мы уговорили Фрэнка выпить еще, на дорожку.

– Ты бы позвонил Монике, Эд, если хочешь с ней увидеться вечером, – сказал дядя Эм и открыл записную книжку на странице с ее телефоном и адресом.

Я зашел в телефонную будку и назвал ее номер.

– Моника Райт слушает, – отозвалась она. Мне нравится, когда люди отвечают так, а не просто «алло».

– Это Эд Хантер. Сегодня вечером вы заняты?

– В общем, нет, но...

– Просто я хотел бы снова подиктовать вам, а напечатать можно и завтра, чтобы не сидеть допоздна. Заодно поговорим о вашем первом дне в страховой компании, хорошо?

– Да. Я хотела помыть голову и перманент сделать, но это подождет.

– Вот и отлично. Вы к нам в офис приедете или я к вам?

Моника немного помедлила и сказала, чтобы я приезжал к ней домой. Я обещал быть не позднее, чем через час.

Напитки нам уже принесли. Фрэнк, заказавший чистый виски, быстро выпил его и ушел.

– Ну что, договорился? – спросил дядя.

Я кивнул:

– Хочешь со мной?

– Нам обоим там делать нечего. Почитаю твой отчет в напечатанном виде, а пока займусь еще чем-нибудь. Может, и в офис заеду.

– Зачем?

– Мне там лучше думается. И потом, нас весь день не было – вдруг в почте что-нибудь есть? Ты собираешься проверять крышу?

– Да. И на квартиру Салли еще раз взгляну, хотя ее вещи уже забрали. Не спрашивай, для чего: сам не знаю. – Я действительно не знал – ведь не ждал же я, что мне явится привидение Салли Доуэр. – Хочу провести там всю ночь.

Дядя посмотрел на меня:

– Ладно, парень. Понятно, что в твоем состоянии ничегонеделание хуже всего, но, может, мы встретимся позднее и клюкнем?

– Не хочется.

– Давай я тоже подъеду к Салли?

Я покачал головой.

– Хорошо, займусь бумажками. Предложишь что-нибудь получше?

Я немного помолчал.

– Узнай, когда состоятся похороны Дороти. Я не хочу там присутствовать, но можно, по крайней мере, послать цветы. Она была милой девушкой. Как подумаю, что позволил ее убить...

– Перестань, Эд! Цветы я пошлю, и нужно будет отблагодарить Ауслендеров за все, что они сделали для тебя. Вот только как? Есть идеи?

Я потряс головой: мозг все еще отказывался работать.

– Я заметил, что каное у них сильно обшарпанное – может, новое им купить?

– По мне, так они «Королевы Елизаветы» заслуживают, не менее.

– Вряд ли она пройдет через шлюзы на реке Святого Лаврентия – ограничимся каное. Выпьешь еще?

– Нет, спасибо.

– Ладно, парень. – Дядя Эм встал. – Выберу цветы, а потом заскочу в офис. Если к тому времени ничего не придумаю, лягу спать. Прошлой ночью не пришлось: только собрался на боковую, а тут звонит телефон. Вздремнул немного с пяти до семи, пока сидел у твоей кровати.

Я и забыл, что он провел бессонную ночь.

– Значит, утром увидимся. Мне в любом случае надо будет заехать домой побриться-почиститься.

В половине восьмого мы попрощались у «Блэкстона». Я не спеша дошел до Стейт-стрит и сел в трамвай: на такси даже с большим гонораром каждый день не накатаешься.

Жилище Моника, хотя и находилось на другом конце города, так походило на квартиру Салли, что мне показалось, будто я вернулся в вечер прошлого четверга. Те же две смежные комнаты, та же кухонька – только Моника не такая, как Салли. Психика у нее здоровая, и марсиане-убийцы ей не мерещатся.

– Присаживайтесь, мистер Хантер, я только блокнот возьму, – произнесла она. – Или рассказать вам сначала про страховую компанию?

– Удалось выяснить что-нибудь интересное?

– К сожалению, нет, да вряд ли и узнаю – то, что касалось бы вашего дела.

– Тогда подиктуем?

– Да, мистер Хантер. Вы устраивайтесь в кресле, а я сяду за стол.

– Мы ведь договорились, что вы будете называть меня Эдом – забыли?

Моника улыбнулась. Кресло, хоть и не такого цвета, как у Салли, стояло на том же месте.

Моника уже приготовила карандаш и блокнот, а я все молчал, размышляя, с чего начать. Не желал рассказывать о том, что случилось ночью. Не потому, что относился как-то особо к Монике Райт – я к ней ничего не испытывал, – просто не хотел переживать все это заново. Дяде Эму я уже сообщил, Бассету – в общих чертах тоже – неужели заново все повторять?

– А у вас, Моника, не возникает предчувствий? – спросил я.

– Предчувствий?

– Например, что сегодня ночью с вами что-нибудь случится?

Она рассердилась и покраснела, но сообразила, что я совсем не это имел в виду.

– О чем вы, Эд? Глядя на вас, можно подумать, будто с вами случилось нечто страшное.

И я стал рассказывать – сначала просто так, потом уже под запись. Теперь это давалось мне легче, ведь я как бы отвечал на ее вопрос – во всех подробностях, опуская только личные моменты.

– Вот и все, – произнес я.

Моника закрыла блокнот:

– Действительно ужасно, Эд.

– Теперь вы понимаете, о чем я вас спрашивал. – Я усмехнулся, но у меня получилось не совсем убедительно. – Если у вас появится дурное предчувствие, ко мне лучше не обращайтесь.

– Не надо себя винить. Вы здесь совершенно ни при чем.

Мне все это говорили – все, кроме меня самого.

– Ладно. Как вам новая работа?

– Нормально, только я мало что сумела выяснить.

– Неудивительно для первого дня. А чем вы там занимаетесь?

Обязанности Моника ничем не отличались от тех, о которых говорила мне мисс Уилкинс. С этой стороны, похоже, не следовало ожидать слишком многого.

– Салли никому там не рассказывала о марсианах?

– До марсиан у меня пока не дошло. Я выдаю себя за знакомую Салли, но слишком много вопросов сразу лучше не задавать. Ближе всех Салли общалась с Шарлоттой Эндрюс, однако и та ничего не знала о ее смерти, пока вы не сообщили. Вчера она плакала.

– Вы поговорили с ней?

– Вчера нет, а сегодня утром зашла с ней в дамскую комнату. Услышав, что я знала Салли, Шарлотта начала спрашивать, как та умерла.

– У нее что, подозрения были?

– Нет, просто она знает, что у Салли было больное сердце. Интересовалась подробностями и очень огорчалась, что не смогла прийти на похороны или хотя бы цветы послать.

– Что вы ей рассказали?

– Салли умерла в четверг ночью от сердечного приступа. Я тоже на похоронах не присутствовала – мы, мол, с Салли не дружили, просто были знакомы. В туалете разговаривать не очень удобно, поэтому мы вместе отправились на ленч.

– Молодец, хорошая работа, – похвалил я. – Знаете, я бы тоже хотел встретиться с Шарлоттой Эндрюс. Нет ли у вас номера ее телефона или адреса?

– Завтра узнаю. Вы хотите открыто представиться детективом? Если нет, я могла бы, например, устроить двойное свидание.

– Да, хорошо бы. Объясните, мол, я тоже друг Салли, иначе она удивится, почему я о ней расспрашиваю. Да, если у вас выгорит с двойным свиданием, будет отлично. Скажите, что я учусь на психолога, даже на психиатра. Шарлотта умная девушка? Образованная?

– Нет.

– Значит, прокатит. Ей известно, что у Салли были проблемы с психикой?

– Да. «Немного того», так она выразилась. Я не хотела проявлять излишнего любопытства, поэтому не спросила, в чем это проявлялось. Так я договорюсь на завтрашний вечер, если Шарлотта свободна?

– Конечно. А вдруг у нее уже какие-то планы?

– Сомневаюсь. Шарлотта простушка, внешность не очень – потому, наверное, Салли с ней и дружила. Не замечали, что красивые девушки всегда подбирают себе в подруги дурнушек? По-

моему, это происходит на бессознательном уровне: дурнушка служит красоте фоном, а дурнушке достаются приятели кавалеров красоты.

– В таком случае вы с Шарлоттой поладите, – усмехнулся я. – Завтра же она кого-нибудь и получит. Кто будет подбирать ей парня, вы или я?

– Что за глупости? С Шарлоттой встречаетесь вы, а мне никого подбирать не надо, спасибо. Я уж сама как-нибудь. У меня, собственно, уже назначено свидание на завтрашний вечер.

Я засмеялся, почувствовав, что мне стало гораздо лучше, и Моника теперь мне больше нравится. Раньше мы, видимо, не находили общего языка. Мы условились, что завтра я позвоню ей в шесть часов – узнать, состоится свидание или нет. Я не слишком предвкушал встречу с Шарлоттой, но поскольку она являлась ближайшей подругой Салли, следовало потратить на нее вечерок.

Я предложил Монике пойти выпить – еще и десяти не было, – однако она отказалась: ей нужно печатать отчет, а завтра рано вставать на работу.

Я зашел в аптеку купить фонарик и поехал в дом Салли. Поднялся на четвертый этаж, нашел стремянку, там, где мы ее оставили, и вылез на крышу. Луна светила ярко. Вечер был такой же душный, как в прошлый четверг. Я снял туфли и направился к вентиляционной шахте. Чувствуя мягкий битум под ногами, посветил фонариком: да, я даже в носках оставлял следы, слабые, но заметные. На битуме затвердела только тонкая корочка, и ноги легко проламывали ее. Я обошел вокруг шахты, согнувшись. Единственные следы были мои, как дневные, так и вечерние.

Смерть к Салли явилась не с крыши.

Я мысленно выругался. Отличная была версия насчет страшилки, но теперь она рухнула – если, конечно, Салли убили не пожилой почтальон с женой. И не симпатичный домохозяин, вдвое старше Салли, не имевший никакого повода убивать ее и к тому же обладающий железным алиби в виде игры в покер.

Я закрыл люк изнутри и с трудом стащил стремянку на первый этаж. Корбитски услышал и помог мне преодолеть последний марш до подвала, после чего пригласил посидеть немного и выпить из нашей с дядей бутылки. Мне не особо хотелось, но спорить с ним я не стал. Попросил налить в свой виски побольше воды.

– Вы, случайно, не знали подружку Салли по имени Шарлотта Эндрюс, мистер Корбитски?

– Может, и видел, но имени ее не слышал. Как она выглядит?

– Пока я с ней не встречался.

– Салли я видел с несколькими людьми. Блондин с короткой стрижкой часто бывал.

– Он когда-нибудь оставался... впрочем, нет, не мое это дело.

– Отчего же? Вот только ответить я не смогу. У меня жильцы карточки прихода-ухода не пробивают и делают что хотят, лишь бы шума не было. Если он когда и оставался на ночь, утром я ни разу не замечал, чтобы он уходил – правда, встаю я поздно. Ложусь обычно от двенадцати до часу, поднимаюсь не ранее девяти-десяти. В моем возрасте, Эд, надо спать как раз столько – девять-десять часов. А насчет подружек, так одну, с неправильным прикусом, я видел чаще других. Как, говорите, ее зовут?

– Шарлотта Эндрюс.

– Ну вот, если увидите Шарлотту Эндрюс с неправильным прикусом, это она и есть.

– Надеюсь, что нет, – усмехнулся я, – у меня с ней завтра свидание намечается. Мистер Корбитски, вы не станете возражать, если я пробуду в квартире Салли всю ночь?

– С чего ж мне возражать, только мебель не поломайте. Простыни с кровати я снял, а прибираться буду завтра, до того, как по объявлению начнут приходить. Ночь теплая, одеяло вам не понадобится.

– Спасибо. Утром ключ вам брошу в почтовый ящик. – Я встал.

– Посидели бы еще, ну да ладно. Вы, я смотрю, действительно считаете, что Салли убили, иначе не стали бы все это делать. Но почему вы так решили и как это могло случиться?

– Хотел бы я сам знать, мистер Корбитски. Не имею ни малейшего представления, если честно, – ответил я и поднялся наверх.

Глава 11

Я включил свет и побродил по квартире. Здесь не доставало еще чего-то, кроме лампы с торшером и диванных подушек – чего же? Я сел в кресло, закрыл глаза, вспомнил комнату и понял, что не хватает картины, пейзажа маслом, написанного не слишком искусно. Уж не самой ли Салли? Корбитски про картину не упоминал, но вряд ли она могла быть как-то связана с загадочной смертью девушки.

Я подошел к вентиляционной шахте и посветил фонариком вверх и вниз, опять-таки не зная, зачем это делаю. Шахта исключается – иначе никак. Сверху в нее ничего не спускали, а старина Корбитски в убийцы не годится, как и почтальон с женой – тут я полагался на мнение дяди Эма. Пора забыть о данной версии и искать другие. Плохо только, что ничего в голову не лезет.

Я уложил подушки на кровати, как они лежали при Салли, лег в той же позе, что и она, и стал смотреть в потолок, ничего там не видя.

Каким же образом Салли, лежа вот так, могла испугаться чего-то так сильно, что сердце не выдержало? Чего-то, не производившего ни малейшего шума, ведь в соседней комнате я слышал бы любой звук. Может, я заблуждаюсь, а Фрэнк Бассет прав и смерть Салли от сердечного приступа была простым совпадением? Допустим, но ведь со мной согласен кто-то еще, заплативший за свое согласие тысячу долларов. Стэнтон или Вернеке? Не важно пока. Для начала надо разгадать, как все же убили Салли.

Никак, вот как.

Я встал и вышел в гостиную, оставив в спальне свет и приоткрыв дверь, как той ночью.

Некоторое время я сидел в кресле и размышлял. Почувствовал, что от духоты клонит в сон, снял пиджак, галстук и туфли, выключил свет. Я очень старался мысленно вернуться в ночь с четверга на пятницу. Представлял, как Салли лежит в постели нагая – чего я тогда не знал, – как сам сижу там же, где сейчас.

В памяти стали всплывать разные мелочи. Шорох одежды Салли, когда она раздевалась, скрип пружин, когда легла. Нет, раздалось еще два щелчка, когда она включила торшер и верхний свет выключила, а потом уж пружины. Больше я ничего не слышал, хотя не спал еще примерно полчаса. Салли умерла в полной тишине.

Мне казалось, будто я бьюсь головой о кирпичную стену. Эта рука, закинутая назад... Хотела выключить торшер на ночь? Вряд ли. Сначала поправила бы подушки и отложила книгу «Жизнь в других мирах». Может, тут есть какая-то связь? Обычная книга карманного формата, за двадцать пять центов. В квартире валялось еще несколько таких, и журналы тоже, но миссис Стэнтон, вероятно, увезла их. Хотя нет, журналы она оставила: я вспомнил, что видел их в переполненной мусорной корзине в кухне. Там же нашлись и книги, «Жизнь в других мирах», в том числе.

Я отнес ее в гостиную и пролистал. Ничего сенсационного в ней не содержалось: автор – британский астроном – вполне консервативно рассматривал возможность жизни на других планетах и допускал ее с большой осторожностью. Почитать следовало, но не сейчас. Я сунул книгу в карман и вновь стал размышлять, как все-таки умерла Салли. Опять выключил свет, закрыл глаза и попытался сосредоточиться.

Было тихо, так тихо, что я слышал бы, как бежит по полу таракан, если бы они здесь водились. Неожиданно рядом со мной зазвонил телефон. Я буквально взвился из кресла и замер, глядя на аппарат. Лишь когда он прозвонил второй раз, я обрел голос, чтобы ответить. А не попытаться ли симитировать Салли, насколько это возможно? На «алло» меня уж как-нибудь хватит. Человек может и не знать, что она умерла. И назовет себя, если я пропищу женским голосом каких-то два слога. А вдруг это тот самый человек, что звонил сюда в два часа ночи в пятницу? Может, теперь он не сразу повесит трубку. Попробовать, во всяком случае, надо.

Я попробовал – и услышал смешок дяди Эма:

– Не так уж и плохо. Нечто среднее между Лили Понс и Чарли Маккарти⁸, но марсианин мог бы купиться. Как там дела? Я не знал, работает ли ее телефон, дай, думаю, звякну.

⁸ Лили Понс пела колоратурным сопрано, кукла по имени Чарли Маккарти говорила голосом чревовещателя Эдгара Бергена.

– Я чуть из шкуры не выпрыгнул!

– Вернись в нее и сообщи, что новенького.

– Да ничего. Крыша исключается, что рушит версию насчет шахты.

– Жаль, мысль была неплохая. Я что хочу сказать, Эд: наш клиент опять позвонил. Сюда, в офис – я до сих пор тут сижу. Я думал, это ты, больше никто не знал, что я сюда собираюсь.

– И что он сказал?

– Ничего неожиданного: мол, узнал об убийстве Дороти Доуэр и...

– Подожди! Он так и сказал «об убийстве»?

– Ну да. Якобы не винит нас, но надеется, что это побудит нас удвоить усилия. И повесил трубку – я вякнуть ничего не успел.

– Голос был тот же?

– Да, и опять непонятно, кто это, Вернеке или Стэнтон? Я сразу набрал их номер, и Стэнтон ответил – нормальным голосом, не марсианским фальцетом. Может, и он, черт его знает.

– А ты ему что сказал?

– Изменил голос, прикинулся пьяным и попросил Вернеке – ему, наверное, собутыльники в любое время звонят. Стэнтон ответил, что его нет. В общем, никуда мы дальше не продвинулись. Я немного помолчал, а потом произнес:

– Если Стэнтон сейчас в Роджерс-парке, я ставлю на Вернеке, дядя Эм. Тот, кто звонил, должен был знать, что ты в офисе. Вернеке мог зайти в переулок и увидеть, что у нас горит свет.

– Да, Эд, однако он мог позвонить и просто так, наудачу. Тот же Стэнтон из дома. Может, он весь день названивает и наконец попал на меня.

– По-моему, нам пора перестать играть в «кто наш клиент» и задуматься о чем-то другом. Отчет я, между прочим, продиктовал, Моника напечатает его, прежде чем ляжет спать, и бросит в наш офисный ящик завтра утром, по пути на работу.

– Отлично. Ты говорил с ней про Салли?

Я рассказал дяде о предполагаемом свидании. Он одобрил.

– Ты намерен пробыть там до утра, Эд?

– Если не предложишь ничего лучшего. Я все мозги уже вывихнул, стараясь понять, как убили Салли. Тебе ничего не приходит в голову?

– Ничегошеньки, Эд. Кстати, сегодня ты упоминал, что у тебя возникли какие-то соображения насчет Дороти, а этот орешек, по мне, еще тверже. Не поделишься?

– Нет, дядя Эм. Не буду ничего говорить, пока и насчет Салли не догадаюсь. Метод, использованный с Дороти, с Салли бы не сработал. Не хочу высказывать завышенные версии, пока не пойму, как их обеих убили. Может, я и насчет Дороти ошибаюсь. Даже наверняка, если окажется, что Салли все-таки умерла от сердца.

– Ладно, парень, – раздраженно промолвил дядя. – Если хочешь секретничать, то и я посекретничаю. У меня тоже есть идея, и я прямо сейчас сделаю междугородний звонок, чтобы ее проверить. Хотя знаешь, – смягчился он, – так даже лучше. Не надо нам сравнивать свои домыслы и понапрасну друг друга путать. Ты продолжай работать над тем, как убили девушек, а я попробую зайти с иной стороны. Если кто из нас и упрется в тупик, то хоть другого за собой не потащит.

Мне это показалось разумным. Интересно, конечно, что дядя Эм задумал, но с этим можно и подождать. Дядя сказал, что это не имеет отношения к способу обоих убийств, а я сейчас мог размышлять только об этом.

– Ладно, еще позвоню.

Разговор закончился, и я снова стал ходить по квартире, пытаюсь рассуждать логически, без эмоций. Ответ должен находиться здесь, твердил я себе – а если не здесь, то среди увезенных отсюда вещей. Бог мой... я докатился до того, что, осмотрев все стены на предмет потайных дверей, начал потихоньку сходить с ума и с облегчением схватил трубку, когда телефон опять зазвонил.

– Кажется, кое-что наклюнулось, Эд, – сообщил взволнованный дядя.

– Что именно?

– Не уверен пока. Наверное, это тоже завиральная идея, вроде твоей, насчет Дороти. Хочу съездить кое-куда. Когда буду знать точно, тогда и скажу.

– Куда? В Секо, штат Колорадо?

– Нет, и не на Марс тоже. Ты, Эд, думай над своим «как» – это твоя задача, – жди меня через пару дней и не лезь ни во что опасное.

– Слушай, дядя Эм...

– Пока, Эд!

Я хотел перезвонить ему, пока он еще в офисе, но решил, что не следует. Дядя прав: лучше мне держаться своей линии, чем ломать голову над тем, куда и зачем он едет.

Может, мне надо расслабиться, чтобы подсознание сделало свое дело? Я потушил свет в гостиной – того, что проникал из спальни, вполне хватало, – и сел в кресло, но подсознание отказывалось помогать мне. Мысли снова вернулись к прошлой ночи и к Дороти. Как я ни старался очистить свой ум, Дороти являлась и говорила: «Когда искупаемся, Эд... через пару минут...» Совсем не то, о чем мне хотелось думать. То, что хотелось забыть.

Но она не уходила, и я стал вспоминать, как Дороти шла впереди меня в воду, навстречу своей гибели.

Нет, без эмоций размышлять не получалось. Не потому, что я был влюблен в одну из этих девушек – что бы ни означало слово «любовь», – а просто слишком близко стоял к их смерти и чувствовал себя ответственным за нее. Особенно за смерть Салли. Принять бы девушку всерьез, выслушать, расспросить об этих ее марсианах... Может, я и тогда не сумел бы предотвратить трагедию, но, по крайней мере, мне было бы с чем работать сейчас.

Я знал, как убили Дороти – или думал, что знаю, – но ничего не мог доказать. Смерть Салли должна была послужить ключом к разгадке, но что же случилось с ней? Мне вспомнились прочитанные где-то слова: «У смерти много дверей для выхода жизни». За которой из этих дверей скрылась Салли?

Не находя ответа, я совсем измучился, уснул и проснулся лишь ранним утром. Электрический свет в спальне выглядел болезненно-желтым. Я чувствовал себя еще более разбитым, чем накануне. Иногда, если напряженно о чем-то думаешь, подсознание во сне срабатывает и подсказывает ответ, но мне оно такого подарка не сделало.

Я погасил свет, оделся и вышел из квартиры, бросив ключ в почтовый ящик Корбитски. Он безнадежно звякнул о жестяное дно. Я знал, что никогда больше не захочу им воспользоваться, даже если квартиру сегодня и не сдадут. Я провел в ней столько времени без всякого результата, что возвращаться не имело смысла. Если ответ там, у меня не хватает ума отыскать его, а если его там нет, я не знаю, где он еще может быть.

Чувствовал я себя паршиво. Мышцы ныли от долгого сидения в кресле и ночного самоубийственного заплыва, голова работала плохо, а день, даже в половине седьмого утра, обещал стать самым жарким за всю неделю. Зачем жить в таком городе, как Чикаго? Сюда и приезжать-то не стоит. Я ненавидел его. Ненавидел все на свете, особенно себя.

Шагая домой – больше просто некуда было, – я надеялся, что дядя передумал и никуда не поехал или уже вернулся. Надежды не оправдались: его постель осталась нетронутой. Чемодан он оставил, взял лишь саквояж и бритвенные принадлежности из ванной.

Надо, пожалуй, еще поспать – в офисе все равно делать нечего. Зайду туда позднее, спрячу в сейф отчет, привезенный Моникой, чтобы уборщица не прочитала, вот и все дела на сегодня. Хотя нет: остаются еще Эванстон и Уильям Хаберман, жених Салли. Нет, я не ожидал узнать у него нечто важное, но нужно же чем-то время занять.

Спать я так и не лег. Помылся, побрился, переоделся, позавтракал и к девяти часам явился в офис. Моника там уже побывала и пропихнула в щель для почты запечатанный конверт с отчетом. Не успел я повесить шляпу, как зазвонил телефон. Я думал, что это дядя, но это оказалась финансовая компания, на которую мы порой работали. Мне назвали фамилию человека, тот, сбежав из города, не расплатился за мебель. Ее продали, но долг это не покрыло. Компания получила в суде ордер на взыскание и желала, чтобы я нашел должника. Я сказал, что поищу, если им не к спеху. Мне ответили, что спешки нет. Поручителем мистера Чарльза Берта выступал его зять, работающий кассиром в банке на Хэлстед-стрит. Я позвонил туда и попросил позвать зятя к телефону.

– Уильям Рейнс слушает.
– Джон Смит, – представился я ровным, вежливым тоном. – Мне нужен адрес Чарли.
– Моего шурина? Я не знаю его адреса, мистер Смит.
– Отлично, обойдемся без копов. Как-нибудь вечером подошлю к вам пару ребят.
– Что? – заволновался он. – Вы кто?
– Я же сказал: Джон Смит. Все просто, Рейнс. Я букмекер на скачках, а Чарли смошенничал и теперь должен мне полста баксов. Если вы не знаете, где он, мы получим долг с вас.
– Послушайте, мистер Смит...
– Скажете все ребятам, когда придут.
– Я знаю, где он! Не хватало еще иметь из-за него неприятности. – Он назвал адрес и заметно успокоился, когда я поблагодарил его.

Я подумал, не позвонить ли в компанию завтра, чтобы получить с них за полный день, но в целях укрепления нашей репутации доложил немедленно. Они были приятно удивлены, что несколько улучшило мое настроение. Плату я назначил минимальную, за полдня, и для поднятия духа произвел на промокашке быстрый подсчет. Сейчас семь минут десятого; если мы оба будем брать минимальную плату за каждые семь минут восемь часов в день и пять дней в неделю, цифра получится внушительная – жаль, что это невозможно даже теоретически.

Следующие семь минут действительно оказались неприбыльными. Я вскрыл конверт, просмотрел напечатанный отчет, аккуратный и безупречный, как сама Моника. Ни единой ошибки! Если она и в страховой компании не хуже работает, они неизбежно задумаются, почему Моника согласилась на столь низкое жалованье, но у нее хватит смекалки, чтобы не особо стараться. Достав из сейфа другой отчет, я прочитал его заново в надежде, что это наведет меня на какие-то мысли. Не навело.

Я убрал в сейф оба отчета вместе с конвертом, где – я проверил – по-прежнему лежала тысяча долларов. Выглядела она не столь прекрасно, как в первый раз: я начинал опасаться, что мы ее так и не заработаем. А если даже и заработаем, лучше бы ее вовсе не было и ничего бы этого не случилось.

Когда же состоятся похороны Дороти – сегодня, завтра? Следует ли мне пойти туда и хочу ли я этого? Нет, не надо. У меня с этим делом и без того слишком сильная эмоциональная связь. Со Стэнтонами, конечно, хорошо бы поговорить еще раз – хотя непонятно, о чем их спрашивать, – но лучше отложить этот разговор.

Я достал телефонный справочник Эванстона, нашел рубрику «Подержанные автомобили». Там Хаберман не значился, но в рекламных объявлениях отыскался. Джесс Л. Хаберман, «Аргона, лучшие автомобили за меньшую цену», Хоуэлл-бульвар.

Я позвонил туда и попросил Уильяма Хабермана.
– Я слушаю. – Голос мне не понравился сразу.
– Хотел бы побеседовать с вами по личному делу, – сказал я, назвавшись. – Вы будете на месте, когда я приеду?
– Конечно. Я здесь работаю. С двенадцати до часу у меня, правда, ленч, но это прямо тут, на стоянке.

Я поблагодарил и повесил трубку, не дав ему шанса спросить, что за личное дело. Совсем ни к чему, чтобы он обдумывал все заранее, пока я буду в пути.

Глава 12

На стоянке «Аргона» (лучшие автомобили за меньшую цену) размещалось десятка два машин – от «форда» модели А примерно моего возраста до новенького «бьюика», накрутившего не более пары сот миль, а по виду вообще как с конвейера. Пока я разглядывал его, Уильям Хаберман вышел из своей будки. Я узнал его по описанию: ростом с меня, но плотнее, светлые волосы, короткая стрижка.

– Хорошая тачка, практически новая, – произнес он. – Может, попробуете?

– Я Эд Хантер, мы с вами говорили по телефону. Хотел бы задать вам пару вопросов о Салли Доуэр.

Лицо у него сразу стало напряженным.

– Сожалею, – никакого сожаления в его голосе я не услышал, – но говорить об этом не собираюсь.

Кулаки у меня сжались сами собой, однако я сдержался и прибегнул к легкому блефу:

– Предпочитаете общаться с полицией? Ваше дело, могу устроить.

– Катись отсюда!

Я замахнулся, прежде чем осознал это, но Хаберман успел отскочить и сказал, вроде даже помягче:

– Подожди. Раз сам напросился, сделаем все по правилам.

Да, я напрашивался, и еще как. Во-первых, я, сам не зная почему, люто возненавидел этого парня, а во-вторых, впервые за полтора дня мне представился случай выплеснуть злость и досаду.

– Отлично, – процедил я. – Куда пойдем?

– Пап! – крикнул он в сторону будки. – Я сегодня пораньше. Если что, буду дома.

Вслед за ним я двинулся к задней двери дома рядом с парковкой.

– Ты что? Нельзя же...

– Можно, можно, – кивнул Хаберман. – У меня в подвале нечто вроде спортзала. Пошли.

Он придержал дверь, пропуская меня вперед. В кухне пахло свежей выпечкой, у плиты хлопотала милая пожилая женщина в клетчатом фартуке.

– Это Эд Хантер, мам. Мы пойдем в подвал, разомнемся малость.

– Очень приятно, – произнес я, чувствуя себя глупо.

Она протянула теплую руку, которую мне пришлось пожать.

– Друзьям Билла я всегда рада. Ленч почти готов – вы ведь с нами поедите?

– Боюсь, времени нет, миссис Хаберман.

Ее сын избавил меня от дальнейших отговорок, открыв дверь в подвал.

– Вот и не теряй его. Топай.

Я извинился перед матерью и начал спускаться, закрыв дверь за собой. Хаберман уже включил свет. В одном конце чисто прибранного подвала помещался небольшой бар, в другом – спортивное снаряжение. Холст на полу, стеллаж с гантелями и булавами, закрепленная штанга, на стене четыре пары боксерских перчаток. Мы оба сняли пиджаки, закатали рукава.

– В перчатках или как? – спросил Хаберман.

– Без разницы.

Он выбрал две пары и одну бросил мне:

– Возьмем эти, легкие. Боксируешь?

– Немного. Не спец.

– Я тоже. В колледже занимался борьбой, по части бокса не очень. Будем почти на равных, хотя я на пять-десять фунтов тяжелее тебя – ну, сам напросился.

Перчатки были с эластичной кромкой, завязывать их не требовалось.

– Давай, замахивайся по полной! – с ухмылкой предложил Хаберман.

У меня хватило ума не бить наотмашь, как на стоянке – вместо этого я сделал короткий джеб левой и задел его челюсть, но он опять отскочил. Чувствуя, что в дальнем бою Хаберман меня

одолеет, я стал наступать. На сей раз он мне ответил; защита у него была так себе, как и моя, и почти все наши удары попадали куда задумано.

Хаберман не соврал: мы бились почти на равных. Я с большим удовольствием сбил хуком его ухмылку, но тут он мне дал под ребра. Я скрючился, получил в левый глаз, увидел звезды в буквальном смысле, дал задний ход и снова ринулся в бой. Теперь Хаберман отступал, а я наседал, но при этом соблюдал осторожность. Попал ему в диафрагму – он крякнул, но не согнулся. Потом навесил в челюсть слева и справа; будь это прямые удары, тут бы все и закончилось, поскольку я вкладывал в них свой вес. Увы. Я целил высоко и пропустил апперкот, в который Хаберман вложил всю свою силу.

Открыв глаза, я обнаружил, что лежу на полу, а Хаберман склонился надо мной. Перчатки, и свои и мои, он снял.

– Ты в порядке? – с искренним беспокойством спросил он.

Я сел и потрогал челюсть. Она болела, но не была сломана. Из разбитой губы Хабермана сочилась кровь. Я помотал головой, и она вроде бы встала на место.

– Да, в порядке. Дай мне минуту, и начнем новый раунд.

– Спят? – воскликнул он и выпрямился. – Ты вырубился как раз на минуту и сегодня уже ни на что не годен. Приходи завтра, если захочешь еще. Как насчет виски?

Когда Хаберман отколошматил меня, злобы в нем поубавилось – и во мне, как ни странно, тоже. Я потерпел поражение, но драка пошла мне на пользу, и мысль о виски представлялась отличной. Я так ему и сказал.

Хаберман шагнул к бару:

– Идешь или тебе принести?

– Иду. – Я поднялся на ноги, изображавшие резиновые шланги.

Хаберман уже приготовил два стаканчика виски и воду, чтобы запить. Я хлопнул, ощутил тепло внутри и сразу почувствовал себя лучше физически и морально.

– Да у тебя, дружище, фонарь намечается, – хихикнул он.

– Ты на свою губу посмотри: раздувается на глазах. Помажь ее кровоостанавливающим карандашом, если есть, а заодно и умойся.

– Ага, спасибо. – Хаберман открыл аптечку над раковиной в углу и сказал, чтобы я налил себе еще, если хочется, но я воздержался и надел пиджак, брошенный на перекладину штанги.

– Может, мне пробить дверь наружу, чтобы не ходить через кухню?

– Пробивай, только сначала я передам через тебя кое-что для Салли.

– Господи! Ты не знаешь, что она умерла?

Хаберман медленно повернулся ко мне, и я прочитал ответ на его лице.

– Кажется, мы не с того начали, – произнес я. – Не известно уж, за кого ты меня принял, но виноват я один. Я думал, ты знаешь.

– Нет. Я не видел ее три недели, и... ну да, мы расстались – потому ее семья, видимо, и не сочла нужным уведомить меня. Газетного извещения я тоже не видел. Жаль.

Он не преувеличивал своего горя, но и не притворялся.

– Салли умерла ночью в прошлый четверг. Есть подозрение, что ее смерть не была естественной, и я расследую это.

– Я-то считал, тебя Салли послала – пригрозить мне судом за нарушение обещания или попытаться уговорить... Да теперь уж не важно. Что я могу...

Наверху открылась дверь, и раздался голос миссис Хаберман:

– Ленч готов, Билл. Может, все-таки уговоришь своего приятеля остаться?

– Да, мам, он останется. Сейчас почистимся и придем. Мне есть что сказать тебе, – добавил он, обращаясь ко мне. – Поедим сначала, а после поговорим. За столом помалкивай – для папы с мамой ты мой друг, ясно?

– Ясно. Давай-ка я тоже умоюсь. – Мой фонарь в зеркале аптечки сиял ярче некуда.

Ленч был прекрасный – первая домашняя еда, которая перепала мне за долгое время. Мистер Хаберман сидел у окна, чтобы не пропустить потенциальных клиентов. Он пожал мне руку, и я почувствовал себя круглым идиотом, особенно когда миссис Хаберман пожурела сына за слишком усердную тренировку.

После ленча Билл, извинившись за нас обоих, взял со стоянки машину, и мы поехали к озеру.

– Язык чесался тебя расспросить, – произнес он, – да не хотелось при маме.

– Почему? Она не знает, что вы с Салли встречались?

– Знает, мы ведь были вроде как помолвлены. Салли ей нравилась, но я не хотел сообщать, почему мы на самом деле расстались. Сказал только, что у Салли появился другой и она дала мне отставку.

– Что же случилось в действительности?

– Я решил, что нам нужно расстаться. Выяснилось, что Салли... не то что сумасшедшая, но с приветом. Нравилась она мне до чертиков, однако жениться... Сам понимаешь.

– Да, – кивнул я. – Но ведь вы могли остаться друзьями?

Хаберман покачал головой.

– Это было бы нечестно для нас обоих. Когда все зашло так далеко, разрыв – единственный выход. Больше даже для Салли, чем для меня. Нечестно продолжать отношения, если не собираешься жениться на девушке. Теперь твоя очередь. Расскажи, как она умерла.

Я понимал, что надо поделиться информацией, если хочу получить что-то взамен, и сообщил Биллу самое необходимое, не упомянув, что в момент смерти Салли тоже находился в квартире. О Дороти и вовсе промолчал. Сказал только, что наш клиент, назвать которого я не вправе, подозревает, будто Салли могли намеренно напугать до смерти, и поручил нам расследование. Предупреждая возможные вопросы Билла, я начал спрашивать сам:

– Как давно вы с Салли были знакомы?

– Около четырех месяцев. Познакомились на вечеринке, и после нескольких свиданий дело пошло всерьез – чуть ли не к помолвке, как я уже говорил. Во всяком случае, мы обсуждали это, хотя никто из нас не спешил.

– А вскоре ты заметил, что она ненормальная?

– Да. На марсианах тронулась, представляешь? Салли и раньше постоянно поминала их – я думал, она шутит, ну и подыгрывал. А месяц назад сообразил, что юмором тут и не пахнет.

– Салли боялась их?

– Нет. Думала, будто они живут здесь под прикрытием, но зла никому не желают. Наоборот, хотят нам помочь – я так и не понял, в чем. Похоже, она заразилась этим от своего дядюшки, игрока и выпивохи.

– Тогда вы и расстались, месяц назад?

– Не сразу. Я размышлял неделю, уговаривал Салли обратиться к доктору, но она ни в какую. Тогда я и понял, что пора заканчивать. Это причинило боль нам обоим, но ничего не поделаешь.

– Салли все правильно поняла?

– Вполне, я на такое даже не надеялся. Радости это, конечно, ей не доставило, но как еще я мог поступить?

– В общем, никак.

– А почему кто-то думает, что Салли убили? Денег ведь у нее не было, так кому это надо?

– Кто-то уверен в этом настолько, что платит нам. Кстати, с ее родными ты знаком?

– Да, был у них пару раз вместе с ней. Сестра – копия Салли. Стэнтоны мне нравились, кроме мальчика, а вот дядюшку я на дух не выносил. Не он ли ваш клиент, часом? Если да, то небось по обкурке вообразил, будто Салли убили.

– В буквальном смысле? Он курит марихуану?

– Точно не скажу. Знаю только, что дядя больной на всю голову и пьет как лошадь.

– Ты говорил еще, что он игрок, – вспомнил я. – Это Салли тебе сказала?

– Я сам случайно узнал, месяца полтора назад. Приехали двое моих однокашников по колледжу – выпили мы, то-се, и захотелось им поиграть. Я не знал, где это делают, но они спросили таксиста, и привез он нас в один загородный ресторан, «Серебряная ложка» называется. Там есть зал, где играют в рулетку и в кости. Я понемногу ставил, за компанию просто, проиграл пятьдесят баксов, а друзей моих хорошо обчистили – одного на тысячу, другого на несколько сотен. Ну, для них это не катастрофа, могут себе позволить. И тут я смотрю – Рей Вернеке выигрывает огребает!

– Много он выиграл?

– Сказал, восемь тысяч.

– Ты говорил с ним?

– Да. Он, хоть и поддатый, узнал меня, пригласил выпить, и двинулись мы с ним в бар. Рей объяснил, что начинал всего со ста баксов. Поставил сначала десятку, затем стал удваивать – он в кости играл – и так дошел до предельной ставки, до тысячи, не помню уж за сколько бросков. Данной ставки он потом и держался. Сказал, что двенадцать штук выиграл, но потерял четыре за столько же раз и решил, что пора завязывать.

– Выигрыш ему выплатили тысячными бумажками?

– Да, я видел, как Рей их в бумажник запихивал.

– Ты рассказывал об этом Салли?

– Нет. Он попросил не говорить никому, я и не стал.

– Остаток вечера вы провели вместе?

– Еще чего. Рей выпил втрое больше меня, и его совсем развезло. Терпеть не могу, когда в хлам напиваются. Я с друзьями пришел – пора было их оттуда вытаскивать, пока последнюю рубашку не проиграли.

– Спасибо, Билл, – произнес я. – Не знаю пока, как твоя информация впишется в общую картину, но все равно спасибо. Извини, что не с той ноги начал – ты правильно сделал, что послал меня. Не подкинешь на Норт-Шор?

– Разумеется. Слушай, если я могу чем-то помочь...

– Ты уже помог. Спасибо еще за челюсть и за подбитый глаз – я в этом нуждался больше, чем в твоих показаниях.

– Обращайся, Эд! – засмеялся он. – В следующий раз возьмем перчатки потяжелее.

Билл отвез меня на станцию, там я нашел телефонную будку и позвонил Фрэнку Бассету.

– Привет, это Эд Хантер. Слушай, Фрэнк: казино, куда ушла из банка та тысяча, не «Серебряная ложка», случайно?

– Так с ходу не скажу, Эд. Там заправляет Хойнаски, а вот названия не припомню. Не вешай трубку, сейчас выясню. – Я подождал минуту, и он ответил: – Да, точно, «Серебряная ложка». Ты, как я понимаю, узнал, что ваш клиент – Вернеке?

– Полтора месяца назад он там получил крупный выигрыш. Тысячными бумажками.

– Да, не иначе как он. Стэнтон, поди, тысячи и в руках-то никогда не держал, да и не стал бы он заключать с вами контракт подобным способом. Вернеке хорошо их обчистил?

– На восемь штук.

– Недурственно, хотя для Хойнаски не так уж страшно. Поздравляю, Эд, ты нашел своего клиента!

Я доехал поездом до Луп и направился в офис, надеясь, что дядя уже вернулся. Его не было. Я позвонил в пансион и спросил хозяйку миссис Брейди, нет ли его в нашей комнате. Она ответила, что нет.

Было почти полтретьего, и я не знал, чем заняться до звонка Монике в шесть часов. Предстояло еще понять, как убили Салли – все прочее по сравнению с этим не значило ничего. Я сел и стал размышлять, не позволяя себе думать, где сейчас дядя Эм и что он там делает. Он сказал, что обстоятельства смерти Салли – моя проблема, и велел мне приготовить ответ к его возвращению. Без этого мы никуда не продвинемся, что бы он там ни выяснил.

Я перечитал свои отчеты, особенно тот, что относился к Салли, ничего нового не придумал и снова спрятал их в сейф, где лежала тысяча долларов.

Что-то либо подняли, либо опустили по вентиляционной шахте... Опустить не могли: я убедился на сто процентов, что ни крышей, ни верхней квартирой не пользовались. Остаются нижние, почтальон и Корбитски, один другого нелепее. Корбитски подозревать все равно что Элино́р Рузвельт, почтальона с женой полностью оправдал дядя, которому я доверял, как себе. Хватит, сказал я себе. Забудь Корбитски, почтальона с почтальоншей и шахту. Анализируй.

Думалось мне лучше всего в кино, особенно когда картина не нравилась. Я отправился на Саут-стейт-стрит, где в дешевых кинотеатрах показывали всякую дребедень, но иногда повторяли хорошие старые фильмы. В одном шел «Экстаз» с Хеди Ламарр – я его видел дважды, давно уже, но боялся, что он и в третий раз будет меня отвлекать. В другом реклама была подходящая: гангстерский боевик и вестерн класса Б без каких-либо знакомых мне звезд. Я купил билет и просидел два часа, глядя на экран, где палили гангстерские и ковбойские пушки. Стена, о которую я бился головой, рушиться не желала.

Выйдя из кинотеатра, я с удивлением понял, что теперь всего пять часов. Еще день, жарко, и Монике рано звонить: у нее только-только рабочий день закончился.

Обед во время свидания не намечался, поэтому я поел и прогулялся до офиса, чтобы позвонить оттуда и заодно проверить, не вернулся ли дядя. Он отсутствовал, зато со свиданием был полный порядок. Кавалер Монике зайдет за ней в восемь часов, я должен прибыть в то же время, и мы вместе отправимся к Шарлотте. Живет она, к счастью, недалеко.

– Сверим наши легенды, – сказала Моника. – Салли вы знали, но не близко, видели ее несколько раз. Познакомились с ней через меня, месяца четыре назад. Учитесь в Чикагском университете на психиатра или психолога. Сможете на эту тему поговорить?

– Если девушка не шибко умная, то сумею. А как у нее с зубами? Неважно, да?

– Откуда вы знаете?

– Слышал. А ваш молодой человек в курсе, нет?

– Ни сном ни духом.

– У него, надеюсь, зубы нормальные?

– Зубы да, а вот заячья губа... Не говорите ничего на этот счет, хорошо?

– Моника, за кого вы меня принимаете?

– Я просто предупреждаю: очень уж болезненно он относится к этому. Конечно, вы никого не станете обижать, но...

– Глупости. Спасибо вам, Моника, увидимся в восемь часов.

Я зашел домой, принарядился к вечеру и вспомнил, что в книжном шкафу среди других выпусков «Современной библиотеки» есть «Очерки психологических нарушений». Просидел над книгой около часа, поднабрался психо жаргона и ровно в восемь явился к Монике.

Глава 13

С заячьей губой Моника меня разыграла. Ее ухажер, высокий и красивый блондин, был к тому же и одет лучше меня, хотя я облачился в свой лучший костюм и новую белую рубашку. Звали его Харви Уэллс, и парень он был вполне свойский. Хотелось спросить, насколько у них с Моникой все серьезно, но я, конечно, промолчал.

Моника выглядела как миллион долларов в подарочной упаковке. Она была уже готова, когда я пришел, и они с Харви допивали коктейли. Хотела и мне приготовить, но я предложил зайти за Шарлоттой, выпить всем вместе и обсудить, куда пойдем дальше. Так мы и сделали.

Шарлотта оказалась не такой страшной, как мне представлялось. Трещала она без остановки – к ночи у меня в ушах будет звенеть, но если навести ее на разговор о Салли, цели своей я достигну.

Выпив в баре по коктейлю, мы решили, что смысла нет идти куда-то еще. Напитки хорошие, музыкальный ящик не слишком орет, и потанцевать под него можно – а когда мы ближе к полуночи проголодались, то неплохо поели.

Моника танцевала с Харви почти без передышки, хотя вопросы, которые я задавал Шарлотте, можно было задать и при нем. Правда, он бы подумал, что у меня сдвиг на Салли Доуэр, но это не имело значения. Вечер, хоть и приятный, пропал впустую – к часу ночи, когда Шарлотту начало клонить в сон, я это понял яснее некуда. Информация, которую я от нее получил, ни на что не годилась. Я выяснил, где Салли покупала чулки и сколько за них платила, куда любила ходить на свидания и какие у нее были любимые кинозвезды. Шарлотта знала и семью Салли, и Билла Хабермана, но все, что она о них говорила, мне было уже известно.

Ушли мы все вместе. Моника и Харви сели в такси, а я проводил Шарлотту до дома и направился к себе в пансион. Дяди Эма не было, и домой он явно не заходил. Я заснул сразу, как только опустил голову на подушку, и проспал до звонка будильника.

Не находя в себе сил для пребывания в офисе и не желая звонить Стэнтонам прямо с утра, я пошел в университет, чтобы навести справки о Дороти. Поговорил с несколькими преподавателями, в частности, с профессором психологии, которого мне посчастливилось

поймать между лекциями. Это подтвердило кое-какие мои предположения, но доказать я по-прежнему не мог ничего.

Убив таким образом утро, я позвонил в офис, на случай, если дядя Эм там (его не было), съел ленч и позвонил снова, с тем же успехом.

За ленчем у меня возникла свежая мысль. Я знал, что толку от нее не будет, но все же решил проверить: еще раз посетил Корбитски и спросил, кто снял квартиру Салли. Это оказалась женщина, три дня назад прибывшая в Чикаго из Кливленда. Там она работала в христианской ассоциации молодых женщин и здесь тоже собиралась устроиться в какую-то социальную организацию – Корбитски не помнил, в какую именно. Он назвал мне ее фамилию. Я вернулся в офис и потратил пару баксов на звонок в Кливленд. Женщина действительно уехала в воскресенье. Иного я и не ожидал, собственно.

Я начертил на промокашке план квартиры. Никто и никак не мог убить Салли. Если я и дальше буду думать об этом, то сойду с ума.

Разговор со Стэнтонами откладывать не следовало. Я набрал их номер, и мне ответил сам Джеральд. Я извинился и спросил, когда бы мог поговорить с ним.

– Вечером, мистер Хантер. Днем мы хороним Дороти – будем очень признательны, если и вы придете.

– Не знаю, смогу ли, – забормотал я. – Где и в какое время?

Стэнтон назвал мне адрес похоронного бюро – Салли тоже там хоронили.

– В три часа. Спасибо за прекрасные розы.

Розы вообще-то предназначались Дороти, а не ему, но хорошо, что дядя Эм не забыл послать их. Я обещал быть там, если успею. Или же приду к ним домой часов в восемь. Уверен ли он, что сумеет поговорить со мной сразу после похорон? Стэнтон ответил, что уверен.

Часы показывали четверть третьего – самое время отправляться на похороны, если я хочу там присутствовать. Я не хотел, но ничего более конструктивного придумать не мог. Спасительная мысль пришла мне в голову только на выходе из офиса. Я немного побаивался, но решил твердо, что сделаю это – если, конечно, не придется взламывать дверь: я успел заметить, что квартира Стэнтонов открывается универсальным ключом. И с трех до четырех, если не дольше, их дома не будет. Рассчитав, что надземкой приеду туда вовремя, я взял из ящика стола связку отмычек и в пять минут четвертого был на месте.

Поднялся к квартире Стэнтонов, заглянул в замочную скважину, проверяя, нет ли ключа с противоположной стороны. Позвонил на всякий случай, выждал минуту и достал отмычки. В этот момент дверь скрипнула и открылась вовнутрь. Ничего страшнее в жизни я еще не видел. За дверью стоял человек фута четыре ростом, весь в белом, с ярко-оранжевым лицом. Огромный рот щерился рядами белых зубов. Оружие вроде пистолета, но с мотком провода вместо дула, целило мне в солнечное сплетение.

Вариантов у меня было несколько: заорать и удариться в бегство, хлопнуться в обморок, попытаться отнять оружие, поднять руки – но разум, к счастью, возоблада и помешал мне сделать все вышеозначенное.

– Привет, – произнес я. – Ты Дикки Стэнтон?

Человечек хихикнул и снял оранжевую маску:

– Ага, но вы все-таки испугались. Вы кто?

– Эд Хантер. Родители дома?

– А, детектив. Заходите, на явке чисто.

Теперь я видел, что это обыкновенный одиннадцатилетний мальчишка в белой пижаме, с тыквенной маской в одной руке и самодельным лучевым пистолетом «бак роджерс» в другой. Не марсианин... Уже легче.

Он был худенький и малорослый для своего возраста, но его бойкий, веселый взгляд заставил меня почувствовать себя стариком. За десять центов я перегнул бы его через колено и хорошенько отшлепал – хотя нет, это было бы неправильно. Я вошел в квартиру и закрыл дверь.

– Я простыл, – Дикки шмыгнул носом, – поэтому меня оставили дома. Если вы действительно Эд Хантер, почему о родителях спрашиваете? Вы же знаете, что их нет. Я слышал, как папа говорил с вами по телефону. Хотите, поспорим?

– На предмет чего?

– Что вы хотели вскрыть дверь и осмотреться здесь, пока все на похоронах. Держали руку в кармане – отмычку, небось, хотели достать. И не ждали, что вам откроют, когда позвонили. Я еле успел надеть маску и взять пистолет. Спорю, вы подумали, что я марсианин!

Надо же, какой вредный мальчишка. Понятно теперь, почему Салли его недолюбливала.

– Не бойтесь, – засмеялся Дикки, – я вас не выдам. Может, я тоже стану когда-нибудь детективом, только не тупым, потому что буду еще и ученым. Стану раскрывать преступления научным методом. Садитесь, пожалуйста.

– Тебе разве не надо в постели лежать?

– Да я не сильно болею – так, прикинулся, чтобы не ходить на похороны. Не люблю похороны, а вы?

– Я тоже.

– Ну вот видите. Нужно бы, конечно, пойти, Дороти мне нравилась, но ведь она все равно не узнает, был я там или нет. Я ведь не мама – не верю, будто люди после смерти превращаются в ангелов и улетают на небо. Сплошное вранье. Вы тоже так думаете?

– Слушай, если родители велели тебе лежать...

– Да бросьте. Я честно лежал и читал, пока вы не пришли, но ведь вы меня не выдадите? Вы даже не сможете сказать, что здесь были, а я всегда хотел поговорить с детективом, даже если он не ученый. Вам часто приходится убивать?

– Не так часто, как бы хотелось.

Мальчишка понял намек и заухмылялся:

– А пистолет у вас при себе?

– А твой? Он действительно смертельными лучами стреляет?

Дикки опять засмеялся:

– Настоящий я изобрету, когда вырасту. Этот стреляет резинками, и у меня неплохо получается. Вот, смотрите.

Он прицелился в абажур торшера – того самого, который миссис Стэнтон привезла из квартиры Салли – стрельнул, и резиновое колечко попало точно по центру. Этот малец был природный снайпер: я даже из настоящего пистолета целился бы дольше, чтобы сделать такой меткий выстрел.

– Хотите попробовать?

Я покачал головой.

– А мою лабораторию посмотрите?

Мне не очень хотелось, но Дикки нужно было завоевать, чтобы не объясняться потом с мистером Стэнтоном.

– Хорошо, давай поглядим, только сначала я тебя кое о чем спрошу. Тебе нравится пугать людей? Могу признаться, что меня ты здорово напугал.

– Ну, я не так часто это делаю. Папу не пугаю, потому что у него большое сердце. Людей с большим сердцем, как у папы и Салли, нельзя пугать.

– А Салли ты никогда не пугал?

– Один раз, я тогда еще не знал про нее. Она чуть не умерла, и больше я так не делал. Она вообще с приветом была. Дороти тоже, но меньше, чем Салли.

– Ты их любил, Дикки?

– Ну, у нас были нормальные отношения, особенно с Дороти. Просто я настоящей наукой интересовался, а не разной бредятиной, как они с дядей Реем. Ерунда сплошная. Давайте я покажу вам лабораторию.

Лаборатория, занимавшая половину его спальни, была очень недурна для одиннадцатилетнего мальчика.

– Вот это криминалистика. Порошок для снятия отпечатков, микроскоп – ну, он у меня и для других целей тоже, – чернильная подушечка и карточки, чтобы пальцы катать. Хотите, ваши сниму?

– Нет, спасибо. Они мне еще понадобятся. Как вырастешь, приходи к нам – возьмем тебя на работу.

Это предложение я сделал от всего сердца. Если Дикки и взрослым останется таким же, я с чистой совестью оборву ему уши.

– Ладно, да я и сейчас могу вам помочь. Я уже раскрыл одно преступление.

– Какое?

– Кражу. Год назад кто-то взял из моего банка пять долларов. Потом их обратно положили, но я хотел выяснить, кто это, и обработал купюры, все пять, специальным составом, от которого руки делаются зелеными. Смыть его нельзя, со временем он сам сходит. Смотрю – денег опять нет на месте, а у мамы пальцы позеленели.

– Мамин помощничек. Будь ты моим сыном...

– Но я не ваш. Тут вот у меня химия, электротехника. Лейденская банка – знаете, что это такое?

Дикки взял со стола бутылку, до середины выложенную фольгой изнутри и снаружи, с медной шишечкой наверху. Когда он шагнул с ней ко мне, я сказал:

– Даже и не думай шарахнуть меня током с помощью этой штуки. Со мной это уже проделывали в школьном физкабинете. Я забыл, как она работает, но помню, что током бьет.

– Так ведь не больно же. Это конденсатор. Стекло между двумя листами фольги служит диэлектриком. Снаружи создается положительный заряд, внутри отрицательный. Если потом дотронуться до наружной фольги и до шишки, которая соединяется с внутренней, получится разряд. Искру тоже так можно вызвать. Это генератор статического электричества, он заряжает банку. – Дикки показал на машинку с колесом и рукояткой. – Это радиоприемник – я сам собрал и теперь слушаю, что хочу. Детали для телевизора папа мне только на следующий день рождения купит.

– А как у тебя с ядерной физикой? Бомбу сделаешь, если прислать тебе критическую массу плутония?

– Чего ж не сделать – но если масса критическая, лучше отправлять в двух посылках, а не в одной. И у вас все равно нет столько денег, чтобы его купить.

И хорошо, что нет – я мог бы поддаться искушению.

– Когда вернутся твои родители? – Мои часы показывали половину четвертого.

– После церковной службы они с дядей Реем поедут на кладбище. Не раньше половины шестого, я думаю, можете не спешить.

– Дело не в спешке, я просто не могу ждать долго. Сюда я приехал, надеясь застать их до похорон. Часы остановились, утром забыл завести.

– Дайте посмотреть.

– Номер не пройдет. Я буду держаться этой истории, если ты вздумаешь наябедничать родителям. Мое слово против твоего, а я могу быть очень убедительным, вот увидишь. Все, я пошел.

Меня раздражало всё: жара, я сам, Дикки Стэнтон. С мечтой о холодном пиве я добрался до первого бара на Лант-авеню, кварталах в трех от надземки. Кондиционер охлаждал меня снаружи, пиво изнутри, однако чувствовал я себя скверно. Хоть бы дядя Эм вернулся с чем-нибудь ценным – у меня самого полный ноль.

Теперь я знал, кто убил обеих девушек и как это было сделано, но доказать не мог ничего. Думая о Салли и особенно о Дороти, я сознавал, что сам готов совершить убийство. Осуществить правосудие собственными руками, покарать убийцу за то, чего не могу доказать, даже зная мотив.

Я вспоминал о прекрасном теле Дороти, идущей впереди меня к озеру, и о ее же мертвом теле на освещенном луной песке. Размышлял о страхах Салли и о ее безграничной вере в меня. Она легла в постель, убежденная, что со мной ей ничего не грозит.

Я подвел их обеих, и теперь это повторялось из-за моего неумения собрать доказательства. Убийце все сойдет с рук, и я ничего не смогу с этим поделать.

Однако вот уже два часа, как я не пытаюсь найти дядю Эма. Он говорил, что его не будет пару дней, и время почти истекло. Я позвонил в офис из автомата. Ответа не было. Позвонил в пансион – то же самое, хотя я попросил телефонистку подольше не прерывать связь, чтобы дядя, если он дома, успел спуститься в холл к телефону.

Мрачнее тучи, я вернулся к своему пиву. Потом какой-то болван бросил в музыкальный ящик десятицентовик, и оттуда зазвучала баллада в стиле беспросветного кантри. Я ушел.

Глава 14

Было уже шесть часов, я проголодался, но шел еще довольно долго, желая поскорее убраться из этих мест. Ресторан выбрал приличный, но еда по вкусу напоминала опилки. Домой я приехал на такси. Дяди Эма там не было. Побродив по комнате, я достал из комода автоматический пистолет тридцать восьмого калибра, почистил его и смазал. Вставил обойму, дослал патрон, снял пиджак, чтобы надеть кобуру. Потом сообразил, что нахожусь на грани безумия, и убрал пистолет с кобурой в комод.

Черт бы побрал дядю Эма! Пора бы ему приехать – мог бы хоть позвонить. Я выглянул в окно. Темнело, над озером собирались тучи, накрапывал легкий дождик. Я открыл окно пошире, в комнату проник шорох шин. Кто-то стучался в дверь. Я открыл.

– Вас к телефону, Эд, – сказала миссис Брейди. – Я звала, вы не слышали.

– Извините, пожалуйста. Открыл окно, на улице шумно. Это дядя Эм?

– Да.

Чувствуя, что мне снова придется выйти из дома, я захватил пиджак и шляпу, но пистолет, от греха подальше, оставил. Руки, в конце концов, всегда при мне.

– Привет, парень, как дела? – спросил дядя.

– Так себе. Ты где?

– В аэропорту. Хочешь сказать, что свою задачку так и не разгадал?

– Понял сегодня, в какую дверь вышла Салли, только доказать не могу.

– Что за дверь?

– Понял, как ее убили, иными словами. И как убили Дороти, тоже знаю. И знаю, что их убил Вернеке, но улики никаких.

– Отлично, Эд! – весело воскликнул дядя. – Ты молодец. Доказательства нам не понадобятся – если ты действительно знаешь, как их убили, то все под контролем. Сейчас мы возьмем такси и отправимся к Стэнтонам. Езжай туда же, жди нас на улице и следи, чтобы Вернеке никуда не ушел.

– Кто это «мы»?

– Дядя Эм и дядя Сэм. Задержишь его, если что?

– С большим удовольствием. Но какого...

В трубке щелкнуло.

Мне повезло – такси я, несмотря на дождь, нашел быстро. Я попросил водителя остановиться рядом со следующим от Стэнтонов домом и ждал, пока не подъехало другое такси. Из него вышли дядя Эм и двое высоких, крепких мужчин. Дядя поманил меня к себе и познакомил с федералами, которых звали Баскомб и Селиг.

Мы вчетвером поднялись наверх, и Баскомб постучался в квартиру. Стэнтон, увидев меня и дядю, сразу открыл дверь. Мы вошли. Баскомб спросил, дома ли Вернеке.

– Да, он у себя, – растерялся Стэнтон. – Мне...

– Спасибо, мы сами.

Баскомб и Селиг шагнули в комнату и сразу вывели Вернеке. Он шел, глядя прямо перед собой, и выглядел трезвым, как стеклышко.

– Вот это, я понимаю, техника, – заметил дядя Эм. – Показываешь ордер, и все дела. Некоторые так пугаются, что начинают говорить, не дожидаясь допроса. Вы знали? – обратился он к Стэнтону.

Тот опустил на стул.

– Подозревал... но не мог понять, почему. Рей ведь не сумасшедший. Зачем он убил Салли и Дороти? И как это сделал?

– Колорадский участок, – усмехнулся дядя Эм. – Счетчик Гейгера там верещит как нанятый. Вы теперь богаты, мистер Стэнтон – или будете богаты, когда продадите свою собственность государству. На уран сейчас большой спрос.

– Но как?

Дядя Эм расположился на диване и мне тоже предложил сесть.

– Рассказ будет долгий. Я изложу свою часть, а потом ты, Эд, объяснишь нам обоим, как это произошло. Признаться, все еще блуждаю в потемках.

Я присел на подлокотник кресла и сердито посмотрел на него:

– Ты сказал, что в Колорадо не едешь.

– Я и не собирался. Во вторник вечером, когда ты находился в квартире у Салли, мне пришла в голову светлая мысль побеседовать с Джеком Сильвером – геологом, исследовавшим участок. Многого я не ждал, но эта собственность оставалась единственным возможным мотивом и не давала мне покоя. Звоню в Эль-Пасо – говорят, что телефон Сильвера отключен. Спрашиваю, когда его отключили – оказывается, сразу после проведенного им исследования. Тогда я решил сам побывать в Эль-Пасо и вылетел туда в ту же ночь.

– Я дурак, что не подумал об этом!

– Ты разрабатывал свою линию, а я свою. Короче, утром я пришел к Джорджу Макнелли, боссу Сильвера, и выяснилось, что наш эксперт погиб прямо там, в Секо, после того, как отослал свой отчет. Я высказал подозрение, что отчет в таком случае может оказаться подложным. Мы сличили оригинал с другими отчетами Сильвера: они все написаны от руки, и сразу видно, что почерк в последнем документе другой – тот, кто его подделывал, особо не старался. Мы отнесли отчет федералам и...

– Почему им? Федералы подделками не занимаются.

– Отчет был отправлен по почте, а использование почты США в мошеннических целях – федеральный случай. На это, кстати, и ордер выписан. За одно это можно надолго сесть, и Баскомб говорит, что если отчет действительно подделал Вернеке, их эксперты докажут это. Можно не сомневаться, его работа: Сильвер с Вернеке ездили в Секо вдвоем, и убить геолога больше никто не мог.

– Как погиб Сильвер?

– Будто бы упал с лестницы в местной гостинице. Вернеке тоже находился с ним, но подозревать его в убийстве тогда не было оснований, и ему поверили на слово. На самом деле он убил Сильвера, когда тот шел отправлять пакет, а отчет забрал и написал по его образцу другой. Как только подделку документа и пересылку фальшивки по почте докажут, штат Колорадо потребует его экстрадиции за убийство. Второе обвинение будет опираться на первое, хотя фактических улик по убийству нет. Если докажут, что отчет написан его почерком, в Колорадо Вернеке определенно осудят за более тяжкое преступление.

– Но зачем... – пробормотал Стэнтон.

– Зачем Вернеке совершил три убийства, чтобы завладеть этой землей? Государственный эксперт, вылетевший туда из Денвера, оценивает участок в несколько миллионов долларов. Даже люди намного богаче Вернеке способны убить за несколько миллионов. Он не стал пытаться выкупить землю у девушек: если не они, так вы непременно заподозрили бы неладное. Просто выждал немного и убил их. Эд, по его словам, знает, как. Земля таким образом перешла к вам и вашей жене, сестре Вернеке. У вас, как и у Салли, большое сердце. В скором времени собственность могла отойти миссис Стэнтон, и великодушный брат купил бы ее у сестры за бесценок. Никаких подозрений у нее не возникло бы.

– Неприятно сознаваться, что жена у тебя глупая, мистер Хантер, но это, к сожалению, так. Брату она очень доверяет, и даже вопросов не стала бы задавать – поэтому мне, к слову, и пришлось нанимать вас столь эксцентричным способом. Если бы жена узнала, что я обратился к детективам, чтобы упечь в тюрьму ее брата, нашему браку пришел бы конец.

– Откуда у вас взялась тысячедолларовая банкнота, мистер Стэнтон? – спросил я.

– От Рея. Однажды вечером он попросил у меня сто долларов на игру – чует, мол, что непременно выиграет. У него бывают такие предчувствия, и часто они оправдываются. Рей знал, что я получил недельное жалованье, и сотня у меня есть. Я сначала отказывался, но он обещал мне половину своего выигрыша, а если проиграет, то сотню вернет. Терять мне было нечего, и я дал ему эту сотню. Рей в ту же ночь вручил мне четыре тысячи. Я удивился: он мог бы сказать, что выиграл немного, и соответственно уменьшить мою долю. Хотя он, возможно, и больше выиграл.

– Нет, точно восемь тысяч, – произнес я. – А знаете, в чем причина столь честного дележа? Билл Хаберман, бывший парень Салли, оказался вместе с ним в казино и видел, сколько он

выиграл. Вернеке просил его никому об этом не говорить, но Билл все-таки мог сообщить Салли, а она вам.

– Ты, парень, везде поспел, – пробормотал дядя.

– За что и заплатился. – Я показал на подбитый глаз.

– Как раз хотел спросить, – усмехнулся дядя, – но на тебе это романтично смотрится. Можешь всегда так ходить. Но к чему эти марсианские штучки? – обратился он к Стэнтону. – Зачем столько хлопот, чтобы засунуть деньги под промокашку у нас на столе?

– Чтобы вы подумали, будто ваш клиент – Вернеке. Ваша добросовестность у меня сомнений не вызывала, но я предпочитал все-таки, чтобы вы думали на него, а поскольку он постоянно болтает о марсианах... Конечно, вы догадались, что это кто-то из нас. В молодости я играл в любительском театре и неплохо умею говорить разными голосами. Так как же Рей убил Салли и Дороти, Эд? Загипнотизировал их?

– С Дороти так и было. Труда это ему не составило: они вместе экспериментировали в области парапсихологии, включая попытки телепатии под гипнозом. Утром в понедельник Вернеке дал ей две установки: во-первых, пойти поплавать – Дороти настаивала на этом весь вечер, – а во-вторых, доплыть до плота, который почему-то отодвигается все дальше и дальше.

– Я предвидел подобную возможность, – произнес Стэнтон, – но не хотел в это верить, тем более что с Салли это у него не прошло бы. Она не позволяла ему гипнотизировать себя.

– Вернеке пустил в ход оружие. – Я показал на торшер, прежде стоявший в спальне у Салли. – Я имею в виду абажур. Снаружи на нем медная фольга, изнутри алюминиевая, целлулоид между ними служит как диэлектрик. Все вместе действует по принципу лейденской банки.

– У Дикки есть такая.

– И генератор, чтобы заряжать ее. Вернеке съездил с этим прибором в квартиру Салли, когда она отсутствовала, и зарядил абажур. Заряд был слабый и здорового человека мог лишь испугать, но Салли еще раньше предупреждали по телефону, будто ее хотят убить марсиане. Вернеке, учитывая больное сердце Салли, не сомневался, что любой неожиданный шок ее скорее всего убьет. В ту ночь она хотела почтить перед сном и поправила абажур, чтобы свет был ярче. Для этого Салли, естественно, взялась за него с двух сторон. Разумеется, Вернеке не мог быть уверен, что она станет поправлять абажур в ту же ночь, и позвонил ей, чтобы удостовериться. Когда вместо Салли ответил я, он повесил трубку.

– Вернеке подарил Салли торшер на день рождения, два месяца назад, – мрачно заметил Стэнтон. – Видимо, тогда уже все спланировал.

– Он спланировал это, как только геолог сообщил ему про уран, – пояснил дядя. – Убив геолога и подделав отчет, Вернеке стал ждать случая, чтобы разделаться с девушками. Это, между прочим, могло сойти ему с рук, если бы не их «предчувствия». Про Салли я понимаю, Эд, ей звонили, но почему Дороти решила, что предстоящая ночь для нее опасна?

– Установка, полученная от Вернеке под гипнозом, могла как-то просочиться с бессознательного уровня на сознательный, и смутное предчувствие чего-то дурного заставило Дороти обратиться к нам. Вернемся, однако, к Салли: абажур я должен был заподозрить сразу из-за его необычности, но этого не случилось. Я сам трогал его, однако ничего не почувствовал, потому что конденсатор уже разрядился полностью. И был в полном тупике, пока не увидел лейденскую банку в лаборатории у Дикки.

Мы помолчали, и дядя Эм встал.

– Подождите, пожалуйста! – попросил Стэнтон и вручил нам еще одну тысячедолларовую купюру. – Вот ваш обещанный гонорар, но, пожалуйста, сохраните это в тайне. Жена о тех четырех тысячах ничего не знает. Я отложил их на черный день.

– Секретность мы вам гарантируем, мистер Стэнтон, – заверил дядя, пряча деньги в бумажник, – но миссис Стэнтон тем не менее ждет шок.

– Тут уж ничем не поможешь. На похоронах ей стало плохо, и я отправил ее отдохнуть к родственникам в Уиннетку – с ними она и уехала. Я рад, что жена не присутствовала при всем этом.

Мы пожали ему руку и отклонили его предложение выпить. Выпить хотелось, но не здесь. Я мечтал поскорее выйти в прохладную ночь и забыть о случившемся.

– Положим эту красавицу в сейф, к подружке, – сказал дядя, когда мы поймали такси, – а завтра отнесем обе в банк. В Денвере я обналичил чек, и около двух сотен еще осталось – на вечер хватит. Надо отметить окончание расследования, как думаешь?

– Пожалуй, – без энтузиазма ответил я.

Мы зашли в офис и спрятали вторую тысячу в сейф. Когда уже уходили, зазвонил телефон, и Баскомб сообщил хорошую новость: услышав, что подделку и первое убийство можно легко доказать, Вернеке раскололся по полной.

После нескольких порций спиртного мне полегчало. Процесс шел по нарастающей: часов в десять дядя решил сыграть в кости, а я позвонил Монике и рассказал ей об успешном раскрытии нашего дела. Знаю, что уже поздно, добавил я, но ведь завтра ей больше не надо идти на работу.

– Я за тобой заеду, если у тебя нет дурного предчувствия на сей счет?

– Вообще-то есть, Эд, но не очень плохое. Рискнем.

Мы рискнули, и ничего страшного с нами в эту ночь не случилось.

Фредрик Браун, американский писатель, знакомый российскому читателю прежде всего как автор классических произведений в жанре юмористической фантастики, ничуть не меньше преуспел на ниве детектива. Его дебютный детективный роман «Самое обыкновенное убийство» сразу же получил премию Эдгара Аллана По, которая позволила ему полностью посвятить себя литературе. Фирменный стиль Фредрика Брауна — это динамичный сюжет, яркие характеры и остроумные диалоги, залог неизменного удовольствия читателей.

Самое обыкновенное убийство

Первый роман из серии о семейном детективном агентстве Хантеров.

Отец юного Эда Хантера, простой наборщик из типографии, отправился обмывать получку, а утром был найден убитым в переулке. Полиция считает расследование бесперспективным, и тогда Эд вместе с дядей, «карнавальщиком» Эмброузом Хантером, начинают самостоятельные поиски убийцы. Из рассказов дяди Эд с изумлением узнает о бурной молодости отца...

Где тебя настигнет смерть?

Однажды в жаркий августовский полдень в детективное агентство «Хантер и Хантер» обращается за помощью очаровательная рыжеволосая красотка Салли Доуэр. Эд Хантер и его дядя Эм решительно отказывают девушке, когда она объясняет, что ее хотят убить... марсиане. Однако девушка так мила и так сильно расстроена, что Эд Хантер соглашается провести с ней один вечер, чтобы она хоть ненадолго почувствовала себя в безопасности...

www.ast.ru

ISBN 978-5-17-102038-5

9 785171 020385